

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

**ВЕСТНИК
ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

Научный журнал

№ 3 (95). Ч. 2

Июль – сентябрь 2017 г.

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Выходит 1 раз в три месяца

Зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 39898

Адрес редакции и издателя:

428000, г. Чебоксары,
ул. К. Маркса, 38

Тел.: (8352) 22-28-71, доб. 1184

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru

www: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

© ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», 2017

Главный редактор *В. Н. Иванов*, д-р пед. наук, профессор

Заместитель главного редактора *Т. Н. Петрова*, д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Ответственный секретарь *А. А. Сосаева*

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягаши К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Алексеев В. В., д-р биол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Анисимов Г. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Арсалиев Ш. М.-Х., д-р пед. наук, профессор (г. Грозный);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кырklarэли, Турция);
Бозиев Р. С., д-р пед. наук, профессор (г. Москва);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Ильина Н. А., д-р биол. наук, профессор (г. Ульяновск);
Кожанова М. Б., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Маловичко Л. В., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Неверкович С. Д., д-р пед. наук, профессор (г. Москва);
Сааринен С., д-р филос. наук, профессор (г. Турку, Финляндия);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хайрулдинов М. А., д-р пед. наук, профессор (г. Николаев, Украина);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);

члены редакционной коллегии:

Артемов Ю. М., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Ванюшин Ю. С., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Воронов Л. Н., д-р биол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Димитриев Д. А., д-р мед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Драндров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Дыбина О. В., д-р пед. наук, профессор (г. Тольятти);
Жамсаранова Р. Г., д-р филол. наук, доцент (г. Чита);
Закиев М. З., д-р филол. наук, профессор (г. Казань);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Лавина Т. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Морова Н. С., д-р пед. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Платонова Р. И., д-р пед. наук, доцент (г. Якутск);
Рабичев И. Э., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Рахимов И. И., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Резанов А. Г., д-р биол. наук, доцент (г. Москва);
Семенова Г. Н., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Сергеев Л. П., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Тенюкова Г. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Шайхулов А. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Уфа).

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева имеет свою славную историю. Более чем за 85 лет существования первый вуз республики подготовил замечательных специалистов, востребованных во всех сферах образования. За эти годы сформировались крепкие традиции научных и научно-педагогических школ, в том числе литературоведческой. Е. В. Владимиров, Д. В. Абашева, В. А. Степанов, Г. Л. Королькова, А. К. Пейкова, А. М. Ярмуж внесли значительный вклад в развитие филологического образования в Чувашской Республике и России.

Среди этой замечательной плеяды ученых достойное место занимает яркий филолог, основатель культурологического движения в Чувашии Галина Леонидовна Никонова. Как будто только вчера ее голос звучал в студенческих аудиториях, оживали чудесные картины, открывались тайны исчезнувших миров. Галина Леонидовна умела вдохновлять своих учеников, передавать им страстную любовь к прекрасному. Талантливый педагог, ученый, она щедро делилась своими знаниями, наставляла, помогала, растила достойную смену.

Г. Л. Никонова ушла из жизни на взлете творческих сил, полная самых смелых планов... К сожалению, многое, о чем мечтала, она не успела осуществить. Как верно сказано в одном стихотворении, «Не люди умирают, а миры...». Однако часть мира, часть вселенной Галины Леонидовны все-таки осталась с нами: прежде всего это кафедра литературы и культурологии – одна из самых молодых и постоянно развивающихся кафедр университета; это ее ученики – многие поколения студентов, благодарных ей за науку, творчество и дружбу.

Ежегодно в нашем университете проходит Всероссийский культурологический форум «Никоновские чтения». Текущий номер журнала, подготовленный по материалам этого форума, – дань памяти прекрасному педагогу и другу – Галине Леонидовне Никоновой.

Главный редактор В. Н. Иванов

ГАЛИНА ЛЕОНИДОВНА НИКОНОВА
(1950–2015)

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ

Галина Леонидовна Никонова (1950–2015) – кандидат филологических наук, доцент, заслуженный работник образования Чувашской Республики.

Родилась 24 марта 1950 г. в г. Чебоксары. Успешно окончив в 1967 г. Чебоксарскую среднюю школу № 22, поступила на филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева, который с отличием окончила в 1971 г. В годы учебы Галина Леонидовна проявила себя как инициативная, целеустремленная и талантливая студентка, ей была назначена стипендия им. В. И. Ленина.

С 1971 г. работала учителем русского языка и литературы в средней школе № 1 г. Чебоксары и по совместительству – преподавателем кафедры литературы Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева. С 1972 по 2015 г. трудилась в ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, занимая в разное время должности преподавателя, доцента и заведующего кафедрой. В 1984 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по русской литературе XIX в. в диссертационном совете при Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, в 1987 г. получила ученое звание доцента кафедры литературы. Область ее научных интересов – история культуры и литературы от античности до наших дней. За годы работы в вузе ею было опубликовано более 80 научных и учебно-методических трудов.

Галина Леонидовна была основателем кафедры культурологии и мировой художественной культуры в ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Возглавляемая ею кафедра стала центром консолидации культурных сил региона. Вместе со своими коллегами она шла по пути культурного просветительства, последовательно проводя в жизнь задачу культурного развития молодого поколения, учащейся и студенческой молодежи республики и региона. Результатом ее многолетней деятельности стало создание научно-образовательного культурного центра Приволжского региона, в который входят представители родственных кафедр Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы.

Галина Леонидовна для многих была учителем, коллегой, другом. Она была продолжателем традиций, талантливым наследником семьи композиторов В. П. и Г. В. Воробьевых, основоположников чувашской профессиональной музыки. Наш долг – отдавать дань уважения и хранить память о человеке, чье преклонение перед искусством стало образцом для подражания для многих из нас. Необходимо беречь ее педагогическое наследие и продолжать научный поиск, предъявляя к себе высокие профессиональные требования, как учила нас Галина Леонидовна.

Преподаватели кафедры литературы и культурологии

УДК [811.112.2'373:659.123.4]:371.67

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КАТАЛОГОВ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье определяется и классифицируется лексика оценочного характера, использованная в рекламных каталогах учебно-методической литературы на немецком языке. В исследовании разрабатывается система рационалистической оценки («положительная – нулевая – отрицательная»), показывается процесс нейтрализации нулевой и отрицательной оценок, смещения шкалы в сторону положительной. Особое внимание уделяется различиям в выборе оценочной лексики, обусловленном научно-техническими и социально-политическими изменениями в обществе.

Ключевые слова: *реклама, оценочность, эмоциональность, рационалистическая оценка, внутренняя антонимия.*

Актуальность исследуемой проблемы. Реклама, являющаяся объектом изучения специалистов разных областей (экономистов, психологов, социологов и лингвистов), определяется с разных ракурсов, например с позиций обеспечения связи производителя и потребителя, информационного процесса, прагматического эффекта. Реклама неотделима от оценочной деятельности. Рекламируя что-либо, производитель всегда, имплицитно или эксплицитно, оценивает свой товар или услугу. Необходимость анализа и интерпре-

© Алексеева М. Г., Фролова В. А., 2017

Алексеева Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: margennal@yandex.ru

Фролова Вера Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: frvera@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017

тации оценочных лексем, установления их обусловленности социальными нормами, политическими интересами, уровнем научно-технического развития общества определяет актуальность исследования.

Материал и методика исследований. Был использован комплекс теоретических и практических методов исследования, включающий анализ теоретических источников, метод сплошной выборки по двум рекламным каталогам учебно-методической литературы, лингвистический анализ иллюстративного материала.

Результаты исследований и их обсуждение. Общие проблемы оценки находят отражение в трудах отечественных и зарубежных языковедов Э. С. Азнауровой, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телии, Б. Зандиг и др. В лингвистике также исследуются частные вопросы оценки: определяются условия формирования положительной оценки [5], анализируется оценочная лексика в рекламных текстах [13], классифицируются частнооценочные прилагательные с отрицанием [14], описывается характер мотивированности сложных глаголов качественного и качественно-оценочного признака [12].

Оценка деятельности человека рассматривается в исследовании как самостоятельное, не совпадающее с эмоциональностью и экспрессивностью явление. Анализ иллюстративного материала показал, что в тексте, стремящемся к максимально объективной подаче информации, употребляются только разновидности рационалистической оценки, которая, хотя и выражена формально тремя противочленами «положительная – нулевая – отрицательная», содержательно актуализирует лишь положительную оценку рекламируемой продукции. Оппозиция таким образом нейтрализуется, поскольку две другие, неположительные, фактически представляют собой высокую степень положительной оценки рекламируемого учебно-методического материала.

Целью нашей работы является анализ оценочной лексики в каталоге учебной литературы немецкого издательства «Лангеншайдт» 2006 г. [15], а также в совместном с «Клетт» каталоге 2015 г. [16]. Рекламные тексты в подобных каталогах носят информативный характер и стимулируют сбыт продукции путем обращения к потребителю. Язык текстов учебных каталогов предельно корректен, сжат, клиширован, но не лишен оценочности [10].

Язык рекламы как особого функционального типа текста характеризуется, по Х. Буссманн, тщательным отбором средств для скорейшего достижения цели – убеждения кого-либо в чем-либо или побуждения кого-либо к какому-либо действию. Основным признаком языка рекламы Х. Буссманн считает косвенность и скрытость языковых стратегий [17, с. 519, 790]. Оценочные высказывания как нельзя лучше соответствуют этому признаку – не обладая открытой категоричностью императива, они, тем не менее, активно обращены к адресату. По Н. Д. Арутюновой, оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Этот ученый также указывает на глубинную связь оценки и потребления. Оценка производится не в рамках естественного класса, а в рамках потребительского [1, с. 6, 55].

В лингвистике часто указывается на взаимосвязь, а иногда и на совпадение таких понятий, как оценка (оценочность), эмоциональность (эмотивность), экспрессивность. Например, эмоциональность может определяться как повышенная оценка (*gesteigertes Bewerten*), поскольку оба понятия могут иметь одну и ту же функцию – выражение отношения к чему-либо [18, с. 249]. Вслед за И. Б. Косицыной, И. А. Солодиловой и И. В. Шепеля мы придерживаемся различия эмоциональности, экспрессивности и оценки, которая восходит к оценочной деятельности человека, имеет рациональную основу и дает информацию о сущностных признаках объекта, тогда как эмотивность восходит к эмоциональ-

ной деятельности, дает информацию об эмоциональном отношении говорящего к объекту. Оценочность тяготеет к денотативному блоку информации, поскольку оценочная деятельность может квалифицироваться как специфическая разновидность когнитивной. Эмотивность, в свою очередь, относится к коннотативному блоку информации, то есть дает дополнительные сведения о самом говорящем. Обе категории – оценка и эмотивность – противопоставлены экспрессивности как относящиеся к плану содержания. Экспрессивность же относится к плану выражения [4, с. 142], [9, с. 173–177].

Язык рекламных текстов учебно-методической литературы малоэмоционален, стремится к объективному описанию свойств предлагаемого товара. Как правило, активно употребляются лексемы со значением рационалистической оценки. Различным ее типам – интеллектуальной и эмоциональной, количественной и качественной, эксплицитной и имплицитной – посвящены работы [7, с. 36], [8, с. 193–199], [11, с. 97]. В нашем исследовании мы основываемся на классификации Н. Д. Арутюновой, различающей сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические и рационалистические виды оценок. Последние включают в себя утилитарные, нормативные и телеологические подвиды, все они связаны с практической деятельностью и практическими интересами человека. Их основными критериями являются польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции [1, с. 66, 75].

Шкалу рационалистических оценок в рекламных текстах учебных каталогов мы представляем как систему с ориентирами «положительная – нулевая – отрицательная». Нами было проанализировано около 300 примеров оценочной лексики из каталога учебно-методической литературы за 2006 г. издательства «Лангеншайдт» и более 350 – из совместного каталога «Лангеншайдт» и «Клетт» за 2015 г.

В первом нами были зафиксированы следующие подгруппы лексем (в основном существительных и прилагательных, реже – глаголов и причастий), манифестирующих положительную оценку:

- с семантикой «положительная динамика развития»: Vertiefung, Festigung, Progression, Evaluation, Evaluierung, Verbesserung, Erweiterung, Fortschreiten, systematisch, wichtig, effektiv, erreichen, integriert, gezielt;

- с семантикой «дополнительное, сверхкомплектное»: Ergänzung, Zusatz, Zusatzangebot, zusätzlich, eingelegt, übergreifend;

- со значением «усвоение знаний, приобретение опыта»: Erwerb, Erfahrung, Vorerfahrung, Erfahrungsschatz, erfahren, aneignen, eignen, Information liefern;

- со значением «возможность»: Möglichkeit, Wahlmöglichkeit, einsetzbar, abrufbar im Internet, transparent, abrufen, ermöglichen, erlauben;

- со значением «помощь, содействие, стимуляция»: Tipp, Lerntipp, Verweissystem, Hinweis, Anregung, Anlass, Unterstützung, Anweisung, intensiv, motivieren, fördern, berücksichtigen, erleichtern, anregend;

- со значением «применимость на практике и соответствие требованиям»: Praxisumsetzung, Anwendung, Verwendung, Einsatz, Anpassung, Sicherheit, altersgemäß, erprobt, aktuell, authentisch, praxisnah, praktisch, einsetzen.

На положительном отрезке оценочной шкалы следует также отметить активность некоторых словообразовательных элементов, например компонента *reich* (Bereicherung, erfolgreich, abwechslungsreich, hilfreich, reichhaltig, umfangreich, zahlreich), за ним по частотности следуют *freundlich* (benutzerfreundlich, lernerfreundlich) и *fertig* (kopiefertig).

Нулевую позицию на оценочной шкале занимают лексемы из рекламных текстов учебного каталога, которые вне контекста производят впечатление нейтральных. Однако именно таким имплицитным способом выражаются объективность, достоверность и надежность, что воспринимается потребителем как оценка высокоположительная (ср. также [3, с. 94]).

В качестве частотных оценочных единиц зафиксированы:

– **Alltag** («повседневный, будничны́й», в контексте – «применимый на практике, в житейских ситуациях») как самостоятельное слово и как композитный компонент: Alltag, Alltagsthemen, Alltagssituation, Arbeitsalltag, Lebensalltag, Berufsalltag, Alltagsbedürfnisse, Alltagssprache, alltägliche Situationen;

– **Training** (в значении «тренажер, упражнение, тренировка»): Aussprachetraining, Videotraining, Intensivtrainer, Gedächtnistrainer, Trainingsprogramm, Trainingsmaterial, trainieren, Testtrainer;

– местоимения **alle, jeder** (в значении «все, каждый»), указывающие на максимальной охват аудитории, возрастных групп, учебного курса, на доступность пособий: alle Vorkurse, alle Altersgruppen, alle Altersstufen, alle Niveaus, zu jeder Unterrichtseinheit, über jede Lektion, zu jedem Thema, zu jedem Lied, zu jeder Art;

– с компонентом **selbst** (в значении «сам, самостоятельный»), выступающим в качестве одного из самых частотных в подгруппе нейтральных лексем и предполагающим возможность автономного обучения каждого ученика, индивидуального обучения и подхода: Selbstevaluation, Selbstlernen, Selbstlerner, Selbststudium, selbstständig.

Нулевую позицию занимает и множество дидактических терминов, создающих благоприятное впечатление научного подхода при составлении учебных пособий, преемственности, комбинируемости, ориентированности на практическое применение полученных знаний: Schulung des Schreibens, autonomes Lernen, entscheidungsorientierte Übungen, Erarbeitung der Strukturen, regionale Varianten (des Deutschen), (Laut)inventar, Fertigkeiten, Lernweg, Übersicht / Überblick / Einblick geben, Basisredemittel, Basisbegriffe, Basiswortschatz, Schwerpunkte legen, fachbezogen, konzipieren, sich richten.

Отрицательная оценка претерпевает в тексте рекламы учебной литературы определенные изменения – при погружении слов в контекст происходит смена знака, т. е. она становится положительной, а воздействующая функция текста при этом усиливается. Подобная внутренняя антонимия [6, с. 22–23] эксплицируется в нашем случае следующими лексическими и грамматическими средствами: предлогом **ohne** (ohne Fremdsprachenlernerfahrung, ohne Vorkenntnisse, ohne Mühe, mit oder ohne Lehrer, ohne Vorbereitung), отрицанием **kein** и **nicht** (keine oder wenig Erfahrung, keine weitere Vorbereitung, nicht-deutsche Muttersprache), местоимением **wenig** (mit mehr oder weniger Vorerfahrung), приставками **un-, ent-, non-** (unabhängig, unzureichend, nonverbal), фразами с негативным семантическим компонентом (flache Progression, (falscher) Anfänger, Vermeidung von Risiken und Missverständnissen). Отрицательная оценка переходит в свой противочлен: учебные пособия подходят и для начинающих, и для мигрантов, для обучения и с учителем, и без педагога. Они обеспечивают (не)вербальными средствами постепенный (буквально «ровный, плоский») прогресс в овладении изучаемым языком.

Как следует из анализа оценочной лексики, зафиксированной в каталоге учебной литературы за 2006 г., трехчленность шкалы «положительная – нулевая – отрицательная» нейтрализуется, модус смещается в сторону положительного полюса, нейтральные и отрицательные примеры действуют едва ли не эффективнее, чем те, которые эксплицитно иллюстрируют положительную оценку.

Язык каталога за 2015 г. обнаруживает качественные и количественные отличия. На положительном отрезке шкалы можно выделить одну довольно гетерогенную группу оценочной лексики, указывающую на совершенно новый подход к обучению (*lernerzentriert*), ставящий в фокус процесса личность обучаемого. Учащемуся должно быть интересно и весело на уроке немецкого языка (*Charme, Esprit, animierte Grammatik, Unterrichtsideen, Impulse, aktivierbar, facettenreich, humorvoll, emotional, unterhaltsam, kreativ, attraktiv, absolut, originell, clever, witzig, intuitiv, frisch, fit, inspirierend, sensibilisiert*), обучение часто построено в игровой форме с визуализацией многих понятий (*Visualisierung, Wechselspiel, Rollenspiele, spielerisch, (stark)visualisiert, handlungsorientiert*). Вводные уроки призваны обеспечить мягкое, комфортное введение в тему (*sanfter Einstieg, einladende Auftaktseiten, lektionsbegleitende Links, kapitelbegleitend, komplett, flexibel, einfach, reduziert, zeitsparend, optimal, sofortig, prägnant, beigelegt, passend, niveaugerecht*). При обучении должен учитываться языковой и личный опыт ученика (*reale Personen, Einbeziehung von Vorwissen und der Lebenswelt der Lernenden, teilnehmerähnlicher Figurenstamm, echt, natürlich, individuell, realitätsnah, realistisch, lebensnah*). В языковом плане эта группа характеризуется почти полным отсутствием глаголов, рекламные тексты обнаруживают черты ярко выраженного номинального стиля (доминируют прилагательные и причастия, за ними с большим отрывом следуют существительные). Иллюстрации в этом каталоге учебной литературы становятся крупнее по своему размеру, а рекламный текст – короче.

Количество лексем с нулевой оценкой, зафиксированных в каталоге за 2015 г., значительно больше, чем в каталоге за 2006 г. (около 130 и 70 примеров соответственно). Качественный состав этой группы также принципиально меняется, на первый план выходят:

1) лексические единицы, указывающие на современный уровень технического оснащения и поддержки рекламируемой учебной продукции: *Medienpaket, Medienvernetzung, Videoclips, Navigation, Tafelbilder, Vokabel-App, DVD-ROM, Audio-CD, Video-DVD, Beamer, Whiteboard, Videodateien, Hördateien, Download-Material, Trackliste, Layout, Moodle, Foren, Chatroom, Tablett, Smartphone, mit einem Klick, klickbereit, digital, online, scannen*;

2) лексемы, указывающие на возможность прохождения тестов на определение первоначального языкового уровня, пробных тестов и экзаменов: *Prüfungssimulation, Einstufungstest, Testformat, Modelltest, Modellprüfung*;

3) лексические единицы, демонстрирующие стандартизованность учебных пособий, соответствие уровневой системе оценки владения языком, так называемым Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком, или Общеввропейским рамкам (*Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen*): *Kannbeschreibungen des GER, am GER orientiert, Schulung der Kompetenzen, Lesekompetenzen, Schlüsselqualifikationen, Schlüsselbegriffe*;

4) выбор нейтральной лексики в связи с новым подходом в обучении, сконцентрированным на личности обучаемого, например, учащемуся предлагаются различные ролевые игры для конвенционального преодоления конфликтных ситуаций, в том числе и в профессиональной деятельности (*Vertragstechnik, Konflikte, Herausforderung, Argumentationskärtchen, Coaching, Auseinandersetzungen, berufsbezogen, berufsrelevant*), ему активно прививаются также навыки (само)презентации: *Portfolioseiten, Portfolio, (Selbst)präsentation, präsentieren*.

По сравнению с каталогом 2006 г. в совместном условно-нейтральная лексика не изобилует чисто дидактическими терминами, однако в ней встречаются ссылки на использование результатов современных лингвистических направлений (Neurolinguistik, Sprachhandlungsfelder), условно-отрицательная лексика представлена крайне скудно, так как к 2015 г. постепенно нивелируется негативное отношение к мигрантам, из экстраординарного явления они становятся одной из групп обучаемых немецкому языку, пусть и имеющих определенные трудности в его усвоении (Zuwanderer, Migranten, mit Migrationshintergrund). Предлог *ohne* и суффикс *-los* (kostenlos – в положительном значении «бесплатный») в языке каталога начинают представлять отрицательный отрезок оценочной шкалы.

Резюме. В свете изложенного можно сделать вывод, что в разные временные отрезки оценочная лексика обнаруживает значительные качественные и количественные различия, которые могут быть обусловлены как несовпадением целей практического применения полученных знаний (для саморазвития vs. для успешной интеграции в обществе, в индивидуальной vs. групповой деятельности и т. д.), так и изменениями в мироощущении и мироопределении общества в целом.

Таким образом, в данной статье представлен подробный анализ основных средств передачи значения оценочности на примере рекламных текстов из немецких каталогов учебно-методической литературы. Материалы исследования могут найти применение в преподавании стилистики, лексикологии, истории немецкого языка, сравнительного языкознания, в переводоведении, в лексикографической практике при составлении словаря базовых концептов, а также для обзоров концептологических исследований, так как они направлены на развитие языковой и речевой компетенции студентов [2, с. 10–14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 336 с.
2. Варламова Е. Ю. Лингводидактическая компетентность как составляющая профессиональной компетентности бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1(77), ч. 1. – С. 8–14.
3. Кажарова Д. С. Выражение оценки информации различных типов в английском научном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. X. – Владикавказ, 2008. – С. 90–98.
4. Косицына И. Б. Соотношение категорий эмоциональности, оценочности и экспрессивности // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : сб. науч. тр. Вып. 14. – Тверь, 2012. – С. 140–143.
5. Лечкина Т. О. Условия формирования положительной оценки (на материале немецкого языка) // Современные проблемы взаимодействия языков и культур : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2010. – С. 133–139.
6. Минемуллина А. Р. Адъективная оценочная энантиосемия в языке современных СМИ // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания : межвуз. сб. ст. Вып. 6. – Киров, 2014. – С. 22–25.
7. Постникова С. В. Лексемы со значением оценки в системе немецких прилагательных // Лексикология и стилистика. Современные тенденции развития : сб. науч. тр. – Н. Новгород, 2004. – С. 36–41.
8. Прокопьева Н. Н. Прагматический потенциал оценочной лексики в немецкоязычном политическом дискурсе // Теория и практика описания языковых единиц и структур : межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород, 2009. – С. 192–202.
9. Солодилова И. А., Шепеля И. В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11(186). – С. 172–178.

10. Тулатова Л. Б. Языковые особенности рекламных текстов в каталогах учебной литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. Вып. IV. – Владикавказ, 2003. – С. 90–94.
11. Тяпкина Т. М. Аксиологический потенциал прилагательных-цветообозначений (на материале немецкого языка) // Проблемы современного языкового образования : доклады и тезисы докладов на Междунар. науч. конф. – Владимир, 2003. – С. 96–103.
12. Фадеева Л. В. Характер мотивированности сложных глаголов качественного и качественно-оценочного признака современного немецкого языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 34. – Тверь, 2016. – С. 230–237.
13. Чумак Е. Б., Кузьмина О. В. Оценочная лексика в немецких печатных рекламных текстах // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : сб. науч. тр. Вып. 14. – Тверь, 2012. – С. 107–112.
14. Якимова Е. Я. Частнооценочные прилагательные с отрицанием. Классификация и шкала оценок (на материале немецкого языка) // Человек и языковое пространство: аспекты взаимодействия : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Н. Новгород, 2006. – С. 118–122.
15. *Deutsch als Fremdsprache*. – Langenscheidt, 2006. – 79 S.
16. *Deutsch als Fremdsprache*. – Langenscheidt ; Klett, 2015. – 95 S.
17. *Lexikon der Sprachwissenschaft* / hrsg. von H. Bußmann. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2008. – 819 S.
18. *Sandig B. Textstilistik des Deutschen*. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

UDC [811.112.2'373:659.123.4]:371.67

M. G. Alekseeva, V. A. Frolova

EVALUATION WORDS IN ADVERTISING TEXTS OF COURSEWARE CATALOGUES (BY THE EXAMPLE OF MODERN GERMAN)

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article focuses on the definition and classification of evaluative vocabulary used in the advertising catalogues of German educational methodical literature. The work develops the system of rationalistic evaluation with the benchmarks «positive – zero – negative evaluation», and shows the process of neutralizing zero and negative evaluation and shifting the scale towards the positive pole. Special attention is paid to the differences in choosing the evaluation vocabulary conditioned by scientific and technical, social and political changes in the society.

Keywords: *advertising, evaluativeness, emotionality, rationalistic evaluation, internal antonymy.*

© Alekseeva M. G., Frolova V. A., 2017

Alekseeva, Marina Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: margennal@yandex.ru

Frolova, Vera Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: frvera@yandex.ru

The article was contributed on April 11, 2017

REFERENCES

1. *Arutjunova N. D.* Tipy jazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt. – M. : Nauka, 1988. – 336 s.
2. *Varlamova E. Ju.* Lingvodidakticheskaja kompetentnost' kak sostavljajushhaja professional'noj kompetentnosti bakalavrov po napravleniju podgotovki «Lingvistika» // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva.* – 2013. – № 1(77), ch. 1. – S. 8–14.
3. *Kazharova D. S.* Vyrazhenie ocenki informacii razlichnykh tipov v anglijskom nauchnom tekste // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. X.* – Vladikavkaz, 2008. – S. 90–98.
4. *Kosicyna I. B.* Sootnoshenie kategorij jemocional'nosti, ocenocnosti i jekspressivnosti // *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty : sb. nauch. tr. Vyp. 14.* – Tver', 2012. – S. 140–143.
5. *Lechkina T. O.* Uslovija formirovanija položitel'noj ocenki (na materiale nemeckogo jazyka) // *Sovremennye problemy vzaimodejstvija jazykov i kul'tur : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Blagoveshensk, 2010. – S. 133–139.
6. *Minemullina A. R.* Ad'ektivnaja ocenocnaja jenantioseimija v jazyke sovremennykh SMI // *Na pere-sechenii jazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya : mezhvuz. sb. st. Vyp. 6.* – Kirov, 2014. – S. 22–25.
7. *Postnikova S. V.* Leksemy so znacheniem ocenki v sisteme nemeckih prilagatel'nyh // *Leksikologija i stilistika. Sovremennye tendencii razvitija : sb. nauch. tr.* – N. Novgorod, 2004. – S. 36–41.
8. *Prokop'eva N. N.* Pragmaticheskij potencial ocenocnoj leksiki v nemeckojazychnom politicheskom disкурse // *Teorija i praktika opisanija jazykovykh edinic i struktur : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – N. Novgorod, 2009. – S. 192–202.
9. *Solodilova I. A., Shepelja I. V.* Ocenocnost' i jemotivnost' v semantike slova // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2015. – № 11(186). – S. 172–178.
10. *Tulatova L. B.* Jazykovye osobennosti reklamnykh tekstov v katalogah uchebnoj literatury // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki : sb. nauch. tr. Vyp. IV.* – Vladikavkaz, 2003. – S. 90–94.
11. *Tjapkina T. M.* Aksiologicheskij potencial prilagatel'nyh-cvetooboznachenij (na materiale nemeckogo jazyka) // *Problemy sovremennogo jazykovogo obrazovanija : doklady i tezisы dokladov na mezhdunar. nauch. konf.* – Vladimir, 2003. – S. 96–103.
12. *Fadeeva L. V.* Harakter motivirovannosti slozhnykh glagolov kachestvennogo i kachestvenno-ocenocnogo priznaka sovremennogo nemeckogo jazyka // *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 34.* – Tver', 2016. – S. 230–237.
13. *Chumak E. B., Kuz'mina O. V.* Ocenocnaja leksika v nemeckih pechatnykh reklamnykh tekstah // *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty : sb. nauch. tr. Vyp. 14.* – Tver', 2012. – S. 107–112.
14. *Jakimova E. Ja.* Chastnoocenocnye prilagatel'nye s otricaniem. Klassifikacija i shkala ocenok (na materiale nemeckogo jazyka) // *Chelovek i jazykovoe prostranstvo: aspekty vzaimodejstvija : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 2.* – N. Novgorod, 2006. – S. 118–122.
15. *Deutsch als Fremdsprache.* – Langenscheidt, 2006. – 79 S.
16. *Deutsch als Fremdsprache.* – Langenscheidt ; Klett, 2015. – 95 S.
17. *Lexikon der Sprachwissenschaft / hrsg. von H. Bußmann.* – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2008. – 819 S.
18. *Sandig B.* Textstilistik des Deutschen. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

УДК 821.161.1:801.73

А. Н. Безруков

РУССКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОРПУСНОЙ МАТРИЦЕ ФРЕЙМОВ И КОНЦЕПТОВ

Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу русского литературного постмодернизма. Целью работы является установление приемов художественного изображения, которые формируют смысловой объем рассказа Т. Н. Толстой «Женский день». Методологической базой исследования выбраны структурный, когнитивный, рецептивный подходы, что не противоречит актуальным принципам оценки художественных текстов. Специфика постмодернистского письма заключается в суггестии концептов, фреймовых и ментальных схем, которая далее определяет парадигму читательских суждений и рецепций. В статье отмечается, что художественная модель рассказа создается в границах культурно-исторической матрицы языка. Работа конкретизирует приметы русского постмодернизма, а также ориентирует на новые грани изучения данного литературного направления.

Ключевые слова: *русский постмодернизм, художественный дискурс, текст, концепт, фрейм, автор, читатель, смысл, Татьяна Толстая, язык, идиостиль.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность анализа постмодернистских текстов в условиях современной научной динамики объясняется возможной объективацией русской ментальной истины и постмодернистского сознания, дополнением и конкретизацией полипозиционной расшифровки мышления современного человека. Малая проза Т. Н. Толстой органично включает в свой арсенал большинство тенденций развития современной «классической» литературы, следовательно, анализ поэтики ее рассказовых форм в статье дает возможность целостно представить динамику развития русского постмодернизма и общего вектора становления художественного сознания как писателя-экспериментатора, так и нового читателя.

Материал и методика исследований. Материалом работы является блок ставших классическими постмодернистских текстов (Вен. Ерофеев, В. Сорокин, В. Пелевин), точно проанализирован рассказ Т. Толстой «Женский день» в корпусной матрице фреймов и концептов. Современная методология анализа художественного текста связана с синергетическим, культурфилософским, концептуальным, логико-различительным подходами, что в целом созвучно рецептивной оценке произведения. Знаково-перспективным, на наш взгляд, является метод выявления когнитивных, герменевтических связей наличного объекта с культурным полем, определение примет эстетической парадигмы в частной художественной модели. Такой вариант рецепции позволяет наиболее четко и концептуально проанализировать и выявить процедуру рождения множественного смысла с подачи менталь-

© Безруков А. Н., 2017

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Башкирского государственного университета, Бирский филиал, г. Бирск, Россия; e-mail: in_text@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017

ных схем, его редупликацию в культурно-исторической проекции парадигмальных, синергетических трансформаций. Данная методологическая база достаточно актуальна, нова и современна, она не противоречит общему вектору работы.

Результаты исследований и их обсуждение. Современная русская постмодернистская литература в ряде фундаментальных классических исследований [10], [12], [13], [14], [17], [19], [24] характеризуется как достаточно сложная, многогранная и противоречивая. Ее суть заключается, на наш взгляд, в плюралистической объективации современного мира, актуальной, реальной действительности с выходом к принципу трансформации границ отечественного эстетического наследия, вариаций на тему зарубежной классики.

На наш взгляд, постмодернистский текст прежде всего трансформирует варианты уже классических произведений, «оборачиваясь интертекстом, (он) претендует не только на подобие, но на полное, по крайней мере структурное, тождество мироустройству. Симулятивное отображение действительности дает возможность и автору, и читателю не только объективировать наличный мир, но и риторически, интенционально подчеркнуть его вариантный онтологический статус» [14, с. 16]. Текст диалогически, как уже манифестировано, призывает читателя к определенному сотворчеству, расширяет смысловые рубежи наличного знакового, собственно графического полотна, погружает в исторический контекст, аллюзийно и реминисцентно ориентирует на классическую эстетико-литературную традицию, пазлово складывает элементы культурно-исторических эпох.

Исходя из этого, можно предположить, что художественный текст не может быть замкнут буквально только лишь на себе, он стремительно преодолевает связь с верифицированным знаком, налично сбивает общие художественные ориентиры имманентного смысла, потаенного в нем самом. Следовательно, интенцией рождения эффекта дисперсии сокрытого смысла [3] в постмодернистском тексте служит как сам естественный (наличный) язык [5], [7], так и идиостиль (коннотация сознания), интерпретируемый и понимаемый читателем/реципиентом.

Литературные тексты с методологической структурно-семиотической подачи классика структурализма Ролана Барта теряют специфическую индивидуальность, язык, по его мнению, есть «неразделенная собственность всех людей» [2, с. 55]. Р. Барт пытается регламентировать точку зрения на то, что буквальный смысл недостижим никогда, он как бы и не может быть определен финальной точкой. Таким образом, текст – буквальный, наличный, знаковый состав – становится открытым читателю/реципиенту для сгущения смысловых интенций, неопределенных, но важных интенциональных задач. Как отмечал Р. Барт, «язык для писателя это всего лишь человеческий (социальный. – А. Н. Безруков) горизонт» [2, с. 55], горизонт эстетических желаний, онтологических верификаций, выбранных ориентиров. Номинация авторской фразы рождает перспективный путь следования к постижению истинности наличного бытия, контуры которого перспективно видоизменяются с течением культурно-исторического времени, ситуации приобщения и дисгармоничности читательских интерпретаций. Реципиент не только улавливает авторский апофеоз уже сказанного, он обозначает для себя невысказанное, так как литературная «наличка» определяет последнее буквальной самоцелью творческого.

Постмодернизм условно может быть дифференцирован на подвиды, ветви или расчленен типологически. Хронологически выявляются три основные волны развития русского постмодернизма Г. Л. Нефагиной [17], И. С. Скоропановой [19], М. Н. Липовецким [13], [14], хотя эта культурно-историческая проекция является все еще дискуссионной. Ряд принципов совмещает общий ход развития и становления трех магистралей по-

стмодерна. Смешение жанровых конструкторов и сюжетно-фабульных рядов, гибридизация языка, принцип композиционной ризомы – вот далеко не полный перечень того, что подчеркивает мысль об идеологически процессуальной поэтике художественных текстов новой эпохи. Сближает постмодернистские тексты то, что авторы (писатели) находятся в ситуации индивидуального выбора, они формируют идиостилевую версию палимпсестного письма, в нашем случае как вариант – это авангардная эстетика Т. Толстой. Но не столько для себя создается проекция игры, демонстрация новой художественной манеры, сколько для объективной подачи, определения и верификации аксиологических ориентиров, манифестированных реципиенту, читателю. Для последнего же основным, ведущим становится игра в наличные знаки, корпусные схемы, фреймовые образования, концептологическое погружение в существующую реальность, принятие своей ментальности, расширение спектра чувств, колористическая прорисовка деталей как прошлого, так и настоящего.

Для русского постмодернизма характерны [9] как общекультурная универсальность, так и манифестация индивидуального (вариант: надындивидуального), переосмысленного. Читательский пиетет в данном случае альтернативен, но не противоречит истинности самого знака, фрейма и концепта. Примером этого могут служить тексты Вен. Ерофеева, В. Ерофеева, С. Соколова, Д. Пригова, В. Пелевина, В. Сорокина, Т. Толстой. Познавательный статус современной действительности заиклен на сферической взаимозаменяемости концептов, ментальных сфер, систем коннотативного толка, их пространственно-реверсивном декодировании. Манифестацией этого процесса и становится концепт как более частное видообразование, который в данном случае также является центральным понятием когнитивных исследований [11], [20], [21], методология которых достаточно функциональна и актуальна для данной работы.

Бифуркация концептов позволяет преодолеть буквальную точечность взгляда и выйти к новым горизонтам читательских ожиданий, так как концепт – это «глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [1, с. 7]; «многомерное смысловое образование» [11, с. 91]. Мышление/сознание в формате концепта, на наш взгляд, являет собой раннюю естественно-логическую стадию оформления художественного образа, эстетического объекта.

Образ как авторская художественная мысль есть кодическая единица текста, знаковое образование, номинативно реализованное в слове: «и слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой „идеосфере”» [15, с. 4]. Совмещаясь друг с другом, концепты образуют матрицу ментальных, фреймовых систем, что по своей онтологической природе близко самому сознанию. Фактором совмещения могут быть смежные литературные поля – сюжет, мотив, фабула, сам язык, поэтический конгломерат приемов, героика, эстетический пафос. Эстетический максимум может быть достигнут в ходе письма-чтения, этот процесс и рождает концептосферу: субъективную, объективную, историческую, онтологическую... организующую пространство наличной действительности, аксиологический конгломерат рецепции. Модусом расшифровки такого варианта текста становится постоянный возврат к нему, медленное, вслед за автором, воссоздание и объективация фреймовых лакун.

В текстах писателей-постмодернистов происходят переоценка, переосмысление культур, философских ценностей, литературных стереотипов, авторских идиом, эстетических блоков, уже имеющих авторитетно центральное положение. В практике постмодернизма главным для скриптора становится не только описательный факт раскрытия и обозначения

того или иного характера, явления, события, лица, но и сознательная (как вариант: бессознательная) дешифровка истины – онтологической, не поддающейся однозначной трактовке.

Магистралью наррации постмодернистского текста является репрезентация новой гипотезы, нового варианта обозначения и претворения бытийности, новый способ прочтения истории, новое декодирование презентационного события, манифестирующая условность изображения, мыслимо-симулятивный диалог с реальностью. Следует признать, что данный плюрализм черт и особенностей наблюдается как в европейском, что значительно раньше получает свою разверстку, так и в русском литературном постмодернизме.

Изображение героя художественного текста, реализация сюжета в постмодернизме происходят в большей степени посредством определенной комбинации культурных, общеэстетических кодов, концептов и фреймовых, ментальных схем, следовательно, «децентрирование способно достигать степени аннигиляции субъекта, что позволяет показать „глубинного человека”» [19, с. 182]. Современный подготовленный читатель, погруженный в наличное текстовое пространство, не следит за буквальным развитием действия, он улавливает смысловые (имманентные) импульсы, генеративные потоки. Имманентная симуляция всего, как наличного, так и подразумеваемого, раздражает мыслительные рецепторы читателя/реципиента, заставляя формировать условный образ мира, действительности, позиционности наличного. Следовательно, главным событием постмодернистского текста становится не разрешение классической художественной коллизии и не экзистенциальное переживание факта, но эмоция героя, имеющая когерентный характер относительно читателя, интерпретатора, реципиента. Смысловой фазой разверстки текста становятся не только реинкарнация, восстановление уже понятого, но и желание угадать мыслимое, буквально несказанное. Текст в условиях постмодернистской поэтики вбирает корпусность культурно-эстетической матрицы, редулицирует не только уже имеющиеся смыслы, но и потенциально подразумеваемые, мыслимые коннотации.

Постмодернистская художественная форма по своему статусу обладает преимущественной программой реализации матричного единства культурных, общеэстетических и языковых граней.

Язык симулятивной игры в поэтике искусства конца XX в. традиционно имеет две магистралей своего развития – содержательную и формальную. Множественная взаимозависимость указанных типов выбивается к наличествующей, имманентной, так называемой внутренней форме языка/знака, суть которой заключается в аккумуляции в знаке смыслового потенциального запаса, получившего полноценную разверстку в ходе социально-исторического онтогенеза. Следовательно, в литературе постмодернизма язык становится общесвязующей доминантой как автора, так и читателя, как скриптора, так и реципиента.

Смешение авторских, индивидуальных дискурсов редулицирует, удваивает не только текстовое полотно, но и коннотативный базис наличной структуры. Постмодернистский текст должен быть прочитан как минимум несколько раз (порой даже и более) для достижения эффекта двойственности мысли, ибо читательское восприятие меняется от первой читки к последующей. Понять мысль автора можно только при постоянном возвращении к уже сказанному и прочитанному, «рецепция художественного текста уже выходит за грани собственно наличной структуры, следовательно, приобретает комбинаторную проекцию кольца» [8, с. 17]. Автор, играя культурологическими, литературными, эстетическими знаками, кодами, концептами, решает задачу умножения читательских трактовок, селекции ризомы смысла. Расширяя текст, писатель приближается к онтологической неразрешимости. Вероятно, это и становится доминантой постмодернистского письма.

Критерием исследовательской оценки, читательского анализа постмодернистского текста являются фигуральность лексики, логика наррации, авторская манера, стиль, верифицированная схема претворения смысла, монолит фразы, субъектно-объектная организация, композиционная рамка наличной структуры, а также сферическая полнота и когнитивное решение проблемы. Данный перечень постмодернистских приемов несколько отличается от традиционного набора. Иерархия обозначенных форм в большинстве случаев несколько неупорядоченна, наличествует так называемый «вариантный подход прочтения» (Ф. Шлейермахер, В. Изер, Х.-Р. Яусс, Г.-Г. Гадамер). В данном случае «текст становится не столько выражением индивидуально-авторского самосознания (субъективная грань), сколько **структурированной рецепцией** уже обозначенного смысла (объективация означающих)» [6, с. 20]. Выявить, как реализуется спектр текстовой целостности, практически невозможно, но предопределить, наметить горизонт чтения-рецепции, несомненно, является возможным и, на наш взгляд, самым герменевтически правильным.

Раскрытие комбинаций текстовых смысловых координат приближает читателя/реципиента к конкретизации истины. Языковая ситуация подводит к тому, что «слово в этих условиях выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием» [23, с. 195]. Следовательно, формируется сферическая модель связанности концептов, имеющая свои индивидуальные приметы и черты. Блок текста начинает приращивать не только то, что уже высказано, мыслится, но и то, что еще только подразумевается.

Определяя институцию концептосферы, Д. С. Лихачев, В. И. Карасик, Ю. М. Лотман, Г. Г. Слышкин отмечают, что в составе культурного концепта можно выделить *ценностный* (аксиологический), *образный* (метафорический) и *понятийный* (фактуальный) компоненты. Именно «фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме. Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации» [1, с. 13]. Когниция контекста/текста, «на фоне которого определяется языковое значение, является внешней по отношению к системе языка» [1, с. 29], коннотацию можно редуцировать выходом в пространство культурных, идеологических структур, формул сопричастия. Следовательно, при интерпретации постмодернистской художественной формы необходимо также обратить внимание на дескрипцию ситуации (идентификацию ментальных систем), определение термального характера концепта (этническую принадлежность), экспликацию концептосферы (конкретизацию связей) и ее структурирование (дифференциацию элементов), манифестацию ядерной и приядерной зон и децентристского слоя, снижение ситуативных функций до общеконцептуальных (статус мирового контекста), иерархию функций во временной парадигме (роль и значение), конкретизацию цельного вида концептосферы с выходом к потенциальным смысловым рубежам. Многоуровневый процесс текстовой рецепции связан с тем, что «релятивный принцип в поэтике постмодернизма не только выходит на первый план, но и приобретает аффектированную демонстративность» [14, с. 25]. Собственно русский ментальный модус нивелируется в буквальном тексте, он видоизменяется, становится единым и одновременно с этим приобретает признаки как западноевропейского, так и восточноазиатского векторов. Постмодерн в России не собственно концептуальной формы, он есть смешение уже когда-то сказанного и зафиксированного. Тексты Вен. Ерофеева, В. Ерофеева, С. Соколова, В. Сорокина, Т. Толстой складывают единый палимпсест культуры.

Героиня рассказовой формы писательницы Т. Толстой «Женский день» – девочка по имени Таня, советская школьница, которая переживает на первый взгляд торжествен-

ное «событие праздника» – 8 Марта. К. Г. Юнг писал, что «ребенок – это потенциальное будущее; медиатор, носитель исцеления, т. е. делатель целого» [25, с. 95]. Собственно, это и происходит в тексте, образ соединяет в сознании разнополюсные, разновариантные, разновеликие дефиниции истории, бытия, онтологии и вечности. Реалии, в которые попадает Таня (ребенок, дитя, «мне семь лет»), удваивают ее «личностное Я», она взрослеет, принимает/понимает настоящее. Происходит выход в мир сознательной установки на признание («я страдаю») таких структур, как «я – другие/другой», «трансцендентное – имманентное»: «я быстро и коротко плачу... вытираю лицо... шагаю в кошачью тьму парадной» [22, с. 280]. Героиня не только образ-подобие, она – симулякр-рецептор, именно ей суждено в тексте рассказа преодолеть художественность бытия, смириться / высказать оппозицию уже существующему.

В тексте рассказа Т. Толстой «Женский день» происходят рождение, реинкарнация советского мифа, идеологически верного, но какого-то неправильного, стилистически нечеткого, оппозиционного наличному человеческому бытию. Заголовочный комплекс ориентирует читателя на код международного праздника, который «у нас дома... презирали: считали государственным». *Женский день* есть формульная ситуация, подобие чего-то высокого (но это не так), именно она и становится для автора, а далее и для читателя, способом представления мысли о налично своем и демонстративно чужом, частном и общем, хорошем и не очень, вековечном и наносном, глубинном и плоскостно-стандартном.

Уже заголовок текста выполняет оценочную и моделирующую роль: за счет его формируются время, координаты пространства, реинкарнируется память, догматически верифицируется ритуал, происходит озвучивание объема, начинается игра, произносится загадка, определяется буквальное, номинативное. Ситуация, воспроизводимая Т. Толстой, все же нормативна именно для реалий советского времени/пространства, ибо в читательском сознании срабатывают общекультурные концепты/фреймы, советские штампы/клише, языковые формулы, фразы, песенно-мотивный состав, воссоздается подражательный эффект праздника-манifestации.

«Женский день» Т. Толстой симулятивно задает стандарт советского времени, стандарт крайностей, столь неприятных человеку. Значимые концепты, представленные в словоформах *дом, школа, государство*, претворяют пространственные координаты, налично складывают предметный мир. Внутренний мир выведен другими понятиями. Это, по автору да и читателю, – *любовь, свобода, спокойствие, человек, я, истина, память*. Пространство рассказа также озвучивается, это некая фоника текста: «уроки пения», «праздник азбуки», «звук "Р"», «музыка и пение из громкоговорителей», «ангельский хор». Звуковое претворение, на наш взгляд, также координирует и наличное время: бытие героини и потенциального читателя. Все в рассказе Т. Толстой цельно сбивается в поток реальной, невымышленной художественной жизни, читатель не замечает ее условности или свыкается с ней и приращивает ее для себя.

Преодолевая наличные границы, главный образ-персонаж осуществляет движение не только в эстетическом, но и в пространстве уже устоявшихся истин, что концептуально оформлено писательницей. Уровень кода, знака, а также и смысла определим графикой восьмерки, кругом, карточкой, языком, формулой, фреймовой схемой ментальности. Языковая ткань художественной «налички» максимально открыта контурным агитационным советским стандартам: «Желаем успехов в труде!», «Сам погибай, а товарища выручай!», «Тут кот, а там?», «Желаю счастья в личной жизни!», «Твоя дочь Таня». Введение в оборот данных формул не только обозначает позицию автора, но и конкретизирует событийный пласт. Устраняет индивидуальный, субъективный пафос и числовой, графиче-

ский концепт «восемь» – 8. Первично он воспринимается внешне: «у нас дома Восьмое марта» [22, с. 275], далее в динамике смысловой разверстки следует его циклизация.

Комбинаторика универсальных концептов сферически смыкается в концепт дома: «я подхожу к *дому*...» [22, с. 280], следует напомнить, что именно с него и начинался текст: «у нас *дома*...» [22, с. 275]. Таким образом, происходит взаимоварьирование концептов – ядерный, периферийный фон – и, как следствие, реализация функционального потенциала системы. Концепты в данном случае соорганизуют некую метафизику жизни. Следует отметить, что цикл для постмодернизма есть возможный возврат (реверс) к кристаллизованному, небуквальный намек на что-либо, оценочная процедура, верификация действенного. В данном случае это и жизнь, границы и рубежи которой не получится разрушить чьей-то силой мысли, и воля преодоления, и обреченность, и манифест отчаянию.

Смысловая объемность рассказа Т. Толстой «Женский день» формируется явными (буквальными) и скрытыми (латентными) приемами интертекстуальности [4]. Формально это, конечно же, аллюзия, реминисценция, намек, цитация, пастиш, парафраза. Знаково-языковая игра дает возможность начально автору, далее читателю самостоятельно расширить границы воображаемого, мыслимого, условного. Текстовая форма рассказа – это лишь повод для игры с потенциальным читателем. Реципиент, угадывая кодовые знаки-приметы, соглашается на ведение подобной игры и как данность создает иной миф, который в последующем должен будет сам принять и оценить. В данном случае действенен ракурс сотворчества, активный для постмодернизма, порой выступающий самоцелью в авторской оценке. Следует также обозначить, на наш взгляд, важную составляющую текста Т. Толстой – структурно-динамическую специфику. Функциональная палитра концептов «Женского дня» следующая: эйдологическое претворение, манипуляция знаками, игра в реальность, медиальная коррекция, гетерогенность, эстетика бытования, бинарность мира, комбинаторный коллаж точек зрения.

Следовательно, в целом полифункциональность текста влияет на смысловую дисперсию, подобие реальности, действенный характер бытия живого, так как «истинное становление есть синтез перехода и неподвижности» [18, с. 130–141]. Это перспективно обозначается и воплощается писательницей. Иерархия божественного порядка («теплое, домашнее, хорошее и уютное...» [22, с. 275]), порядка вечности («только запах – райский, желтый, южный» [22, с. 280]) нарушается вмешательством в прогрессивное течение темных фигур, масок, тел: «толстая тетка, завуч, – не человек, а слипшиеся комья, – всегда одетая в один и тот же приличный синий чехол...» [22, с. 276]. Оппозиция *свое – чужое* концептуально кодируется в тексте.

Пространство рассказа у Т. Толстой оформляется схемой взаимозависимости магистральных концептов «дом – школа – государство – мир». Наличные грани модели *начало – конец* рассказа связаны с имманентным восприятием реалий, внутренние («школа – государство») – с трансцендентальными, хотя соразмерными бытию, вековыми и непреходящими являются именно внешние, небуквальные пределы. Вероятно, такой путь автору и читателю диктует советский идеологический миф, а также наличная действительность.

Образный ряд, сюжетный ход рассказа нивелируют авторскую индивидуальность, которая так необходима человеку в целом, травят ее «красной мастикой», уничтожают внешне, душат тактильно («потная лапка, усыпанная бородавками»). Это на первый взгляд является нормальным, метафизически – иначе. В концептосфере «Женского дня» доминантами жизни видится практически все, «чем более физиологичным является символ, тем он коллективней и универсальней, тем он “вещественней”» [25, с. 105]. Мышление читателя декодирует концепты мозаикой кодов и аллегорий, условностью кальки, моделью разграничений добра и зла. Концептосфера, например, как и художественная символика, процессуальна, нестабильна, она «вы-

ступает конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы» [16, с. 249]. Авторский художественный дискурс помимо культурно-исторической «налички» определяет тональность жизненной логики, акцентирует внимание на сложных, но понятных и доступных фреймовых схемах. Для писательницы переход от стагнации к действию, от действия к онтологии скрыт под маской эстетического, редуцированного, ментального.

Авторское слово, организуя наличную ткань текста, в процессе деяния/чтения трансформируется в ткань живую, способную к приращению смыслов, коннотативных оттенков, выявлению читателем ряда жизненно необходимых ценностей. Героиня рассказа также есть образ-концепт, фиксирующий эмоционально-чувственный предел допустимости жизни. Как для Тани, так и для реципиента важна память о прошлом, память о себе, ибо это дает возможность жить дальше, сосуществуя с мыслью о человечности, о предназначении мира, человека в окружении других. В. И. Карасик отмечает, что совокупность концептов следует рассматривать как ценностную картину миропорядка [11, с. 107]. Аксиологический статус в «Женском дне» соответственно срабатывает на уровне и лексики, и эстетического целого, и на стадии реализации сюжета, и на грани воплощения (манифестации) смыслового кода. «Понятие концептосферы важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом обращения, но неким концентратом культуры» [15, с. 9]. Таким образом, рассказ Т. Толстой «Женский день» есть не что иное, как корпусный конгломерат, точно сбивающий в себе практически весь состав советских мифологических, номинативно фреймовых, настоящих/ирреальных, художественно-эстетических ориентиров. Читатель, попадая в иллюзию рассказа, ретранслирует для себя версию стороннего созерцания советской «налички», знаково, что она с течением времени есть ностальгия, память, вариативный протест, грустный слепок, буквальная история, ускользающее время, что-то свое, правда жизни.

Резюме. В результате было установлено, что специфика русского постмодернизма заключается в том, что он не дистанцируется от классической номинативной догматики, хотя трансформация неизменно есть, но дает возможность раскрыть читательский потенциал. Рассказ Т. Толстой «Женский день» представляет собой фреймовый набор ментальных схем, который складывается в мозаику зависимостей, некую матрицу оценок, суждений, что диалогически плюралистично. Модель рассказа расширяет читательскую рецепцию, что подтверждает общую специфику новой эстетики и поэтики.

Постмодернисты воссоздают свободу в организации человеческого мышления, допускают неисчерпаемость читательских реакций. Автор, герой, а далее реципиент посредством образного мира, мира условности обретают бесконечную проекцию движения к сущностной истине. Таким образом, творчество Т. Толстой, а также Вен. Ерофеева, В. Сорокина, В. Пелевина представляется корпусной матрицей литературных фреймов и эстетических концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антология концептов* : в 2 т. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма / пер. с фр. – М. : Академический проект, 2008. – 413 с.
3. *Безруков А. Н.* «Благая весть» Вен. Ерофеева: поэтика текста, рецепция формы // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2015. – № 2(7). – С. 112–117.
4. *Безруков А. Н.* Конвергенция интертекстуальных отношений в условиях постмодернистского письма // Дергачевские чтения – 2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций : материалы XI Всероссийской конф. – Екатеринбург, 2015. – С. 60–64.
5. *Безруков А. Н.* Миромоделирование и декодирование реальности в прозе постмодернизма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2016. – № 2(10). – С. 96–104.

6. Безруков А. Н. Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4(58), ч. 3. – С. 20–22.
7. Безруков А. Н. Философская эстетика постмодернизма: деконструкция стиля и языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11(65), ч. 3. – С. 14–16.
8. Безруков А. Н. Эпистемологический статус дискурса в контексте современной культурной парадигмы // Никоновские чтения : эл. сб. науч. ст. : в 2 т. Т. 1 : Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / под ред. М. С. Уколовой, А. В. Никитиной, А. Ю. Николаевой. – Чебоксары, 2016. – С. 16–22.
9. Безруков А. Н., Безрукова Р. А. К вопросу о новой модели русской литературы конца XX века // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сб. науч. тр. – Тверь, 2013. – С. 105–110.
10. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М. : Интрада, 1996. – 252 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
12. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература : в 2 т. Т. 2 : 1950–1990. – М. : Академия, 2003. – 686 с.
13. Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 848 с.
14. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
15. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1993. – № 1, т. 52. – С. 3–9.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство – СПб., 2001. – 704 с.
17. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 320 с.
18. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / пер. с нем. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
19. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб. : Невский простор, 2001. – 416 с.
20. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
21. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
22. Толстая Т. Н. Не кысь. – М. : Эксмо, 2004. – 608 с.
23. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – 624 с.
24. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. – М. : Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.
25. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. – М. : Академический проект, 2007. – 303 с.

UDC 821.161.1:801.73

A. N. Bezrukov

RUSSIAN POSTMODERN LITERATURE IN THE CORPUS-BASED MATRIX OF FRAMES AND CONCEPTS

Birsk Branch of the Bashkir State University, Birsk, Russia

Abstract. The study focuses on the analysis of the Russian postmodernism. The aim of this work is the establishment of artistic image techniques which make up the semantics of the story by T. Tolstaya «Women's day». Structural, cognitive, receptive approaches are the methodological basis of the research. The specificity of the postmodern text is the suggestion of the concepts, frame and mental schemes. This

© Bezrukov A. N., 2017

Bezrukov, Andrey Nikolaevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Birsk Branch of the Bashkir State University, Birsk, Russia; e-mail: in_text@mail.ru

The article was contributed on April 16, 2017

suggestion forms the paradigm of the reader's judgment. The postmodern model of «Women's day» is created within the boundaries of cultural and historical matrix of the language. The work complements the analysis of the Russian postmodernism and focuses on the prospect of studying the new aspects of this trend.

Keywords: *Russian postmodernism, literary discourse, text, concept, frame, author, reader, meaning, Tatyana Tolstaya, language, author's style.*

REFERENCES

1. *Antologija konceptov* : v 2 t. T. 1 / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. – Volgograd : Paradigma, 2005. – 352 s.
2. Bart R. Nulevaja stepen' pis'ma / per. s fr. – M. : Akademicheskij proekt, 2008. – 413 s.
3. Bezrukov A. N. «Blagaja vest'» Ven. Erofeeva: pojetika teksta, recepcija formy // Vestnik Dimitrovgradskogo inženerno-tehnologičeskogo instituta. – 2015. – № 2(7). – S. 112–117.
4. Bezrukov A. N. Konvergencija intertekstual'nyh otnoshenij v uslovijah postmodernistskogo pis'ma // Dergachevskie chtenija – 2014. Russkaja literatura: tipy hudozhestvennogo soznanija i dialog kul'turno-nacional'nyh tradicij : materialy XI Vserossijskoj konf. – Ekaterinburg, 2015. – S. 60–64.
5. Bezrukov A. N. Miromodelirovanie i dekodirovanie real'nosti v proze postmodernizma // Vestnik Dimitrovgradskogo inženerno-tehnologičeskogo instituta. – 2016. – № 2(10). – S. 96–104.
6. Bezrukov A. N. Principy antichnoj dramy v uslovijah postmodernistskoj pojetiki // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 4(58), ch. 3. – S. 20–22.
7. Bezrukov A. N. Filosofskaja jestetika postmodernizma: dekonstrukcija stilja i jazyka // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 11(65), ch. 3. – S. 14–16.
8. Bezrukov A. N. Jepistemologičeskij status diskursa v kontekste sovremennoj kul'turnoj paradigmy // Nikonovskie chtenija : jel. sb. nauch. st. : v 2 t. T. 1 : Aktual'nye voprosy kul'turologii i iskusstvovedenija / pod red. M. S. Ukolovoj, A. V. Nikitinoj, A. Ju. Nikolaevoj. – Cheboksary, 2016. – S. 16–22.
9. Bezrukov A. N., Bezrukova R. A. K voprosu o novoj modeli russkoj literatury konca XX veka // Rodnaja slovesnost' v sovremenom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve : sb. nauch. tr. – Tver', 2013. – S. 105–110.
10. Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. – M. : Intrada, 1996. – 252 s.
11. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd : Peremena, 2002. – 331 s.
12. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. Sovremennaja russkaja literatura : v 2 t. T. 2 : 1950–1990. – M. : Akademija, 2003. – 686 s.
13. Lipoveckij M. N. Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 848 s.
14. Lipoveckij M. N. Russkij postmodernizm. Očerki istoričeskoj pojetiki. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 1997. – 317 s.
15. Lihachev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka // Izvestija Akademii nauk. Serija literatury i jazyka. – 1993. – № 1, t. 52. – S. 3–9.
16. Lotman Ju. M. Semiosfera. – SPb. : Iskusstvo – SPb., 2001. – 704 s.
17. Nefagina G. L. Russkaja proza konca HH veka. – M. : Flinta ; Nauka, 2005. – 320 s.
18. Plesner H. Stupeni organičeskogo i chelovek. Vvedenie v filosofskuju antropologiju / per. s nem. – M. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2004. – 368 s.
19. Skoropanova I. S. Russkaja postmodernistskaja literatura: novaja filosofija, novyj jazyk. – SPb. : Nevskij prostor, 2001. – 416 s.
20. Skrebцова T. G. Kognitivnaja lingvistika : kurs lekcij. – SPb. : Filologičeskij fakul'tet SPbGU, 2011. – 256 s.
21. Stepanov Ju. S. Koncepty. Tonkaja plenka civilizacii. – M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. – 248 s.
22. Tolstaja T. N. Ne kys'. – M. : Jeksmo, 2004. – 608 s.
23. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo. Izbrannoe. – M. : Progress ; Kul'tura, 1995. – 624 s.
24. Jepshtejn M. N. Postmodern v Rossii. Literatura i teorija. – M. : Izdanie R. Jelinina, 2000. – 368 s.
25. Jung K. G. Struktura psihiki i arhetipy. – M. : Akademicheskij proekt, 2007. – 303 s.

УДК 821.161.1.09-21[Пресняков В.+Пресняков О.]«20»

О. А. Бычкова, И. А. Константинова, Е. В. Петрова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ПЬЕСЕ БРАТЬЕВ ПРЕСНЯКОВЫХ «ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ»

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье анализируется пьеса Владимира и Олега Пресняковых «Изображая жертву» как образец новой драмы. Подробно раскрыты проблематика произведения, его нравственные, социальные и философские компоненты; отдельно изучены интертекстуальные связи пьесы с другими произведениями русской и мировой классики. Так, подробному изучению подвергается классический код данной пьесы, проводится сопоставление с произведениями Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, У. Шекспира и др.

Ключевые слова: современная литература, новая драма, Пресняковы, «Изображая жертву», интертекст, тип, игра, конфликт, Гамлет, Базаров, Раскольников.

Актуальность исследуемой проблемы. Произведение «Изображая жертву» недостаточно изучено критиками, что придает работе актуальность и черты новаторства. Пьеса братьев Пресняковых является ярким примером современного движения «новая драма» и вызывает неподдельный интерес как в России, так и за рубежом. Цель исследования – проследить ее интертекстуальные связи с классической литературой.

Материал и методика исследований. Теоретический анализ научной литературы по теме статьи позволил определить методологические основы и концептуальные идеи исследования. Такие методы, как литературоведческий, сравнительно-сопоставительный, историко-литературный анализ и пр., использованы в ходе целостного анализа текста.

Результаты исследований и их обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить интертекстуальные связи современной русской литературы и классической, а также определить типологические черты героя нашего времени в русской литературе. Результаты исследования использовались в процессе преподавания современной литературы.

© Бычкова О. А., Константинова И. А., Петрова Е. В., 2017

Бычкова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: volechka@bk.ru

Константинова Ирина Анатольевна – студентка 5 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: irinakonstantinova@mail.ru

Петрова Екатерина Валериевна – студентка 5 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: kate4577@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2017

Современная русская новая драма – это целое движение, в котором взаимодействуют современные писатели, режиссеры и актеры. Как в зеркале, в ней отражаются социальные и нравственные проблемы времени, смешное взаимодействует с серьезным, комическое достигается через ироническое осмысление абсурда бытия.

Ярким примером новой драмы являются пьесы Олега и Владимира Пресняковых. Их творчество в последнее десятилетие привнесло в культурную среду не только страны, но и всего мира немало новшеств. Интерес к ним как к драматургам не угасает, а даже разгорается с большей силой [1], [2], [7], [9]. Одним из самых ярких проявлений их творчества является пьеса «Изображая жертву», которая является современной и раскрывает актуальные проблемы общества.

Идея новой пьесы родилась в Лондоне, когда в театре «Royal Court» Пресняковы ставили драму «Терроризм». На одной из вечеринок они высказали мысль о создании пьесы, главным героем которой должен быть молодой человек, изображающий жертву во время следственных реконструкций. Всем было известно, что такой профессии нет, поэтому идея вызвала огромный интерес. Один из режиссеров лондонского театра выразил желание быть первым постановщиком будущей пьесы. Так ее мировая премьера состоялась в 2003 г. на Эдинбургском фестивале, на сцене содружества театров «Royal Court» и «Told by an Idiot» (режиссер Ричард Уилсон). Затем прошел большой тур по Великобритании, увенчавшийся грандиозной премьерой в Лондоне. Русский зритель впервые увидел спектакль в 2004 г. на сцене МХТ им. А. П. Чехова в постановке Кирилла Серебренникова, а в 2006 г. был снят одноименный фильм тем же режиссером.

Интерес к молодежной теме в пьесе объясняется профессиональным образованием драматургов: Олег Пресняков – филолог (отсюда и интертекстуальная глубина их пьес), Владимир – ученый, кандидат педагогических наук, поэтому тема психологии современного поколения очень близка обоим авторам.

«Изображая жертву» – это история молодого человека Вали, который, как говорилось ранее, имеет уникальную профессию. У него недавно погиб отец при странном стечении обстоятельств: отравился за ужином. Вскоре у матери появляются новые отношения – с братом погибшего, дядей Петей. Это настораживает Валу, назревает семейный конфликт, который строится по образцу трагедии У. Шекспира «Гамлет». Гамлетовское страдание – потеря отца – пронизывает весь текст и организует сюжет драмы.

По справедливому мнению профессора А. Г. Коваленко, «конфликт является... источником или изначальным эстетическим импульсом процесса создания художественного произведения» [10, с. 9]. Конфликт пьесы Пресняковых завязан в самом начале, когда ночью герою является призрак отца. В разговоре с Валей он подтверждает, что его смерть была подстроена. Беседу Вали с призраком отца прерывает мать, их диалог является свидетельством глубокого конфликта поколений, возвращенного на коварстве и отсутствии любви со стороны матери:

Валя: <...> *настоящее преступление – заводить, рожать человека, кидать его во всю эту жизнь, объяснять, что скоро ничего не будет... и никто никому не сможет помочь... Теперь у меня определенно нет никаких привязанностей, теперь я точно понял, что меня – нет, значит, и конца не будет...* [8].

Валя не согласен с тем, что мать может спокойно жить дальше, а мать не может понять, почему сын не позволяет ей жить так, как ей хочется. Постепенно читателю раскрывается характер молодого человека: внешне холодный, скрытный, он глубоко страдает, и это страдание вдруг прорывается наружу: «Я не живу, и ты не должна...» [8].

Валя – Гамлет все время «играет», это проявляется в его манипулировании людьми, в нелепой имитации социальных ритуалов, в изображении жертвы криминальных преступлений. На протяжении пьесы он словно мертвый и лишь в конце «ожил!» (символический возглас матери).

Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» очень тревожит Валию. Попытка заглянуть за грань, страх перед неизвестностью, откуда не возвращался ни один странник, нередко заставляют людей отказаться от борьбы [4]. Призрак отвечает на волнующий героя вопрос:

Отец: <...> *Ведь я пришел к тебе оттуда, где смысла нет!* [8].

Противоборство Валии заключается в активном неучастии во всеобщем притворстве, презрении к матери, ставшей виновницей смерти его отца, и хладнокровном планировании мести ей и дяде.

Чем лучше молодой человек узнает людей и жизнь, тем отчетливее видит несправедливость и осознает, что не в силах сокрушить зло в единоличной борьбе. Отсюда и трагедия героя, которому тяжело принять неидеальный мир.

Каждый день ему приходится участвовать в следственных реконструкциях и наблюдать жестокость людей по отношению к самым близким: в семейной ссоре выпадает из окна жена гражданина Сысоева, в бассейне оскорбленный отсутствием взаимности некто Закиров топит бывшую подругу, молодой человек стреляет в бывшего одноклассника на встрече выпускников. Поистине «прогнило что-то в Датском королевстве...». Все преступления продиктованы притворством и отсутствием терпимости в обществе. Все здесь построено на отношениях жертвы и палача, преступника и следователя. Юридический комплекс понятий «преступление», «следствие», «наказание» интерпретируется в пьесе в нравственно-психологическом ключе.

В финале сам Валя совершает хладнокровное убийство, отравив мать, дядю и свою девушку рыбой фугу.

Валя: *А что дальше... В принципе я не знал, отравятся они или нет... а раз так все получилось, я просто наблюдал, запоминал, чтобы потом изобразить... воспроизвести, потому что вам надо будет узнать, как все было...* [8].

Отстраненное отношение к произошедшему страшно и противостоит, однако оно характерно для героя, переживающего безысходную трагедию потери отца и всеобщего притворства.

М. Н. Липовецкий в своей статье говорит о том, что «Валя вроде бы напоминает социальный тип» [7, с. 275], а именно синтез двух понятий – «лишний человек» и «маленький человек». Так, для лишнего человека характерны душевная усталость, скептицизм и тактика ускользания, что легко прочитывается в поведении героя. Также в образе Валии угадываются черты литературных героев-разночинцев. По мнению А. Г. Коваленко, «у некоторых писателей установка на двойничество может быть принципиальной позицией, творческой установкой, как, например, у Э. Гофмана» [6, с. 335]. В постмодернизме «умножение» героев, цитирование сюжетов становятся обязательным условием. Литературными двойниками Валии оказываются Родион Раскольников и Евгений Базаров.

Валя и Родион совершают свои тщательно спланированные преступления под воздействием идеи, проверяя ее суть, искажая реальность. Вместе с убийством людей они уничтожают и свою душу, веря в то, что после содеянного начнется новая, светлая жизнь. Разница лишь в том, что душа Раскольникова воскрешается благодаря влиянию Сони Мармеладовой, а рядом с Валией таких людей не оказалось. Для него мир тоже поделен на «тварей дрожащих» («жертв») и «право имеющих» («преступников»). В архаических культурах жертвоприношение было условием воскресения, и Валя хочет воскреснуть, принеся в жертву близких людей. Призрак отца указывает ему на ошибку и предрекает, что не будет конца его мучениям, что эта бессмысленность так и останется с ним.

Сходство двух героев подчеркивается ношением головного убора (шляпа Раскольникова и бейсболка Southpark Вали), который является неотъемлемым атрибутом их внешнего вида. Только Валя избавляется от приметной циммермановской шляпы (деталь, о которой герой Достоевского сожалеет, отправившись к старухе), надев стандартную бейсболку.

Авторы продолжают налаживать «коммуникации» между двумя героями. Так, у Достоевского предвестием убийства становится сон Раскольникова о лошади: извозчик добывает лошадь, чтобы доказать окружающим свою состоятельность, а в пьесе Пресняковых некто Верхушкин, униженный своим одноклассником Киневым по кличке Конь, убивает его. Обе сцены сюжетно перекликаются и имеют общую психологическую мотивировку: демонстрируют жестокость людей вследствие уязвленной гордости. Эта сцена предшествует убийству, совершенному Валею.

Скептическое отношение к жизни и отрицание традиционных смыслов роднит Валию и с героем романа И. Тургенева – Евгением Базаровым. Они оба ничего не принимают на веру и все подвергают эксперименту. Так, Валя устраивает проверки искренности слов своей матери, любви Оли, нравственных идеалов Сержанта.

Валя: *Нелепо, да? Обычный ужин, а он взял и отравился...*

Женщина: *Да! Да, нелепо! Все нелепо! <...> Что ты мне душу треплешь?! Поужинал и умер! Да! Так у всех бывает!* [8].

Валя не верит, что мать не причастна к смерти отца. Зная правду, в разговоре он пытается вывести ее на чистую воду, выступает своеобразным Порфирием Петровичем из романа «Преступление и наказание», который с помощью тонких намеков подводит героя к признанию. Сержанта Севу Валя проверяет, когда уговаривает отпустить задержанного Закирова за деньги:

Валя: *Так вот он, – тут – твой верный джинн Закиров, который исполнит все твои желания, если ты только освободишь его! Он – узник лампы, а ты, Сева, можешь стать Аладдином!* [8].

В сцене манипулирования Севой герой саморазоблачается как мнимая жертва. Ему чужды сомнения Раскольникова, герой нашего времени стал жестче, однозначнее.

В пьесе Пресняковых заострен конфликт поколений. Капитан как представитель отцов, разочарованный в молодом поколении, выносит свой вердикт:

Капитан: *<...> Вот как же! Ведь раньше же бунтовали – это была общественная позиция, что нам ни фига не надо, и мы протестуем, а сейчас по-тихому, без протестов, кем надо притворяются, влазают куда хотят, на любую работу, и ничего не делают, играют!* [8].

Он, как и Порфирий Петрович, пристав следственных дел, тоже не понимает молодое поколение, осуждая его идеалы, считая его соблазненным «изривой остротой ума и отвлеченными доводами рассудка» [5, с. 211]. Оба следователя считают неправильным то, что молодые люди утратили нравственные ориентиры, с легкостью могут перейти грань и пойти на преступление.

Капитан: *Пульнул! Пульнул... не присосками же, пулями, как дети! А нам ходи все это разгребай! <...> вам же надо-то в жизни?! Вы как ее прожить хотите?* [8].

Писатели через своих героев-резонеров подводят читателей к важной мысли о ценности человеческой жизни. А об этом, по словам Порфирия Петровича, «и не подумает увлекающаяся остроумием молодежь, шагающая через все препятствия» [5, с. 211].

Название пьесы символично: каждый герой надевает на себя маску, притворяется: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры». Таким образом, в интертекстуальное поле пьесы попадают сюжеты и мотивы из литературной классики. В образе Вали последовательно просвечивают вечные типы героев. Эта подчеркнутая литературность не компенсируется разработкой психологии характера главного героя, его домини-

нантной чертой по-прежнему остается притворство. В этом смысле Пресняковы развивают традиции постмодернистской литературы с ее героями-симулякрами [3]. Отсутствие индивидуальности, тотальная симуляция чувств и отношений – печальная примета современной жизни, предвестие катастрофы. Отчаяние отцов выражено в концептуальном монологе Капитана о молодом поколении, в котором он буквально кричит, ругаясь «по матери», о поголовном притворстве, о пропасти непонимания между людьми.

Авторы пьесы не снимают ответственности за происходящее со старшего поколения. Так, и сам Капитан затевает интрижку на работе, будучи женатым, мать Вали и его дядя не скрывают своего цинизма, девушка не любит его. Лейтмотивом в пьесе становится песня о романтической любви моряка и японки, счастливая встреча которых завершилась рождением сына. Однако прозвучавшая в духе пошленького романса из уст поддаты седой женщины в кимоно романтическая история также оборачивается симулякром – пустой подделкой.

Резюме. Пьеса «Изображая жертву» является ярким примером современной драмы. Конфликт ее строится по образцу трагедии У. Шекспира «Гамлет». Большое значение для понимания ее идеи имеют интертекстуальные связи с романами И. С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», трагедией У. Шекспира «Гамлет». Образ главного героя предстает как симулякр Гамлета, Родиона Раскольникова и Евгения Базарова. Название пьесы также обусловлено идеей тотальной симуляции: стремление к игре, надеванию масок является причиной утраты подлинной индивидуальности и жестокости современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. А. «Изображая трагедию»: своеобразие драматургии братьев Владимира и Олега Пресняковых // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. «Дергачевские чтения – 2008». Т. 2. – Екатеринбург, 2009. – С. 3–13.
2. Болотня И. М. «Новая драма»: социокультурный аспект // Современная драматургия. – 2010. – № 1. – С. 207–221.
3. Бычкова О. А. Русская постмодернистская литература: проблема симулякра. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 146 с.
4. Гайдин Б. Н. Гамлет: вечный образ (тезаурусный анализ) [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – Режим доступа : <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/9/Gaydin&Zakharov&Lukov/>.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М. : Советская Россия, 1988. – 352 с.
6. Коваленко А. Г. Очерки художественной конфликтологии: антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2010. – 490 с.
7. Липовецкий М. Н. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 3. – С. 244–278.
8. Пресняков В., Пресняков О. Изображая жертву [Электронный ресурс] // ЛитМир. – Режим доступа : <http://www.litmir.info/br/?b=22350>.
9. Ситковский Г. Изображая трагедию [Электронный ресурс] // Газета. – 2004. – 19 сентября. – Режим доступа : <https://www.gazeta.ru>.
10. Художественный конфликт в русской и зарубежной литературе. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2011. – 480 с.

UDC 821.161.1.09-21[Пресняков В.+Пресняков О.]«20»

O. A. Bychkova, I. A. Konstantinova, E. V. Petrova

**INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN THE PLAY «PRETENDING A VICTIM»
BY PRESNYAKOV BROTHERS**

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the play «Pretending a Victim» by Vladimir Presnyakov and Oleg Presnyakov as the example of the «new drama». The authors explored the problems of this play, its moral, social and philosophical components. The work also analyzes the intertextual connections of the play with other works of Russian and world classics. Thus, the study presents an interpretation of the classic code of this play; gives a comparison with the works of F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, W. Shakespeare, etc.

Keywords: *modern literature, new drama, Presnyakovs, «Pretending a Victim», intertext, type, game, conflict, Hamlet, Bazarov, Raskolnikov.*

REFERENCES

1. *Alekseeva M. A.* «Izobrazhaja tragediju»: svoeobrazie dramaturgii brat'ev Vladimira i Olega Presnjakovyh // *Russkaja literatura: nacional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti. Problema zhanrovyh nominacij : materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Dergachevskie chtenija – 2008».* T. 2. – Ekaterinburg, 2009. – S. 3–13.
2. *Bolotjan I. M.* «Novaja drama»: sociokul'turnyj aspekt // *Sovremennaja dramaturgija.* – 2010. – № 1. – S. 207–221.
3. *Bychkova O. A.* Russkaja postmodernistskaja literatura: problema simuljakra. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2008. – 146 s.
4. *Gajdin B. N.* Gamlet: vechnyj obraz (tezaurusnyj analiz) [Elektronnyj resurs] // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». – Rezhim dostupa : <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/9/Gajdin&Zakharov&Lukov/>.
5. *Dostoevskij F. M.* Prestuplenie i nakazanie. – M. : Sovetskaja Rossija, 1988. – 352 s.
6. *Kovalenko A. G.* Oчерki hudozhestvennoj konfliktologii: antinomizm i binarnyj arhetip v russkoj literature XX veka. – M. : Rossijskij un-t družby narodov, 2010. – 490 s.
7. *Lipoveckij M. N.* Teatr nasilija v obshhestve spektaklja: filosofskie farsy Vladimira i Olega Presnjakovyh // *Novoe literaturnoe obozrenie.* – 2005. – № 3. – S. 244–278.
8. *Presnjakov V., Presnjakov O.* Izobrazhaja zhertvu [Elektronnyj resurs] // LitMir. – Rezhim dostupa : <http://www.litmir.info/br/?b=22350>.
9. *Sitkovskij G.* Izobrazhaja tragediju [Elektronnyj resurs] // *Gazeta.* – 2004. – 19 sentjabrja. – Rezhim dostupa : <https://www.gazeta.ru>.
10. *Hudozhestvennyj konflikt v russkoj i zarubezhnoj literature.* – M. : Rossijskij un-t družby narodov, 2011. – 480 s.

© Bychkova O. A., Konstantinova I. A., Petrova E. V., 2017

Bychkova, Olga Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: volechka@bk.ru

Konstantinova, Irina Anatolyevna – Fifth-year Student, Department of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: irinakonstantinova@mail.ru

Petrova, Ekaterina Valerievna – Fifth-year Student, Department of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: kate4577@mail.ru

The article was contributed on June 14, 2017

УДК [21:398](=512.111)

Н. И. Герасимова

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЧУВАШСКИХ ВЕРОВАНИЙ

Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье автор рассматривает этнорелигию чувашей сквозь призму прамотеистического подхода к мифологическому процессу, предполагающего наличие в религиозном сознании этноса памяти о едином творце-прародителе. Используя в качестве отправной точки для своих изысканий схему эволюции мифологического сознания, предложенную В. С. Соловьевым, на лингвистическом материале автор показывает, как изменялись представления о едином боге в верованиях чувашей. В исследовании проанализирован лексический пласт, семантически связанный с представлением о небе как о божественном начале.

Ключевые слова: прамотеизм, этнорелигия чувашей, эволюция религиозных представлений, мифологический процесс, верховный бог, мать-прародительница, дуализм чувашских верований.

Актуальность исследуемой проблемы. В среде чувашской интеллигенции острота дискуссии вокруг прошлого и будущего этноса, его происхождения и места в современном мировом пространстве остается достаточно сильной. В связи с этим интересен взгляд многих авторов на дохристианскую религию чувашского народа как на уникальный фактор, способный стать стержнем этнокультурного возрождения. Но насколько оправданны подобные упования? Этническая религия чувашей в генетическом аспекте не является оригинальным явлением. Она эволюционировала согласно тем же закономерностям, что и другие этнорелигии. Об этом свидетельствует обширный вербальный материал, позволяющий проанализировать особенности мифологического процесса в верованиях чувашей.

Цель настоящей статьи – исследовать, опираясь на данные языка, представления о верховном божестве в чувашских верованиях, имея в виду универсализм мифологического процесса в целом.

Материал и методика исследований. Были использованы сравнительный, семиотический, типологический методы. В своих теоретических рассуждениях автор опирается на прамотеистическую концепцию развития этнорелигиозных представлений, детально разработанную В. С. Соловьевым в работе «Чтения о богочеловечестве». Материалом для практического исследования послужила лексика, семантическим стержнем которой является связь с небом, атрибутирующимся в языке в качестве божественного начала.

Результаты исследований и их обсуждение. В современной российской науке утверждение о существовании прамотеистического мышления в качестве исходной основы этнорелигий почти не обсуждается. Между тем данный подход имеет серьезные научные обоснования [5, с. 159]. К подобным заключениям ученые приходят на основе фактов, собранных в ходе изучения жизненного уклада многих народов, которые обитали в

© Герасимова Н. И., 2017

Герасимова Наталья Ивановна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной и библиотечной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия; e-mail: w001@list.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2017

различных условиях и вряд ли друг с другом когда-либо соприкасались, и практически у каждого этноса существовали представления о едином боге. Советская идеология не позволяла касаться этих проблем, зарубежные исследования, предполагающие прамотеистические основы генезиса религии, на русский язык также не переводились. Абсолютное большинство российских исследователей, являющихся сторонниками социологического подхода в проблемах происхождения религии и ее эволюции, квалифицируют монотеизм как продукт поздних трансформаций и воспринимают настоящее положение в качестве постулата. Однако и среди отечественных мыслителей есть такие, кто рассматривал мифологический процесс, опираясь на прамотеистическую концепцию происхождения религиозных представлений человечества.

Например, опираясь главным образом на предпринятый М. Мюллером анализ ведических текстов, к таким выводам еще в начале 70-х гг. XIX в. пришел В. С. Соловьев [10, с. 174]. Доминирующее место в своей системе философ отводит формированию мифологического сознания как основы всего исторического процесса, в котором этнорелигиозная форма лишь составная его часть.

Напрямую сам мифологический процесс (от его истоков до возникновения мировых учений) ученый возводит к следующему заключению: «Когда по причине, действительность которой явствует из ее последствий, но которая сама лежит за пределами эмпирического сознания, первобытный чистый монотеизм стал невозможным для человека, явилась необходимость внешнего проявления духовного единого божества, то эта необходимость поставила рядом с ним независимое от него (для данного религиозного сознания) материальное начало природы в образе женского божества, обусловив этим многобожие и весь мифологический процесс, состоящий в постепенном взаимном определении указанных двух начал, все более и более друг в друга проникающих, следствием чего является последовательный ряд конкретных форм, в которых духовный бог относительно овеществляется, материализуется; женское же материальное начало относительно одухотворяется, пока наконец в обожествленной органической жизни земли оба начала совершенно сливаются, завершая мифологический процесс образом фаллического бога» [9, с. 26].

Философ различает три стадии теогонического процесса. Первая стадия, «когда мировое единство открывается природному сознанию человечества в астральной форме, и божественное начало почитается как огненный владыка небесных воинств – эпоха звездопоклонства или сабеизма. Господствующий бог в этой эпохе является для отчужденного от божественной сферы сознания как существо безмерно высокое, несоизмеримое с человеком, поэтому чуждое, непонятное и страшное в своей бесконечной возвышенности. Оно требует безусловного подчинения, оно не допускает ничего рядом с собою, оно исключительно и деспотично... Это Кронос, пожирающий своих детей, это Молох, сжигающий детей человеческих... Но недолго может довольствоваться всечеловеческое сознание этим величественным, но пустынным единством. И скоро вслед за неподвижным и неизменным богом звездного неба выступает вечно движущийся и изменяющийся, страдающий и торжествующий, благой и светлый бог Солнце. За религией астральной повсюду следует религия солярная. У всех народов древности в известную эпоху их религиозного сознания встречаем мы господствующий образ светлого солнечного бога, сначала борющегося, свершающего славные подвиги (Озирис, Аттис, Адонис), потом сражающегося, побежденного врагами (Митра, Персей, Аполлон). Но как в мире физическом солнце есть не только источник света, но также и источник всей органической жизни на земле, так и религиозное сознание естественно переходит от бога света к богу земной органической жизни (Шива, Дионис). Здесь божественное начало является как начало при-

родного органического процесса вне человека и в нем самом. Идея единства – всегдашнее содержание религии – принимает форму родового единства органической жизни, и особенное религиозное значение получает тут естественный акт, которым это единство сохраняется. Повсюду в древнем мире в известную эпоху за солярным культом возникает и борется с ним за преобладание культ фаллический, религия родового процесса, обоготворение тех актов и тех органов, которые служат этому родовому единству» [11, с. 180].

Таким образом, человеческое сознание разрешает вопрос о разграничении божества на мужское и женское начала, что можно обнаружить в том числе и на примере пантеона чувашской этнорелигии благодаря архаичному пласту, который четко просматривается сквозь наслоения позднейшего времени.

В чувашском язычестве обнаруживаются явные следы прамонотеизма, и на их основе некоторые современные ученые выдвигают гипотезу, согласно которой язычество чувашей есть не что иное, как монотеизм. В порыве доказать монотеистическую сущность традиционных верований чувашского народа ученые ссылаются на венгерского этнографа Д. Месароша. Но монотеизм чувашей исследователь считал не исходным, а ставшим итогом исламского влияния [6, с. 18]. На это обратил внимание еще А. И. Емельянов [3, с. 568]. Аргументы относительно монотеизма чувашей, на первый взгляд, выглядят вполне убедительно. Однако это лишь на первый взгляд. Остановимся на некоторых примерах.

Почти все ученые, которые придерживаются идеи о монотеистическом характере чувашского язычества, ссылаются на определение *пёр* ‘единый’, используемое в отношении главного божества на больших молениях. Однако в текстах зафиксированы и обращения к великой Матери-прародительнице: *Эй, пётём тёнчене суратнй Ама! Санран пулни пурте услалл, пурте аван, саванна сана эпир яланах тивёслипе чўклетпёр*. ‘О Мать, сотворившая всю вселенную! Все, что от тебя произошло, полезно и хорошо; поэтому мы всегда должному приносим тебе жертвы’ [1, с. 86. Перевод по кн. 4, с. 19]. Приведенный факт свидетельствует как минимум о раздвоенности религиозного сознания чувашского народа – разделении творящего начала на мужской и женский образы, что, в свою очередь, заставляет усомниться в монотеистических основах чувашских верований.

Наиболее целесообразным следует признать подход, берущий за основу универсальность процесса, имеющего внеземную природу, частью которой и стала эволюция мифологических представлений человечества.

Образ великой богини-матери с течением времени трансформировался в образ земли. В пользу его древности свидетельствует само слово *ама*, которое во многих языках мира служит обозначением женского начала и которое, несмотря на звуковые преобразования, легко узнаваемо согласно законам конкретного языка. В чувашском языке слово *ама* используется по отношению к животным в значении ‘самка’ (*кашкър ами* ‘волчица’, *хурт ами* ‘матка пчелы’ и др.). Кроме того, *ама* означает женское нагрудное украшение. Можно заключить, что семантическая основа данного слова – рождение и плодovitость. Видимо, посему в отношении человека *ама* в положительном значении в современном чувашском языке не используется.

Наличие женского начала предполагает и проявление мужского, ассоциировавшегося в противовес близкой и осязаемой землес небом – далеким, недостижимым и непонятным, образ которого со временем превратился в образ грома и молнии [9, с. 15].

В чувашских верованиях наличествуют не только свидетельства обожествления неба, но и указания на саму трансформацию. П. В. Денисов в книге «Религиозные верования чу-

ваш» приводит ценное предположение Н. И. Ашмарина о том, что чувашам «вся природа представлялась порождением двух существ, из которых одно, проявившее свою силу в громе и молнии, называлось *а́са*, *аслати*, *асла́си*, а другое – *ама*. Какие внешние явления природы подали повод к возникновению последнего представления, мы не знаем» [2, с. 16].

В чувашском языке в значении ‘гром’ используется слово *аслати*: *аслати автатъ* ‘гром гремит’, букв. ‘великий прародитель кричит’. *Асла́си* – форма, не вошедшая в литературный язык. Слово *а́са*, входящее в состав приведенных слов, со значением ‘гром’ в современном языке закрепилось в идиоматическом выражении *а́са çапатъ* ‘молния ударяет’. Основное же значение этого слова – самец.

Вкупе с названными выше словами, определяющими небесные явления как действия мужского начала, следует привести слово *пĕлĕт* ‘небо, облако, туча’. Данный факт следует рассматривать в качестве языкового свидетельства трансформации неба в бога грома и молнии.

Итак, в чувашском языке имеется ряд слов, в значение которых заложено обозначение неба. Разумеется, обнаруженный факт не случайность: чувашский язык сохранил много архаичных форм слов, и рассмотренный пример, скорее всего, служит свидетельством исторического изменения отношения чувашей к явлению, в нашем случае к небу. Однако утверждать, какое слово – *пĕлĕт* или *а́са* с его производными *аслати* и *асла́си* в значении ‘небо’, ‘небесный бог’ – является более древним, мы не беремся: этимологические словари не содержат ответа на этот вопрос.

Если же иметь в виду количество семанτικο-фонетических параллелей в других языках, то следует констатировать чрезвычайную древность слов *а́са* и *ама*. Данные слова уходят в неразличимую глубь веков, в которых понятия верха и низа, мужского и женского, идеального и материального составляют некую праоснову земного бытия, сливаются в одно архетипическое представление, всеохватывающее и всепроникающее, ставшее источником мучающих человеческое естество противоречий. Источник такой двойственности – разрыв между человеческим и божественным.

В то же время данное обстоятельство не может служить доказательством того, что прачуваша с самого начала использовали слово *а́са* в значении ‘небо’. Более убедительно предположить, что небо первоначально называлось *пĕлĕт*, а позднее, когда его образ персонифицировался, в этом значении начали употреблять слово *а́са*.

Со словами, означающими небо в чувашском языке, возможно, соотносится слово *турă* ‘бог’. Согласно одному из предположений слово *турă* возводится к монгольскому *тенгри* ‘небо’ [13, с. 252]. Другая точка зрения, высказанная Е. А. Маловымеще в XIX в., связывает *турă* с халдейским *тор* ‘бык’ [4, с. 27]. Данная точка зрения имеет своих сторонников и среди современных ученых. В частности, ее разделяет А. К. Салмин [8, с. 34].

Последняя гипотеза основывается на том, что бык – наиболее часто приносимая жертва и приносилась она повсеместно многими народами. Вне сомнения, образ быка какими-то путями связан с культом неба. Сравните, например, древнегреческий миф о Зевсе-быке и Семеле. Зевс в переводе означает ‘небо’. Поэтому можно предположить, что семантический контекст слова *турă* включает в себе информацию о бытовавшем когда-то у чувашей культе неба.

П. В. Денисов, однако, считает, что слово *турă* является поздним заимствованием, которое вытеснило слово *ка́вак* ‘синий, голубой, сизый, серый, седой’ [2, с. 9]. Предположение ученого строится на том, что в чувашском языке имеется выражение *ка́вак хунни* ‘всполохи, северное сияние’. При этом в других тюркских языках слово *ка́вак* употребляется в значении ‘бог’ [12, с. 245].

Чувашеведы А. К. Салмин и А. А. Трофимов придерживаются мнения о дуализме чувашских верований, который предполагает вечную борьбу добра и зла. Сторонники этой гипотезы признают начала чувашской этнорелигии в зороастризме древних иранцев-огнепоклонников. Так, А. Салмин указывает на киремет, который, по его мнению, «совместно с турă составляет единый смысл добро-зло» [8, с. 24], что, вероятно, необходимо понимать как персонификацию изначального архетипа добро-зло в образах турă и киреметя. Далее ученый вступает в противоречие с самим собой, утверждая, что переход киреметя в разряд злых духов – явление позднее, происшедшее под влиянием православной религии. В своих заключениях А. Салмин ссылается на исследователя черемисских (марийских) верований В. М. Васильева, высказавшего ту же мысль еще в начале XX в. Подобное переосмысление в чувашской среде могло произойти гораздо раньше и стало следствием контактов с финно-угорскими народами Поволжья. Анализ вербальных соответствий киреметя, согласно словарю М. Р. Федотова, позволяет проследить интереснейшую закономерность: тюркский материал, как правило, отражает доброе начало, а финно-угорский – злое [12, с. 400]. Впрочем, нельзя полностью исключить и обратный процесс – переосмысление финно-уграми роли киреметя вследствие прихода на эту территорию тюркских народов.

Обычно исследователи происхождения слова *киремет* возводят к арабскому *карамат* ‘чудо, сверхъестественная сила’ [12, с. 297]. Е. А. Малов же в слове *киремет* видел еврейское *керем* ‘окружать, огораживать’. Настоящее предположение автор объясняет тем, что чувашаи, как и евреи, совершали жертвоприношения в священных рощах. По этой причине при этимологизации слова *киремет* предполагается исходить не из того, что оно означает имя бога, а из того, что слово означает место жертвоприношения этому богу. Место жертвоприношений действительно огораживалось и имело особую форму. Таким образом, гипотеза Е. Малова вовсе не вступает в противоречие с более традиционным взглядом на происхождение слова *киремет*, а, скорее, дополняет его, ибо, во-первых, обозначение с использованием одного слова – явления и места, где оно может быть совершено, – отнюдь не редкость. Во-вторых, важным представляется то обстоятельство, что арабский язык и иврит являются родственными. Ко всему прочему номинация у чувашей и бога, и его святилища одним и тем же словом в настоящее время не вызывает сомнений [2, с. 66].

П. В. Денисов, опираясь на труды Н. И. Ашмарина, высказал мнение о том, что киремет – это культ предков, претерпевший исламское влияние [2, с. 66–71]. Однако В. П. Никитин предлагает различать добрых киреметей и злых эсреметей, принадлежащих к противоположным смысловым рядам, отражающим дуализм в представлении чувашей, характеризующий их представления о всем мироустройстве. В то же время ученый допускает, что «в корнях своих киремет и эсремет составляют одно целое» [7, с. 248–252]. Возможно, эсремет – позднее явление, о чем могут свидетельствовать приносимые жертвы: водка вместо пива, салат с горчичной либо уксусной приправой и т. п. [7, с. 248].

Итак, все гипотезы подводят к мысли о том, что все многообразие форм чувашской религии, как и любой другой, ведут к единой праоснове, которую невозможно интерпретировать как монотеизм в том смысле, в котором это понятие используется современными исследователями в отношении традиционных чувашских верований. В связи с этим необходимо указать еще на одно обстоятельство, которым обычно ученые пренебрегают, хотя оно играет важную роль для тех, кто стремится разгадать тайны мифологического процесса. Здесь имеется в виду та разница или даже пропасть между представлениями современных ученых и восприятием древних людей. Различие заключается в том, что

мозг современного человека, особенно исследователя, приученный все явления расщеплять на составные элементы, проводя между ними воображаемые грани, рождает противоречие между всеобщим и частным, частью и целым. Наши предки воспринимали все иначе. «Чувствовалось с самого начала единство чего-то божественного, обнимающего и проникающего весь мир. Но это единство не приурочивалось постоянно и окончательно к какому-нибудь одному богу, связывалось, смотря по обстоятельствам, то с тем, то с другим. Каждому из них в таком случае приписывали свойства не только духовного, но и единственного божества, разумеется, не с отрицанием всех прочих, а с превращением их в имена и атрибуты всеединого» [9, с. 26]. Иначе говоря, нет противоречия в том, что, с одной стороны, чувашский пантеон представляет собой многоступенчатую иерархическую структуру, с другой – имена всех богов являют собой атрибуты, функциональные определения верховного (единого) божества. Ведь многочисленные боги – это многочисленные осколки сосуда, некогда разбитого вдребезги, и это, видимо, подсознательно понимали наши предки.

Резюме. Чувашская этнорелигия представляет собой одну из модификаций политеистического сознания, которая возникла в результате ассимиляции элементов мифологического процесса, имеющего фундаментальной основой коллизии метафизического уровня, и чувашской культуры как одной из бесчисленных вариаций разнообразного этнокультурного ландшафта планеты. В верованиях чувашей и их предков отразилась общечеловеческая память о едином прародителе всего сущего. Эта память наиболее полно отразилась в лексике. Такие слова, как *турă*, *аҫа*, *ама*, *аслати*, *пĕлĕт*, *кăвак*, дают возможность проследить отражение мифологических универсалий в верованиях предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки : в 16 вып. Вып. 1. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. – 160 с.
2. Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.
3. Емельянов А. И. Памятники старой чувашской веры. Д-р Дюло Месарош. Будапешт, 1909 // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1913. – Т. 28, вып. 6. – С. 566–584.
4. Малов Е. А. О влиянии еврейства на чуваш: опыт объяснения некоторых чувашских слов. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1882. – 28 с.
5. Мень А. В. История религии. В поисках пути, истины и жизни : в 7 т. Т. 1 : Истоки религии. – М. : Слово, 1991. – 215 с.
6. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры : сборник чувашского фольклора / пер. с венгер. Ю. Дмитриевой. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 360 с.
7. Никитин В. П. Табуированный пантеон чувашской религии // Проблемы национального в развитии чувашского народа : сборник статей. – Чебоксары, 1999. – С. 248–259.
8. Салмин А. К. Религиозно-обрядовая система чувашей. – Чебоксары : НИИ при СМ Чуваш. Респ., 1993. – 210 с.
9. Соловьев В. С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Соловьев В. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 1. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1966. – С. 1–26.
10. Соловьев В. С. Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки // Соловьев В. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 6. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1966. – С. 174–233.
11. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. – СПб. : Художественная литература, 1994. – С. 32–202.
12. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. 1. – Чебоксары : ЧГИГН, 1996. – 470 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. 2. – Чебоксары : ЧГИГН, 1996. – 509 с.

UDC [21:398](=512.111)

N. I. Gerasimova

MYTHOLOGICAL UNIVERSALS OF TRADITIONAL CHUVASH BELIEFS

Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the ethnoreligion of the Chuvash through the prism of promonotheistic approach to the mythological process, suggesting the existence in the religious consciousness of the ethnic group about the one Creator, the progenitor. Basing on the scheme of evolution of mythological consciousness, proposed by V. Solovyev, the author shows the way the idea of the one God in the beliefs of the Chuvash was changing. The study analyzes the lexical layer which is semantically associated with the idea of the sky as the Divine.

Keywords: *promonoteism, ethnoreligion of the Chuvash, evolution of religious beliefs, mythological process, Supreme God, mother-progenitress, dualism of the Chuvash beliefs.*

REFERENCES

1. *Ashmarin N. I.* Slovar' chuvashskogo jazyka. Chăvash sâmahêsen këneki : v 16 vyp. Vyp. 1. – Kazan' : Tipo-lit. Imp. un-ta, 1910. – 160 s.
2. *Denisov P. V.* Religioznye verovanija chuvash. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. – Cheboksary : Chuvash. gos. izd-vo, 1959. – 408 s.
3. *Emel'janov A. I.* Pamjatniki staroj chuvashskoj very. D-r Djulo Mesarosh. Budapesht, 1909 // *Izvestija obshhestva arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete.* – Kazan' : Tipo-lit. Imp. un-ta, 1913. – T. 28, vyp. 6. – S. 566–584.
4. *Malov E. A.* O vlijanii evrejstva na chuvash: opyt ob'jasnenija nekotoryh chuvashskih slov. – Kazan' : Tip. Imp. un-ta, 1882. – 28 s.
5. *Men' A. V.* Istorija religii. V poiskah puti, istiny i zhizni : v 7 t. T. 1 : Istoki religii. – M. : Slovo, 1991. – 215 s.
6. *Mesarosh D.* Pamjatniki staroj chuvashskoj very : sbornik chuvashskogo fol'klora / per. s venger. Ju. Dmitrievoj. – Cheboksary : ChGIGN, 2000. – 360 s.
7. *Nikitin V. P.* Tabuirovannyj panteon chuvashskoj religii // *Problemy nacional'nogo v razvitii chuvashskogo naroda : sbornik statej.* – Cheboksary, 1999. – S. 248–259.
8. *Salmin A. K.* Religiozno-obrjadovaja sistema chuvashej. – Cheboksary : NII pri SM Chuvash. Resp., 1993. – 210 s.
9. *Solov'ev V. S.* Mifologicheskij process v drevnem jazychestve // *Solov'ev V. S. Sbranie sochinenij : v 12 t. T. 1. – Brjussel' : Zhizn' s Bogom, 1966. – S. 1–26.*
10. *Solov'ev V. S.* Pervobytnoe jazychestvo, ego zhivye i mertvyje ostatki // *Solov'ev V. S. Sbranie sochinenij : v 12 t. T. 6. – Brjussel' : Zhizn' s Bogom, 1966. – S. 174–233.*
11. *Solov'ev V. S.* Chtenija o bogochelovechestve // *Solov'ev V. S. Chtenija o bogochelovechestve. Stat'i. Stihotvorenija i pojema. Iz «Treh razgovorov»: Kratkajapovest' ob Antihriste.* – SPb. : Hudozhestvennaja literatura, 1994. – S. 32–202.
12. *Fedotov M. R.* Jetimologicheskij slovar' chuvashskogo jazyka : v 2 t. T. 1. – Cheboksary : ChGIGN, 1996. – 470 s.
13. *Fedotov M. R.* Jetimologicheskij slovar' chuvashskogo jazyka : v 2 t. T. 2. – Cheboksary : ChGIGN, 1996. – 509 s.

© Gerasimova N. I., 2017

Gerasimova, Natalya Ivanovna – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Socio-cultural and Library Affairs, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; e-mail: w001@list.ru

The article was contributed on April 24, 2017

СПЕЦИФИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Желательность представляет один из основных видов языковой модальности и выражает отношение к действительности как к желательному явлению, событию. В статье описаны грамматические средства, участвующие в выражении желательности в русском языке. Проанализирована роль частиц, союзов и союзных сочетаний, порядка слов в предложениях как специфических средств формирования желательности. Представлены особенности употребления зависимых и независимых инфинитивных конструкций для выражения желательного значения.

Ключевые слова: *оптатив, предикативность, грамматические средства выражения желательности, ирреальное наклонение.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью средств выражения желательной модальности в грамматическом плане. Целью работы являются системное описание и анализ грамматических средств выражения желательности в русском языке.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили классическая и современная художественная литература, публицистические тексты и разговорная речь. В работе использованы традиционные методы лингвистического эксперимента, контекстуального анализа, а также описательный метод.

Результаты исследований и их обсуждение. В грамматической науке концепции оптативности отображают различие подходов к статусу, сущности и месту категории желательности в системе языка. В работах А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, И. П. Распопова понятие желательности было введено в учение о предикативности и модальности, а это, в свою очередь, обусловило его включение в систему ирреально-модальных значений объективной модальности [3], [8], [9]. То есть желательность в академической грамматике понимается как «одно из модальных проявлений предикативности» [2], имплицированных в структурной схеме, обладающей «такими грамматиче-

© Данилова Е. А., Петрова Н. Ю., 2017

Данилова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

Петрова Нина Юрьевна – магистрант первого курса, обучающийся по программе «Функциональная грамматика: лингвистический и методический аспекты», Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: devanagari86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017

скими свойствами, такими особенностями своего языкового существования, которые позволяют обозначить, что то, о чем сообщается, или реально осуществляется во времени (настоящем, прошедшем или будущем...), или же мыслится как возможное, желаемое, должное или требуемое» [10, с. 214–216]. Основным параметром концепта “желание” при данном подходе выступает потенциальность [11], которая соотносится с планом ирреальной модальности, поэтому желательность рассматривается как значение желательного синтаксического наклонения (оптатива), противопоставленного в пределах своей системы синтаксическому индикативу – значению реальной модальности, и входит в состав парадигмы простого предложения, ср.: *Подошел пароход вовремя. – Подошел бы пароход вовремя. – Подойди пароход вовремя... – Пусть пароход подойдет вовремя* [1].

Рассмотрев некоторую часть взглядов и позиций по данной тематике, мы придерживаемся точки зрения Е. Е. Корди, которая в своей работе перечисляет специфические грамматические средства выражения желательности в русском языке: «1) независимые предложения с формой сослагательного наклонения без использования частиц; 2) независимые предложения с формой сослагательного наклонения или инфинитива, вводимые частицами *хоть бы, вот бы, если бы, только бы, лишь бы, пусть бы* и др.; 3) инфинитивные предложения с частицей *бы*; 4) безглагольные предложения с частицей *бы*» [7].

Так как частица *бы* (*б*) встречается почти во всех перечисленных пунктах, считаем важным рассказать о ее функции в предложениях. Сослагательное наклонение выражается аналитически с помощью частицы *бы* (*б*), которая не имеет собственного ударения и примыкает к предыдущему слову, то есть является энклитикой. Эта частица проявляет тенденцию к сращению с рядом союзов. Регулярно употребляясь сразу после союзов, во многих случаях она пишется с этими союзами слитно (*чтоб(ы)*, устаревшие *кабы, дабы*). Также частица *бы* (*б*) является показателем сослагательного наклонения в составе следующих сочетаний: *если б(ы)*, *лишь бы*, *вот бы*, *еще б(ы)*, *только б(ы)*, *хоть бы*, *добро б(ы)*, *ладно б(ы)*, *почему б(ы)* [4].

Некоторые сочетания, имеющие в своем составе частицу *бы*, реализуют неаддитивное значение, поэтому отдельными лингвистами они рассматриваются как самостоятельные лексические единицы [5]. Например, в «Русской грамматике» (1980) говорится о союзах *если бы*, *лишь бы* и частицах *вот бы* и *еще бы* [10, с. 214–216], причем иногда эти единицы называются союзами, а иногда – союзными сочетаниями. С грамматической точки зрения эти единицы являются сочетанием союзов, частиц или наречий с частицей сослагательного наклонения *бы* [2]. С семантической точки зрения значение этих единиц не приравнивается сложению значений их компонентов [2].

Сослагательное наклонение широко употребляется в независимых конструкциях, обозначая так называемую «контрфактивную» ситуацию, которая имеет место в мире, альтернативном реальному [3], например: *Я бы на твоём месте рванул отсюда, пока выпускают* (С. Д. Довлатов. Заповедник); *Сосновые искры потянулись в небо, остановились высоко над костром. «Дома, – сказал Грошев, – я б сейчас телевизор включил»* (Ю. И. Коваль. Гроза над картофельным полем); *Тебе следовало бы быть более осмотрительным* (запись разговорной речи); *Уехал бы в Сибирь деньков на триста* (В. И. Белов. Уехал бы...); *Я свалил бы прочь, куда послали бы, Без вещей, без денег, без коня, Разменяв раскаянье на алиби: Я здесь был, но не было меня* (М. Марусин. Свалил бы).

Контрфактивная ситуация реализуется в контекстах, содержащих указания на условия, при которых эта ситуация могла бы существовать, либо указания на препятствие для ее осуществления. Такие контекстуальные особенности аналогичны средствам выраже-

ния условия, поскольку «подразумевается, что ситуация могла бы быть реализована, если бы это препятствие не существовало» [1], ср.: *Он бы приехал, но отец не разрешает. – Если бы отец разрешил, он бы приехал.*

Разновидностью желательных конструкций являются предложения со 2-м лицом, где «сослагательное наклонение смягчает побуждение» [6], например: *Ты бы посмотрел на его рану, ведь что только не испробовали* (К. М. Симонов. Живые и мертвые); *Вы бы не мешались здесь под ногами* (А. П. Чехов. Канитель); *Ты бы думал, прежде чем говорить* (В. В. Быков. Облава).

Сослагательное наклонение может выражать оптативное значение – желание говорящего, но при этом оно не выражает желания участника ситуации, не совпадающего с говорящим, то есть дезидеративное значение [10, с. 102–103]. Ср.: *Пришла бы учительница поскорее* (= говорящий хочет, чтобы учительница пришла поскорее).

В рассмотренных примерах желательных контекстов сослагательного наклонения с прошедшим временем значительно меньше, чем предполагается в ряде работ, традиционно выделяющих желательное значение у сослагательного наклонения [4], [10, с. 102–104].

Оттенок желательности чаще всего возникает за счет частиц и наречий: *только (бы), вот (бы), лишь (бы), еще (бы), если (бы), хорошо (бы), лучше (бы), пусть (бы)* и др. [6], например: *Лишь бы они нас не заметили, – прошептала Настя* (Ф. А. Абрамов. Братья и сестры); *Пусть бы он там и оставался, – с досадой произнес Сашика* (В. М. Шукшин. Обида); *Вот бы ей такого жениха, – сказала Феня* (М. Н. Алексеев. Ивушка неплакучая); *Если бы мы только дошли до линии фронта!* (Б. Л. Васильев. Завтра была война); *Зима. Да. Хоть бы до праздников выпустили!* (к/ф «Живет такой парень»).

Достаточно редки конструкции с прошедшим временем в сочетании с частицей *бы*, в которых выражается значение желания без вспомогательных частиц и наречий, например: *Им сейчас не до улучшения – не сделали бы хуже* (газета «Аргументы и факты»); *Каждое утро он начинал с мысли: не побеспокоили бы до обеда* (И. А. Гончаров. Обломов).

Желательное значение также может создаваться за счет порядка слов (предикат вначале) и двух свойств контекста. Во-первых, желательная независимая конструкция с *бы* обычно имеет референцию не к прошедшей ситуации, а к такой, которая еще может реализоваться, то есть не обозначает контрфактивную ситуацию. Во-вторых, в предложении отсутствует упоминание об условии. Введение такого компонента, который обозначает условие, устраняет желательную интерпретацию. Ср.: *До приезда Тани каждое утро я начинала с мысли: не забрали бы Сергея*; *До приезда Тани каждое утро я начинала с мысли: без согласия родителей не забрали бы Сергея.*

Такой же эффект можно наблюдать и в инфинитивных конструкциях: желательная интерпретация в них появляется, когда в контексте нет упоминания об условии реализации того или иного действия. Однако такие конструкции встречаются значительно реже, чем собственно сослагательное наклонение.

Независимые конструкции с инфинитивом и частицей *бы (б)* обычно имеют желательное значение или значение деонтической модальности («выраженная в суждении просьба, совет, приказ или предписание, побуждающее кого-либо к чему-либо» [7]). Эти конструкции характерны для диалогического текстового режима. Например: *Не растерять бы на этой войне настоящих человеческих качеств* (К. М. Симонов. Живи и помни); *Не, понимаю, что ты во мне нашла. Встретить бы тебе достойного человека!* (С. Д. Довлатов. Заповедник); *Э, да что: не мне бы говорить, не тебе бы слушать!* (Н. Н. Шпанов. Ученик чародея); *Ему бы сидеть тихо-мирно, помалкивать в тряпочку*

(Д. А. Гранин. Зубр); Тебе **бы** у нас до зимы **остаться** (А. П. Чехов. Невеста); А сейчас **бы развернуть** всю эскадру (А. С. Новиков-Прибой. Цусима).

Желательные значения типичны также для независимых конструкций с союзом *если*, например: **Если бы знать**, что придется вести туда партизан... (В. В. Быков. Болото); *О Боже, если б сейчас упасть мертвой* (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба); **Если бы оказаться** сейчас на берегу моря (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»).

Кроме оценочного инфинитива со значением желания или необходимости, есть второй семантический тип независимого инфинитива – контрфактивный безоценочный инфинитив. Его семантика складывается из совокупности значения неизбежности независимого инфинитива и значения ирреальности частицы *бы* сослагательного наклонения [6]. Например: *Хорошо, что я сумел немного задержать его падение, – иначе не миновать бы ему морского купания* (О. Б. Глушкин. Вавилон); *Следующий поезд на Смоленск отходил только через сутки, и торчать бы поручику эти сутки на захарканном перроне или в еще более захарканном зале ожидания* (Б. Л. Васильев. Дом, который построил Дед).

В протазисе условных конструкций сочетания частицы *бы* (*б*) с инфинитивом обычно имеют желательное значение: **Если б хоть на минуту заставить** его замолчать, я бы могла собраться с мыслями (И. Грекова. Фазан); **Не потерять бы** ее, как я уже растерял профессии, образ жизни и все, чего хотел и получил (А. А. Кабаков. Последний герой); **Накачать бы** сейчас Витю до посинения, к утру б оклемался, испарился (Е. И. Парнов. Третий глаз Шивы).

Анализ показал, что в протазисе условной конструкции, содержащей инфинитив, при выражении желательности часто отсутствует условный союз *если*, например: *Эх, рассказать бы* об этом родителям, они были бы в шоке! (М. М. Чулаки. Примус); **Перекрасить бы** его в какой-нибудь другой цвет – любой за такой костюм монет пятьсот даст... (Братья Стругацкие. Пикник на обочине); **Разузнать бы**, с какой целью он приходил, и я бы узнала все остальное (Т. В. Устинова. Подруга особого назначения); **Немного образумить бы** Свету в первый же год работы – не было бы сейчас такого скандально-го дела (Ю. И. Коваль. Встреча).

В аподозисе условных конструкций, как правило, представлен не желательный, а контрфактивный, безоценочный инфинитив [7], ср.: *Если бы родители могли предвидеть, во что выльется необдуманный шаг отца, не бывать бы* мне на этих матчах (Е. М. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание); *Если бы ученый хоть немного ошибся, то баракстаться бы* его детям в ледяной воде (А. И. Митрофанов. Космический старик); *Но если б ответ знало его руководство, не избежать бы* ему наказания (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»).

Кроме как с инфинитивом, частица *бы* (*б*) может сочетаться без связки с такими предикативами, как *недурно*, *хорошо*, а также с такими предикативными междометиями, как *ах*, *ох*, *эх*, например: **Хорошо бы**, чтоб она попала на глаза Алянскому (Ю. И. Коваль. На барсучьих правах); **Недурно бы** сейчас стаканчик кофе горячего! – **Ох, недурно! Хорошо бы** в мае умереть (запись разговорной речи); **Эх, взорвать бы!** Патронов нет (х/ф «Белое солнце пустыни»); **Ох, я бы** сейчас ананас съел! (х/ф «Гараж»); **Ах, если б** он был жив! *Вот, если б можно было время повернуть вспять!* (х/ф «Тот самый Мюнхгаузен»).

Безглагольные желательные конструкции с частицей *бы* (*б*) обычно представляют собой явление диалогического текстового режима и выражают желание говорящего. Такие конструкции свойственны прямой речи и таким типам текстов, которые пересказывают прямую речь или используют ее приемы, например: **Бутербродик бы** со шпроти-

ком! (х/ф «Верные друзья»); *Сейчас бы супчику горяченького, да с потрошками!* (х/ф «Место встречи изменить нельзя»); *Газировочки бы!* (х/ф «Кин-дза-дза»); *В вагоне бы свежие газеты, шахматы!* (запись разговорной речи).

Резюме. Итак, рассмотрев грамматический статус семантики оптатива, мы выяснили, что модальность выступает как один из аспектов соотношения высказывания с действительностью, то есть как предикативный аспект. Именно этот уровень содержат в себе модальные частицы, которые играют основную роль для выражения желательности в предложении. Исходя из концепции Е. Е. Корди, мы приходим к выводу, что к специфическим средствам выражения желательности в грамматическом плане можно отнести следующие: 1) протазис, оформленный инфинитивом, обычно без условного союза; 2) инфинитив почти всегда в препозиции, поскольку обозначает условие; 3) протазис с инфинитивом указывает на желательную или предпочтительную ситуацию; 4) в условных конструкциях с инфинитивным протазисом чаще всего выражается контрфактивное значение, реже – гипотетическое; 5) аподозис с инфинитивом часто указывает на нежелательное событие; 6) условные конструкции с инфинитивным аподозисом могут быть только контрфактивными, в этом случае в протазисе чаще всего употребляется квазимператив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Категория оптативности в русском языке. – М. : МГОУ, 2002. – 384 с.
2. Алтабаева Е. В. Оптативные предложения в современном русском языке. – Мичуринск : МГПИ, 2003. – 863 с.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л. : Наука, 1978. – 175 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.
5. Гетьман З. А., Архипович Т. П. Модальность как общетекстовая категория // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 34–48.
6. Добрушина Н. Р. К типологии оптатива // Исследования по теории грамматики / под общ. ред. В. А. Плунгяна. Вып. 1 : Глагольные категории. – М. : Гнозис, 2001. – С. 7–27.
7. Корди Е. Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – 171 с.
8. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения. Грамматические категории слова и предложения. – М. : МГОУ, 2007. – 95 с.
9. Парамонов Д. А. Грамматическое выражение значения «желательность» в современном русском языке // Русская словесность. – 2008. – № 6. – С. 73–78.
10. Русская грамматика. Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
11. Хабибуллина А. А. Концепты, моделирующие внутренний мир человека (на материале татарского, английского и французского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1(69), ч. 1. – С. 208–213.

UDC 811.161.1'367

E. A. Danilova, N. Yu. Petrova

SPECIFICITY OF GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING DESIRABILITY IN RUSSIAN LANGUAGE

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. Desirability is one of the main types of language modality and expresses the relation to reality as a desirable phenomenon, event. The article describes the grammatical tools involved in expressing desirability in the Russian language. It analyzes the role of particles, alliances and allied combinations, the order of words in sentences as specific means of forming desirability; presents the features of the use of dependent and independent infinitive constructions for the expression of the desired value.

Keywords: *optative, predicative, grammatical means of expressing desirability, unreal mood.*

REFERENCES

1. *Altabaeva E. V.* Kategorija optativnosti v russkom jazyke. – M. : MGOU, 2002. – 384 s.
2. *Altabaeva E. V.* Optativnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke. – Michurinsk : MGPI, 2003. – 863 s.
3. *Bondarko A. V.* Grammaticheskoe znachenie i smysl. – L. : Nauka, 1978. – 175 s.
4. *Vinogradov V. V.* O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke // *Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike.* – M. : Nauka, 1975. – S. 53–87.
5. *Get'man Z. A., Arhipovich T. P.* Modal'nost' kak obshhetekstovaja kategorija // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19 : Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija.* – 2006. – № 2. – S. 34–48.
6. *Dobrushina N. R.* K tipologii optativa // *Issledovanija po teorii grammatiki / pod obshh. red. V. A. Plungjana.* Vyp. 1 : Glagol'nye kategorii. – M. : Gnozis, 2001. – S. 7–27.
7. *Kordi E. E.* Optativnost' // *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'.* – L. : Nauka, 1990. – 171 s.
8. *Lekant P. A.* K voprosu o modal'nyh raznovidnostjakh predlozhenija. Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija. – M. : MGOU, 2007. – 95 s.
9. *Paramonov D. A.* Grammaticheskoe vyrazhenie znachenija «zhelatel'nost'» v sovremennom russkom jazyke // *Russkaja slovesnost'.* – 2008. – № 6. – S. 73–78.
10. *Russkaja grammatika.* T. 2. – M. : Nauka, 1980. – 709 s.
11. *Habibullina A. A.* Koncepty, modelirujushhie vnutrennij mir cheloveka (na materiale tatarskogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov) // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva.* – 2011. – № 1(69), ch. 1. – S. 208–213.

© Danilova E. A., Petrova N. Yu., 2017

Danilova, Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

Petrova, Nina Yuryevna – First-year Master's Degree Student of «Functional Grammar: Linguistic and Methodological Aspects» Programme of Training, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: devanagari86@mail.ru

The article was contributed on April 16, 2017

УДК 821.161.1.09-21Максимов С.В.

О. И. Данилова

МИР ДЕТСТВА В РАССКАЗЕ С. В. МАКСИМОВА «ПИТЕРЩИК»

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрен мир детства в рассказе С. В. Максимова «Питерщик», выявлены особенности его изображения. В произведении образ ребенка не является центральным, он находится в неразрывной связи с темами семьи, дома, воспитания. Писатель синтезирует понятия «детство», «семья», «дом», «мать». Значимость периода детства в жизни человека Максимовым подчеркнута тем, что каждый из его центральных персонажей хранит в себе воспоминания о своих первых годах жизни и юности, обладает теми или иными детскими чертами. Отмечается, что в рассказе «Питерщик» важное место занимают образы-воспоминания. С. В. Максимов стремится показать жизнь русского человека от рождения до смерти, раскрыть нравственные и морально-этические истоки его национального характера.

Ключевые слова: *детство, мир детства, образ детства, народная культура, образы-воспоминания, национальный характер.*

Актуальность исследуемой проблемы. Детство является неотъемлемой частью жизни и культуры представителя любого народа. Изображение мира детства занимает особое место в произведениях С. В. Максимова о народной культуре. Актуальность определяется малой изученностью данной темы в творчестве писателя, предшественниками исследованы лишь отдельные аспекты этой проблемы.

Цель данного исследования – раскрыть своеобразие изображения мира детства в рассказе С. В. Максимова «Питерщик».

Материал и методика исследований. Методика исследования строится на целостном анализе художественного произведения в свете реализации в нем концепции детства.

Результаты исследований и их обсуждение. С. В. Максимов начинает свой творческий путь в переломную эпоху. Смерть Николая I, поражение в Крымской войне – с этими событиями обозначились новые веяния в общественной жизни. Россия жила предчувствием социальных перемен. В стране назревала революционная ситуация. Среди многих проблем, которые волновали русское общество в XIX в., на первом плане была проблема освобождения крестьянства от крепостной зависимости.

В 1854 г. в «Библиотеке для чтения» один за другим печатаются очерки С. В. Максимова «Извозчик», «Несколько слов о музыкальности», «Швецы», «Маляр», «Сергач». Первые литературные опыты писателя высоко оценил И. С. Тургенев. «Ступайте в народ,

© Данилова О. И., 2017

Данилова Ольга Ильинична – аспирант кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ole4ka0289@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

внимательно наблюдайте, запасайтесь свежим материалом! У вас хорошие задатки», – напутствовал он Максимова.

Воспользовавшись этим советом, С. В. Максимов решает посвятить свою жизнь исследованию и описанию народного быта. В 1855 г. он отправляется в путешествие по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям с целью изучения традиционных ремесел.

Итогом первого путешествия становится цикл очерков, опубликованных в журнале «Библиотека для чтения» и впоследствии вошедших в книгу «Лесная глушь» (1871 г.). Сотрудник некрасовского «Современника» А. Н. Пыпин считал, что это был один из первых опытов прямого изучения народного быта. В очерках читатели знакомились с жизнью и бытом крестьянства середины XIX в. [8]. Героями максимовских рассказов были коробейники, иконописцы, портные, маляры, плотники, деревенские знахари и колдуны, извозчики, вожак медведей. М. Е. Салтыков-Щедрин в своей рецензии «Лесная глушь. Картины народного быта С. Максимова», опубликованной в «Отечественных записках» в 1871 г., рассуждая о проблемах русского литературного развития, об отношениях беллетристики к современной русской жизни, отмечает: «Г-н Максимов принадлежит к числу лучших наших этнографов-беллетристов, и изданное им ныне новое собрание очерков и рассказов служит несомненным тому доказательством. Драгоценнейшее свойство г. Максимова заключается в его близком знакомстве с народом и его духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности...» [9, с. 440].

В апреле 1856 г., уже находясь в Архангельске во втором путешествии, С. В. Максимов писал А. В. Старчевскому (в то время одному из редакторов «Библиотеки для чтения»): «Нарочно поспешил отослать третьего дня конченный рассказ свой «Кулачок», чтобы мог он попасть в июньскую книжку при Вашем добром посредстве... Новый рассказ свой, по внутреннему убеждению, считаю удавшимся лучше других» (ИРЛИ 1). Публикация состоялась в томе 138 «Библиотеки для чтения» в 1856 г. Позднее этот рассказ получил название «Питерщик (Похождения Кулачка)», с которым в 1871 г. и вошел в его книгу очерков «Лесная глушь».

Как известно, к середине XIX в. массовый характер приобретает отходничество. Крестьяне уходили из сел и деревень в города для заработка [1]. В городе крестьяне-отходники нанимались работниками в частный дом, на предприятие или же выполняли разовые работы за единовременную плату [7]. В рассказе С. В. Максимова «Питерщик» воспроизводится жизненный путь такого мужика-отходника – Петра Артемьева. Перед читателем человек из народа, который сам определяет свою жизненную судьбу. Автор показывает трагические последствия разрыва крестьянина с трудом на земле. Стремясь уйти от нищеты и голода, от деспотизма помещика, от произвола сельских властей, он попадает к богатому городскому подрядчику, поддается соблазнам легкой наживы и сбивается с верного жизненного пути, теряет себя.

Важное место в рассказе «Питерщик» занимают образы-воспоминания. Они неразрывно связаны с устойчиво повторяющимся мотивом дома. В своем художественном мире С. В. Максимов синтезировал понятия детства, семьи, дома, матери. Мир детства сталкивается со взрослой жизнью, мир крестьянства – с миром мещан, прислуги, рабочих людей [4]. Воспоминания, принимая форму переживаний героя, окрашены и в радостные, и в грустные оттенки. Герой рассказа Петр Артемьев не привык к расставаниям и дальнему пути, впервые уезжает из отчего дома. Пока его спутники спали невозмутимым

сном, он «невольно должен был страдать под обаянием воспоминаний, обильный наплыв которых и ласкал его, и уносил, против воли, в далекое прошлое» [6, с. 310]. Писатель использует в рассказе прием ретроспекции, посредством которой проводит параллели между различными этапами жизни героя и показывает, как события детских лет обуславливают его поведение.

Петр, мысленно возвращаясь в свои детские годы, ищет там приют от страха, тревоги и сомнений. Память переносит его в мир тепла, беззаботности, счастья – в отчий дом. Радостные воспоминания, связанные с домом, вызывают слезы у героя: «Там привелось ему встретить так много отрадного, что недавняя разлука с домашними еще глубже западала ему в сердце, и щемила его, и выжимала не обильные, но все-таки горькие и неутешные слезы» [6, с. 310]. Ушедшие детство и юность являются для героя лучшими и незабываемыми периодами жизни. Мотив разлуки, расставания в рассказе «Питерщик» занимает важное место. С. В. Максимов – мастер психологической характеристики, он достоверно передает чувства персонажа. Воспоминания о доме для Петра – «гнетущие», но в то же время «светлые» и «отрадные» [6, с. 310].

Воспоминания героя сопровождаются в рассказе с изображением зимней природы. Мотив дороги становится ключевым в произведении. Он связан с мотивом памяти, что формально проявляется в смене временных пластов в рассказе – использовании приема ретроспекции. Петр вглядывается в дорогу, разглядывает следы, пытается уйти от воспоминаний, но при этом не замечает, как «переносится к дальнему прошлому» [6, с. 311]. Дорога в рассказе символизирует жизненный путь. Для Петра Артемьева начинается самостоятельная жизнь, он покидает родительский дом.

В рассказе «Питерщик» С. В. Максимов выступает как мастер художественной детали. Перед глазами Петра выстраивается длинный ряд живых воспоминаний: «Вот он семилетний парнишко – смирный, нешаловливый, – любимец семьи, и в особенности бабловника – старого дедушки» [6, с. 311]. Образ деда выстраивается через портретные детали, запомнившиеся герою с детства, оставившие отпечаток в его детской памяти: «желтые большие очки», «нос такой большой был», «борода такая тяжелая, длинная и широкая», «мало и зубов осталось во рту» [6, с. 311]. Как показывает С. В. Максимов, в детстве особенно обострена наблюдательность. Это свойство детской психики писателю удается передать благодаря искусному владению деталью. Петр вспоминает, как дедушка учил его грамоте: «Сделал дедушко указку, книгу достал» [6, с. 311].

Детство для героя рассказа – счастливый период жизни, поэтому он помнит даже малейшие детали: «...дело было вечером, лучина трещала; отец под хомут войлок пришивал: старый-то поизмызгался» [6, с. 311]. Петр, будучи уже взрослым человеком, сохранил детскость в своем поведении и ощущениях, особенно в воспоминаниях. Она проявляется в детализированных описаниях самых обычных предметов и событий, поразивших и восхитивших его в детстве и поэтому сохранившихся в памяти в той же «первозданной» детской данности.

Все важные дела у русского народа начинаются с молитвы и с Божьего благословения. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа: аминь. Боже, в помощь мою вонми и вразуми мяво учение сие!..» – читает молитву дедушка, перед тем как начать обучать грамоте внука [6, с. 311]. Этому же учит он и Петра: «...всякое дело с молитвой надо» [6, с. 311].

Нравственный облик родителей, их труд, общественная деятельность, взаимоотношения в семье, религиозность, отношение к вещам, искусству – все это служит примером для детей и оказывает влияние на формирование их личности. Также дети чувствуют лю-

бовь к себе. Так и Петр смотрит и запоминает, чему учит его любящий дед. С образом деда читатель знакомится только через воспоминания Артемьева. Испокон веков детей учили почитанию старших. Это одна из заповедей Господа Бога: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, да долголетен будешь на земле». Чувство уважения к старшим входило в плоть и кровь детей благодаря примерам из жизни собственной семьи и всей деревенской общины. В семейном застолье пожилым людям предоставлялось почетное место, взрослые члены семьи были внимательны к старому, отработавшему свое время деду, спрашивали у него советов [10]. Именно дед научил Петра грамоте и чтению. Твердо запоминает Петр и его краткие, проверенные жизненным опытом нравоучения: «буди благочестив, уповай на Бога и люби его всем сердцем», «в несчастии не унывай, в счастье не расслабей, а скудость почитай матерью осторожности жизни», «счастье есть непостоянно, причиняет различные случаи, часто печальные, что терпеливый сносит, о том малодушный вздыхает, плачет и воет», «будь к низшим приветлив, встречающихся приветствуй, приветствующих восприветствуй взаимно, невежу наставь, говори всегда правду, никогда не лги» [6, с. 311].

Взрослые понимали, что основы личности закладываются в детстве, и старались с ранних лет воспитывать в детях стремление к добру, отвращение к подлости и лицемерию, отличать истину от лжи, добро от зла, приучали к труду и честной жизни [2]. За грамоту крестьянского сына «не сажают, а начинают приучать к хозяйству» [6, с. 27]. Крестьянская семья занята тяжелым, изнурительным трудом, поэтому не до науки. Дети изучают мир на практике, наблюдая. С младенчества видят они родителей, занятых непрерывным трудом. А вот старики «последние годы жизни проводили с внуками, так как они уже не могли выполнять тяжелую работу» [2]. Так и дед в произведении «Питерщик» много времени проводит с внуком.

Воспоминания, связанные с образованием, сменяются бытовыми сценами. В них снова деталями сопровождается только образ деда: «хвор уже был, совсем разваливался и киселя мало ел» [6, с. 312]. Образы остальных домашних не имеют детальной портретной характеристики, Петр вспоминает только их занятия: «мать сидела перед ткацким станком», «старшая тетка пахтала сметану», «другая на дворе заставляла скотину», «отец дотачивал лапоть», «старший братишко Ванюшко вил оборы» [6, с. 312]. В то же время детский слух запомнил звуки, сопровождающие работу взрослых: «однозвучно раздавалось хлопанье бердом и жужжанье челнока», «гудел в лад отцу, себе под нос», «читал вслух» [6, с. 312], в памяти остались и цвета («синяя серпанка», «желтые очки»).

Память ребенка способна запечатлеть особые моменты. Ребенок воспринимает мир по-своему, для него все кажется необычным. Петру запомнился так точно образ бабушки, так как тот проявлял безграничную любовь к внуку, баловал его. Сейчас, когда деда уже нет в живых, герой глубоко переживает, что мы наблюдаем и по тому, как детально он пытается вспомнить моменты, связанные с дедом. Если мать пытается наказать ребенка за малейшую шалость, за озорство, то дед защищает любимого внука: «Побаловал немного; ну, что беды?» [6, с. 312]. В то же время он учит Петра: «Ты сестренку-то не бей только, а поиграть можно» [6, с. 312], а тот, в свою очередь, пытается угодить бабушке, который проверяет его сметку различными вопросами: «Глазенки запрыгали, голосок зазвучал громче обыкновенного... шейка вытянулась» [6, с. 313]. Очередная задача оказалась трудной: «Мальчик крепко задумался и губки надул, и глаза нахмурил, почесываться начал, вскинулся на стол локтями» [6, с. 313]. Будучи взрослым, вспоминая бабушку, Петр

не может сдержать слез: «Добродетель был старик! Да помер, прибрал Господь его святую душеньку...» [6, с. 313].

Грустные воспоминания, связанные с образом деда, в произведении сменяются веселыми. Воображению Петра Артемьева «рисовались последние сцены, ближайšie к настоящему времени, и именно к той поре, когда подростки-ребята начинают на девок поглядывать» [6, с. 314]. Будучи робким парнем, Петр «даже и в песнях не участвовал, а у хороводов и на поседках стоял столб столбом» [6, с. 315].

Образ детства неразрывно связан с темой воспитания. Вековой опыт позволил народу выработать определенные дидактические приемы и правила воспитания детей. В житейской практике бытуют такие методы воспитательного воздействия на детей, как разъяснение, приучение, поощрение, одобрение, убеждение, личный пример, показ упражнения, намек, укор, осуждение, наказание и др. Писатель С. В. Максимов пытается понять динамику становления личности с детских лет, перспективу ее дальнейшего духовного развития под влиянием воспитания. Представляя мир детства, писатель не упускает возможности изобразить приемы и методы воспитания детей. Через разъяснение и убеждение формируются у ребенка положительные отношение к труду, достойное поведение в семье и обществе. Дети привыкают к труду, учатся будущему ремеслу, наблюдая за работой взрослых: мальчики внимательно изучают и выполняют вместе с отцами сельскохозяйственную работу, осваивают ремесленный, бытовой труд; девочки вместе с матерями готовят обед, учатся вышивать, прясть и т. д.

За хорошо выполненную работу непременно следуют похвала и поощрение ребенка. «Похвала родителей являлась стимулом к трудовой деятельности, когда ребенок видел, что его работа действительно очень важна» [2]. У Максимова читаем: «Да такого разумника хоть сейчас во священники – не опрокинется», – хвалит внука дед за толковость» [6, с. 313], «И старик крепко поцеловал внука в голову и дал ему пряничного коня с золотой гривой да обещался еще из села каленых орехов привезти» [6, с. 313].

На умственное, эстетическое и нравственное воспитание детей оказывали влияние загадки. «Они призваны развивать мышление детей, приучать их анализировать предметы и явления из различных областей окружающей действительности; причем наличие большого количества загадок об одном и том же явлении позволяло давать всестороннюю характеристику предмету (явлению)» [3]. «Шурина племянник – как зятю родня?» – спрашивает у Петра дед, проверяя его смекалку [6, с. 313].

Формой воспитательного воздействия на детей является также родительское благословение. В произведении семья и родные провожают Петра в Петербург. Он сел на колени, и отец благословил его «створчатым медным образом и запихнул ему этот образ за пазуху» [6, с. 308]. «Дядя Петр, старший брат старика Артемья, человек, живший в Петербурге долго, разбогатевший там, а теперь уважаемый всею деревнею за ум и опытность, дает наставления племяннику: “Беги кабаков – главное!.. Больно-то с шустрыми да бойкими не дружись... Отца-то не забывай, не зазнавайся очень-то”» [5, с. 307].

Дети почитают и уважают родителей, прислушиваются к советам старших. Сложные человеческие отношения раскрываются в сцене прощания, которая проникнута грустью и печалью. Когда сын покидает родимый дом – это горе для родителей.

Образ матери воплощает любовь, нежность, мудрость. В сцене прощания С. В. Максимов показывает глубину чувства матери. Она тяжело воспринимает расставание с сыном: «глубоко и тяжело вздыхала», «глаза ее опухли и покраснели, а на ресницах

висели не первые свежие слезы» [6, с. 305]. «Разумник», «желанный мой», «радость» – называет сына мать [6, с. 305], даже отец не сдерживает слез.

Резюме. Таким образом, исследование показало, что мир детства становится центральным в рассказе С. В. Максимова «Питерщик». Автор изобразил духовное становление и рост героя-ребенка. На примере жизненного пути Петра Артемьева писатель показывает, что детство накладывает отпечаток на дальнейшую судьбу, в нем закладываются нравственные основы личности, от которых зависит будущее человека.

С помощью приема ретроспекции Максимова удастся провести параллели между различными этапами жизни Петра. Впечатления детства, сохраняющиеся в памяти и живущие в течение всей жизни, писатель воплощает в художественные образы.

Одним из средств изображения мира ребенка становится в рассказе «Питерщик» художественная деталь. Герой, уже будучи взрослым, сохраняет детскость в своем поведении и ощущениях, это проявляется в детализированных описаниях.

Образы детей и их мир в рассказе отличают подлинный реализм и глубокий психологизм. Этим и определяется своеобразие изображения мира детства С. В. Максимовым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашева Д. В. Н. М. Языков как фольклорист и этнограф // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2001. – № 3(22). – С. 3–6.
2. Боярчук А. В. Традиции народного воспитания в крестьянских семьях в XIX веке // Научные исследования в образовании. – 2009. – № 5. – С. 19–23.
3. Волков Г. Н. Педагогика любви : избранные этнопедагогические сочинения : в 2 т. Т. 1. – М. : Магистр-Пресс, 2002. – 460 с.
4. Данилова О. И. Мир детства в творчестве С. В. Максимова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – № 4(92). – С. 52–58.
5. Максимов С. В. Избранное. – М. : Советская Россия, 1981. – 560 с.
6. Максимов С. В. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. – М. : Художественная литература, 1987. – 493 с.
7. Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. – М. : Молодая гвардия, 1985. – 238 с.
8. Плеханов С. Н. Путем зерна // С. В. Максимов. Куль хлеба и его похождения. – М. : Молодая гвардия, 1985. – С. 229–236.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 9. – М. : Художественная литература, 1970. – 648 с.
10. Сарбаш Л. Н. «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С. В. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5(16). – С. 158–161.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ИРЛИ 1 – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. – Ф. 583, оп. № 498.

WORLD OF CHILDHOOD IN THE STORY OF S. V. MAKSIMOV «PETERSCHIK»

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the world of childhood in the story of S. V. Maksimov «Peterschik». The image of the child is not central in the story. It is connected with the themes of family, home, education. The writer synthesizes the concepts «childhood», «family», «home», «mother». Maksimov emphasizes the significance of childhood period in life of any man by the fact that each of the central characters keeps memories about the first years of life and adolescence, and each has some childish features. The author stresses that the images-memories play an important role in the story «Peterschik». S. V. Maksimov tries to show the life of the Russian people from birth to death, to reveal moral and ethical origins of the national character.

Keywords: *childhood, world of childhood, image of childhood, national culture, images-memories, national character.*

REFERENCES

1. *Abasheva D. V. N. M. Jazykov kak fol'klorist i jetnograf // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2001. – № 3(22). – S. 3–6.*
2. *Bojarchuk A. V. Tradicii narodnogo vospitaniya v krest'janskikh sem'jah v XIX veke // Nauchnye issledovaniya v obrazovanii. – 2009. – № 5. – S. 19–23.*
3. *Volkov G. N. Pedagogika ljubvi : izbrannye jetnopedagogicheskie sochineniya : v 2 t. T. 1. – M. : Magistr-Press, 2002. – 460 s.*
4. *Danilova O. I. Mir detstva v tvorchestve S. V. Maksimova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2016. – № 4(92). – S. 52–58.*
5. *Maksimov S. V. Izbrannoe. – M. : Sovetskaja Rossija, 1981. – 560 s.*
6. *Maksimov S. V. Izbrannye proizvedeniya : v 2 t. T. 2. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1987. – 493 s.*
7. *Maksimov S. V. Kul' hleba i ego pohozenija. – M. : Molodaja gvardija, 1985. – 238 s.*
8. *Plehanov S. N. Putem zerna // S. V. Maksimov. Kul' hleba i ego pohozenija. – M. : Molodaja gvardija, 1985. – S. 229–236.*
9. *Salykov-Shhedrin M. E. Sobranie sochinenij : v 20 t. T. 9. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1970. – 648 s.*
10. *Sarbash L. N. «Puteshestvie po Volge» v russkoj literature XIX veka: «Kul' hleba i ego pohozenija» S. V. Maksimova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2012. – № 5(16). – S. 158–161.*

SOURCES AND MATERIALS

IRLI 1 – Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) Rossijskoj akademii nauk. – F. 583, op. № 498.

© Danilova O. I., 2017

Danilova, Olga Ilyinichna – Post-graduate Student, Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: ole4ka0289@rambler.ru

The article was contributed on April 10, 2017

УДК 821.161.1*37"19"+821.512.111*37"19"

О. К. Евдокимова, Л. В. Ляпаева, С. В. Федяй

КОНЦЕПТ «САД» В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВВ. (А. П. ЧЕХОВ, И. А. БУНИН, А. С. АРТЕМЬЕВ)

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье анализируются произведения русских и чувашских писателей XIX–XX вв. А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. С. Артемьева. Сопряжение имен столь разноплановых писателей носит не случайный характер, а обусловлено выдвижением концепта «сад» как значимого компонента структуры рассматриваемых произведений, открывающего новые смысловые пласты в интерпретации. В работе выявлены специфические особенности и своеобразие концепта «сад», с помощью которого формируется картина мира и конкретизируется авторская позиция.

Ключевые слова: *русская литература, чувашская литература, концепт «сад», А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. С. Артемьев.*

Актуальность исследуемой проблемы. «Концепт» в литературоведении XXI в. далеко не новое понятие, его почти вековая история известна и проанализирована в целом ряде специальных культурологических и филологических исследований. В последние полтора-два десятилетия понятие «концепт» как инструмент анализа используется все чаще наряду с другими аспектами современной аналитики [11], [19]. Достаточно сказать, что в 2013 г. издательством «Флинта» была выпущена «Антология художественных концептов русской литературы XX века» [2]. Однако, несмотря на определенную изученность данного вопроса, концептный анализ еще не выработал единой, универсальной методики. Тем не менее каждое обращение к тому или иному концепту позволяет по-новому прочесть как творчество писателя в целом, так и отдельные его произведения и систематизировать свои знания о нем в контексте культуры и литературы определенного исторического времени [8], [10], [17], [18], [20]. В этой связи творчество любого художника представляет несомненный интерес, а исследование творчества А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. С. Артемьева с точки зрения концепта «сад» актуально как в историко-

© Евдокимова О. К., Ляпаева Л. В., Федяй С. В., 2017

Евдокимова Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

Ляпаева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lar.lyapaeva@yandex.ru

Федяй Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sfedyaj09@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017

литературном, так и в теоретическом аспекте: выявленные параллели между писателями проводятся впервые.

Материал и методика исследований. Материалом для анализа послужили произведения русских и чувашских писателей XIX–XX вв., в которых актуализирован концепт «сад»: «Черный монах» А. П. Чехова, «Птицы небесные» И. А. Бунина, «Яблони в цвету» А. С. Артемьева. Основным методом исследования является структурно-семантический.

Результаты исследований и их обсуждение. Имя Антона Павловича Чехова, при всей гениальности А. С. Пушкина, величии Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, пожалуй, одно из самых востребованных в современном мире. Чехов-драматург, Чехов-прозаик не просто привлекает внимание широкого круга исследователей самой разной направленности. Чехов – это некий камертон для русского человека, потому что, так уж сложилось, но именно по Чехову мы сверяем наши представления о добропорядочности, интеллигентности, о равнодушии к чужой беде и томительном ожидании прекрасного. Обращаясь к совершенно несобытийной прозе в основном провинциальной жизни, к совершенно, казалось бы, рядовым ситуациям и мелочам быта, писатель создал художественный мир, в котором нашел отражение менталитет русского интеллигентного человека на рубеже XIX–XX вв. [5].

Чеховская проза, сложившаяся в один из самых непростых периодов в истории русской литературы (80-е гг. XIX в.) и давшая впоследствии название этому периоду – «чеховское время», по-своему концептуальна, что выражается в том, что в ее основе концепты, которые в сознании читателя рождают устойчивые представления о духовных ценностях и внутреннем мире человека, о его стремлениях, о тех больших вопросах жизни, отношением к которым, собственно, и отличается русский человек в изображении Чехова [9]. Это концепты «тоска», «страх», «счастье», «смерть», «любовь», отражающие и чеховское видение современной ему действительности, и своеобразие художественного мира, и те вечные истины, актуальность которых остается неизменной в любое историческое время. В этом же ряду и концепт «сад».

В работе Д. С. Лихачева «Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей» (1982) выражена мысль о том, что сад – это своего рода эстетическая система, «система содержательная, но содержательность которой требует совсем особого определения и изучения» [15]. Оправданность такого подхода к садово-парковой культуре заключается в том, что сад действительно выражает эстетические представления человека об окружающем мире, однако данный методологический подход позволяет рассматривать сад не только как эстетическую систему, а гораздо шире – как воплощенную модель мира, которая отражает идеальный взгляд на жизнь вообще [1]. Не случайно концепт «сад» стал, по сути, сквозным в русской литературе XIX и XX вв. Сад – неотъемлемый компонент повествования в произведениях Чехова: это и приют для влюбленных, где даже тюльпаны и ирисы просят, «чтобы с ними объяснились в любви» («Учитель словесности»). Художник и Мисюся («Дом с мезонином»), Никитин и Манюся («Учитель словесности»), Старцев и Екатерина Ивановна («Ионыч») встречаются и объясняются именно в саду, это и символ бытия («Дом с мезонином»).

Повесть «Черный монах» (1894), на наш взгляд, дает все основания говорить о значимости концепта «сад». К анализу данного произведения в разное время обращались Г. А. Бялый [5], М. И. Гореликова [6], Т. В. Грудкина [7], В. Я. Линков [13], И. Н. Сухих [21], чьи работы позволили во многом по-новому прочесть одну из самых загадочных повестей Чехова. Несмотря на богатейшую историю изучения, «Черный монах» открыт

для дальнейшей интерпретации. Характерно, что повесть начинается с описания сада, создающего не только настроение, являющегося проекцией жизненной философии каждого из героев. Чехов так выстраивает сюжет, что сад играет огромную роль в судьбе Коврина, Тани и Егора Семеновича Песоцких. Автор как бы проверяет своих героев их отношением к саду, и эту проверку каждый проходит по-своему. Егор Семенович Песоцкий – известный в России садовод. Он всю свою жизнь посвятил саду и воспитанию Коврина, который должен продолжить его дело – сохранить сад. Песоцкий по-своему талантлив, но талант его скорее эгоистичен, чем гуманен. Автор показывает нам героя в тот период жизни, когда большой фруктовый сад, разделенный Песоцким на коммерческую и декоративную части, перестает быть источником радости и счастья, все более и более подчиняя себе жизнь и Егора Семеновича, и его дочери Тани. Но если для Егора Семеновича жизнь и сад – тождественные понятия, то для Тани жизнь уже больше чем сад: это и любовь к Коврину, и стремление вырваться из родного гнезда. Сад, бывший смыслом жизни для Песоцкого, становится жизненной преградой для Тани. «Вся наша жизнь ушла в сад», – таков грустный вывод, который делает Таня [22, с. 230].

В жизни Коврина сад занимает едва ли не главное место. С расстроенными нервами он приезжает не только к Песоцким, но и к саду. Коврин предпочитает уединение, поэтому больше всего ему приходится по душе старинный парк («и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши» [22, с. 226]). С садом у Коврина связаны самые счастливые минуты его жизни: воспоминание о детстве («в груди его шевельнулось радостное чувство, которое он испытывал в детстве, когда бегал по этому саду» [22, с. 232]), объяснение с Таней происходит именно в саду. Сад как бы спасает Коврина, даруя ему творческие силы. Именно здесь, в доме Песоцких, в общении с близкими людьми и с садом к Коврину возвращается надежда на счастье. Для него, как и для Песоцкого, сад – это жизнь, но жизнь своя, где есть место красоте, счастью и... Черному монаху. «Как здесь свободно, просторно и тихо! – думал Коврин, идя по тропинке. – И, кажется, весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его» [22, с. 234]. Воспитанный Песоцким, Коврин тем не менее сформировал свое отношение к саду: деление на коммерческую и декоративную части для него, в отличие от Песоцкого, не столь важно. В восприятии Коврина сад существует как единое целое, где прежде всего побеждает гармония. А именно к гармонии так настойчиво и мучительно стремился Коврин. В последние минуты жизни Коврин снова видит Черного монаха и вспоминает сад, а значит, возвращается к полноценной духовной жизни, к творчеству, к тому, что наполняло его жизнь радостью, смыслом и дарило счастье: «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми кронами...» [22, с. 257].

Сад в повести «Черный монах» – это концепт, выражающий авторскую позицию в произведении и позволяющий раскрыть глубину авторских представлений о жизни и человеке, о добре и зле, о творчестве, о радости бытия и трагедии смерти. Концепт «сад» в повести «Черный монах», на наш взгляд, – своеобразный рубеж на пути к пьесе «Вишневый сад», где сад вырастает до всеобъемлющего символа всей России с ее прошлым, настоящим и будущим.

А. П. Чехов, безусловно, задал перспективу осмысления жизненных явлений по многим вопросам для писателей XX в., в том числе и в русле семантики концепта «сад». Рассматривая образ сада в творчестве И. А. Бунина, исследователи справедливо связывают его с темой дворянских гнезд, укладом крестьянской жизни, называя такие произведения, как «Антоновские яблоки», «Суходол» и произведения эмигрантского периода [12], [14]. Одна-

ко рассказ И. Бунина «Птицы небесные» (1909) остался за пределами исследовательской оптики [16]. А между тем произведение это чрезвычайно интересно с точки зрения бунинской концептосферы в целом и функционирования концепта «сад» в частности. Более того, концепт «сад» в рассказе «Птицы небесные» является фокусом произведения, герменевтическим кодом, важным компонентом, формирующим философскую картину мира.

В рассказе подчеркнута взаимосвязь пространства горизонтали (дорога, мост, прорубь, дом – усадьба Воронова, поле) с пространством вертикали (солнце, кресты церквей, закат, небо, звезды). Концепт «сад» выражает эту взаимосвязь, связывая пространство земли с пространством неба (как, впрочем, и купола церквей) и чутко реагируя на происходящее в природе. Человек, будь то студент-медик Воронов или нищий Лука, – часть этого мироздания. Их случайная встреча и разговор свидетельствует о том, что оба они верят в божественное провидение и Божий промысел. «Беден только бес, на нем креста нет», – утверждает Лука [4, с. 456]. Студент молчаливо соглашается и с высказыванием Луки о Боге: «...В Бога, нет того создания на земле, чтобы в Бога не верило...» [4, с. 456]. Так утверждается воля Божья как основа бытия, а за этим основополагающим пониманием следует абсолютное принятие всего того, из чего складывается судьба человека, включая и смерть: «Смерть, брат, она, как солнце, глазами на нее не глянешь, а найдет – везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один» [4, с. 456].

Воплощением судьбы нищего Луки является хронотоп дороги, дороги без начала («из-под Ливен» идет) и конца («переночую в Знаменском»). Он терпеливо несет свой крест, не ропщет на судьбу, демонстрируя открытость ко всему. Странствие Луки следует оценить как путь в Божьем мире, так формируется концепт «путь». Для студента константой его бытия является хронотоп дома, куда он приглашает нищего Луку переночевать, переждать непогоду и лютый холод, но нищий отказывается, идет дальше, говоря, что ему спешить некуда, утверждая таким образом понимание мира как вселенского дома. Дом Воронова, церковь как дом Бога, мироздание как дом человека и человечества, объединяющий всех людей, формируют концепт «дом». «Дом» и «путь» – главные концепты бытия в художественном мире И. Бунина. Рассказ завершается известием о смерти Луки на знаменской дороге. О смерти сказано лаконично, сухо, без эмоций.

Казалось бы, событийно сад как часть усадебного мира никак не связан с героем, это и не фон, на котором разворачивается повествование, сад играет особую роль только после расставания с Лукой, через рецепцию Воронова, обрастая таким образом новыми смысловыми пластами. Детальное описание сада кажется, на первый взгляд, лишним, поскольку оно вне изображенной ситуации и появляется только в самом финале. Сад изображен как особый мир, аккумулирующий в себе энергию космоса, в нем угадывается сакральность, в нем заложен элемент тайны мироздания, соотносимой с запредельным миром, в нем содержится и проекция судьбы нищего, что и важно. Движение Луки к Знаменскому четко соотносится с течением времени, это чувствует Воронов, так обостряется проблема ценности каждого мига бытия: «...был уже девятый, а матери все не было. Дикарь! – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего. ...часов в десять вышел взглянуть на восход Блинецов... показалось, что свету Божьего не видно, – так гулко шумел сад от морозной бури... сад четко чернел над ее вихрями, и звезды огнем горели на черном чистом небе. Второй раз студент добрался до садового вала в двенадцатом часу. Стало еще морознее и страшнее... сад ревет властно и дико... над белым морем метели – два кровавых глаза; Арктур и Марс. ... ‘Замерзнет, черт!’ – с сердцем подумал студент про нищего» [4, с. 459]. А под утро, ко-

гда студент вышел из дома, он замер от восхищения тихой, умиротворенной картины природы, которая поражала динамичностью и сложностью существования.

В рассказе есть прямые соответствия между тем, что происходит на земле, на небе и с нищим Лукой, таких соответствий три, и ключевым в этих соответствиях является концепт «сад». Сад чернеет – звезды огнем горят, нищий движется по дороге – это начало его пути. Далее наблюдается максимальная концентрация сил сопротивления, борьбы в природе: «сад ревел властно» – на небе «два кровавых глаза», и в это время происходит смерть нищего. И третье – это утренняя картина умиротворенной природы, когда возвращается мать с известием о смерти нищего. И это состояние мира говорит о том, что природа принимает его и скорбит. Лука умирает в мире не чужом и равнодушном, а в мире Божьем, где все взаимосвязано. Судьба Луки определяется вечными законами человеческого бытия, где добро и милосердие составляют основу жизни. В рассказе это в полной мере относится к студенту Воронову, его желанию помочь нищему, который внутренне для себя уже все решил, поэтому отказывается от теплого ночлега, равнодушно принимает милостыню, но Воронов думает о нем, размышляет над его словами и опытом жизни.

Концептосфера рассказа определяется взаимодействием разных концептов, среди которых особая роль принадлежит концептам «дом», «путь» и «сад». Концепт «сад» органично связан с судьбой нищего Луки, являясь самым мистическим и загадочным.

В чувашской литературе концепт «сад» часто выражается термином «сад пахчи» (в дословном переводе с чувашского «сад-огород») и является одним из главных концептов, связанных прежде всего с крестьянским укладом жизни. В чувашских деревнях жилой дом и участок земли для выращивания различных сельскохозяйственных культур обычно расположены на одной территории. В саду-огороде преимущественно высаживаются овощи, ягоды и плодовые деревья. В большинстве произведений чувашской литературы 50–80-гг. XX в. концепт «сад», в отличие от русской литературы, представлен именно в качестве такого участка, обозначаемого как «сад пахчи». Во многих произведениях, как в лирике, так и в прозе сад отождествляется с родной землей, домашним очагом, выступает в роли созидательного начала в жизни человека и общества. Сад защищает от различных невзгод, помогает противостоять ударам судьбы, хранит в себе память о прошлом. Например, в поэтических текстах М. Волковой сад рисуется всегда цветущим и плодоносящим. Такая установка воплощает идею продолжения человеческого рода. Сад представлен не только участком земли, но и олицетворяет собой своеобразную метафору – сад души. Сад помогает раскрыться любовным чувствам лирической героини. Сад часто является местом встречи влюбленных. М. Волковой удалось создать удивительную картину мира, где лирическая героиня органично соединяется с образом сада в единое целое. В лирике М. Волковой образ сада созвучен произведениям и А. Чехова, и И. Бунина.

Подобную репрезентацию концепта «сад» в чувашской прозе мы находим в повести А. С. Артемьева «Яблони в цвету» (1951–1957), которая своими сюжетными перипетиями напоминает «Черного монаха» А. Чехова. В центре повествования – потомственный садовод Семен Саланов, который искренне любит свою работу. События в повести разворачиваются с ранней весны и до поздней осени (сбор урожая). На этом фоне мы видим, как зарождается и развивается любовь между Семеном и Лидой. Красота яблоневого сада и красота человеческого чувства в повести неразрывно связаны. Герои трепетно относятся к молодым саженцам, заботятся о них. Писатель акцентирует внимание на единстве человека и природы, что воплощается через образ сада. Человек в повести не только близок к миру природы, но он сам часть этого мира, и этим произведение А. Артемьева

перекликается с бунинской концептологией. Однако для автора важно утверждение, что человек – самое совершенное творение природы, а мир природы – это мир поэзии, красоты и мечты. Изображение красоты природы и человеческих отношений – все это создает атмосферу полноты жизни. Не случайно в повести в едином ключе описываются трепетные чувства Семена к Лиде и к молодым саженцам: «...Он спешил туда, в глубь сада, где растут его питомцы... Многие посажены его руками, он их вспоил, вскормил, за каждый кустик волновался, может быть, не меньше, чем любящая мать за своего ребенка... И сколько бы труда ни пришлось положить ему, он вырастит эти деревца и обещанное Лиде “самое, самое вкусное яблоко”» [3, с. 43]. Яблоневый сад в повести становится местом первых свиданий, его образ воплощает счастье, связанное с зарождением искреннего и сокровенного чувства – взаимной любви. Образ сада сопутствует действующим лицам на протяжении всего произведения, красочно иллюстрируя и дополняя историю взаимоотношений Семена и Лиды.

Финал повести окрашен светлыми красками, труды Семена не прошли даром, яблони вознаградили его богатым урожаем. Герой выполняет свое обещание, дарит возлюбленной то «самое яблоко», которое становится символом любви. Своеобразный лейтмотив всей повести – строчки из последней главы: «...Сад! Когда человек слышит это слово, он в первую очередь думает о его красоте, а не о пользе. Народом сложено о садах много песен, поэты посвятили им вдохновенные строки; редкая сказка обходится без чудесного сада; даже самый темный человек, изнемогая от тягот земной жизни, мечтал отдохнуть после смерти в райских садах. Сад и красота – неотделимы. Скучно было бы на земле без садов. Их не могут заменить ни прелести тропических пальм, ни могучие массивы дубрав, ни чарующие картины зелено-золотистого бора... Нет, не зря вековая народная мудрость гласит: “Человек, вырастивший хотя бы одно плодовое дерево, не зря прожил свою жизнь”» [3, с. 173].

В повести концепт «сад» раскрывает внутренний мир героев, символизирует вечные ценности, которые являются основой жизни. В образ сада писатель вкладывает определенный смысл – это место зарождения, переживания самого светлого чувства, встреч, свиданий, и его образ воплощает атмосферу счастья и гармонии.

Резюме. Проведенный анализ произведений разных писателей – А. Чехова, И. Бунина, А. Артемьева, принадлежащих не только к разным эпохам, но и к разным литературным, является вполне оправданным и мотивированным, поскольку позволил выявить семантическую наполняемость концепта «сад» в рассматриваемых произведениях. Исследование показало, что концепт «сад» конкретизирует картину мира, выражает философскую точку зрения на мир, являясь структурной доминантой произведений, коррелируя с другими концептами художественной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Сад // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 530–533.
2. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. – М. : Флинта, 2013. – 356 с.
3. Артемьев А. С. Яблони в цвету. Повесть / пер. с чув. А. М. Чистякова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 184 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. – М. : Правда, 1988. – 480 с.
5. Бялый Г. А. Чехов и русский реализм. Очерки. – Л. : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1981. – 400 с.

6. Гореликова М. И. Семантические оппозиции в поэтике позднего Чехова: реальное – ирреальное, идол – идолопоклонник (анализ повести «Черный монах») // Филологические науки. – 1991. – № 5. – С. 34–45.
7. Грудкина Т. В. Двойничество как организующий фактор поэтики повести А. П. Чехова «Черный монах» // Наш Чехов : сборник статей и материалов. – Иваново, 2004. – С. 102–120.
8. Дмитриева Е. Е. Сад Плюшкина, сад Гоголя // Поэтика русской литературы : сборник статей. – М., 2002. – С. 148–160.
9. Евдокимова О. К. Интеллигенция и интеллигентность в русской литературе конца XIX века // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. Г. Л. Никоновой, А. В. Никитиной. – Чебоксары, 2015. – С. 47–54.
10. Евдокимова О. К., Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Семантический потенциал концепта «хлеб» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 1(93). – С. 61–67.
11. Иванова Н. А. «Литературоцентричность» как код в произведениях Б. Зайцева: код романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в рассказе Б. Зайцева «Мой вечер» // Классика и современность : учебное пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. – С. 16–25.
12. Курганская Е. С. Образ сада в прозе И. Бунина // Бунинские чтения в Орле – 2008 : материалы Всероссийской научной конференции. – Орел, 2009. – С. 43–50.
13. Линков В. Я. Загадочный «Черный монах» // Скептицизм и вера Чехова. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – С. 64–77.
14. Линков В. Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 174 с.
15. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : Наука, 1982. – 343 с.
16. Ляпаева Л. В. Взаимодействие дискурсов в рассказе И. Бунина «Птицы небесные» // Бунинские чтения в Орле – 2013 : материалы Всероссийской научной конференции. – Орел, 2014. – С. 113–116.
17. Ляпаева Л. В. Концепт пути и его национальная специфика в творчестве Б. К. Зайцева // Нижегородский текст русской словесности : сборник статей по материалам V Международной научной конференции. – Н. Новгород, 2015. – С. 94–96.
18. Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Семантика концепта «путь» в русской и чувашской национальной традиции (Б. Зайцев, Хв. Уяр) // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 111–116.
19. Сарбаи Л. Н. «Путешествие по Волге» А. Потехина: инонациональное в творчестве русского писателя («Путь по Волге в 1851 г.», «С Ветлуги», «Река Керженец») // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 116–126.
20. Сарсенова И. Ж. Концепт сада в художественной прозе А. И. Герцена // Проблемы художественного текста. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 246–252.
21. Сухих И. Н. «Черный монах»: проблема иерархического мышления // Проблемы поэтики Чехова. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – С. 100–116.
22. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 8 / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. – М. : Наука, 1974–1983. – 528 с.

UDC 821.161.1*37"19"+821.512.111*37"19"

O. K. Evdokimova, L. V. Lyapaeva, S. V. Fedyay

**CONCEPT «GARDEN» IN RUSSIAN AND CHUVASH LITERATURE
OF THE 19th–20th CENTURIES (A. P. CHEKHOV, I. A. BUNIN, A. S. ARTEMYEV)**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the works of the Russian and Chuvash writers of the 19th–20th centuries: A. P. Chekhov, I. A. Bunin, A. S. Artemyev. The relation of the names of different writers is not accidental. It is conditioned by the fact that the concept «garden» is a significant component of the structure of the works considered. This concept provides some new layers of meaning in the interpretation of these works. The paper identifies some specific features and originality of the concept «garden» by means of which the picture of the world is formed and the author's viewpoint is elaborated.

Keywords: *Russian literature, Chuvash literature, concept «garden», A. P. Chekhov, I. A. Bunin, A. S. Artemyev.*

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Sad // Slavjanskije drevnosti : jetnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t. T. 4. – M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. – S. 530–533.
2. Antologija hudozhestvennyh konceptov russkoj literatury HH veka / red. T. I. Vasil'eva, N. L. Karpicheva, V. V. Curkan. – M. : Flinta, 2013. – 356 s.
3. Artem'ev A. S. Jabloni v cvetu. Povest' / per. s chuv. A. M. Chistjakova. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1970. – 184 s.
4. Bunin I. A. Sbranie sochinenij v 4 t. T. 1. – M. : Pravda, 1988. – 480 s.
5. Bjal'ij G. A. Chehov i russkij realizm. Oчерki. – L. : Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1981. – 400 s.
6. Gorelikova M. I. Semanticheskie oppozicii v pojetike pozdnego Chehova: real'noe – irreal'noe, idol – idolopoklonnik (analiz povesti «Chernyj monah») // Filologicheskie nauki. – 1991. – № 5. – S. 34–45.
7. Grudkina T. V. Dvojnichestvo kak organizujushhij faktor pojetiki povesti A. P. Chehova «Chernyj monah» // Nash Chehov : sbornik statej i materialov. – Ivanovo, 2004. – S. 102–120.
8. Dmitrieva E. E. Sad Pljushkina, sad Gogolja // Pojetika russkoj literatury : sbornik statej. – M., 2002. – S. 148–160.

© Evdokimova O. K., Lyapaeva L. V., Fedyay S. V., 2017

Evdokimova, Olga Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

Lyapaeva, Larisa Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: lar.lyapaeva@yandex.ru

Fedyay, Svetlana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: sfedyaj09@mail.ru

The article was contributed on April 16, 2017

9. *Evdokimova O. K.* Intelligencija i intelligentnost' v russkoj literature konca XIX veka // Problemy kul'tury v sovremennom obrazovanii: global'nye, nacional'nye, regional'no-jetnicheskie : sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. G. L. Nikonovoj, A. V. Nikitinoj. – Cheboksary, 2015. – S. 47–54.
10. *Evdokimova O. K., Ljapaeva L. V., Fedjaj S. V.* Semanticheskij potencial koncepta «hleb» v russkoj i chuvashskoj literature XIX–XX vv. // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2017. – № 1(93). – S. 61–67.
11. *Ivanova N. A.* «Literaturocentrichnost'» kak kod v proizvedenijah B. Zajceva: kod romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir» v rasskaze B. Zajceva «Moj vecher» // Klassika i sovremennost' : uchebnoe posobie. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2015. – S. 16–25.
12. *Kurganskaja E. S.* Obraz sada v proze I. Bunina // Buninskie chtenija v Orle – 2008 : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Orel, 2009. – S. 43–50.
13. *Linkov V. Ja.* Zagadochnyj «Chernyj monah» // Skepticizm i vera Chehova. – M. : Izd-vo MGU, 1995. – S. 64–77.
14. *Linkov V. Ja.* Mir i chelovek v tvorčestve L. Tolstogo i I. Bunina. – M. : Izd-vo MGU, 1989. – 174 s.
15. *Lihachev D. S.* Pojezija sadov: k semantike sadovo-parkovyh stilej. – 2-e izd., ispr. i dop. – L. : Nauka, 1982. – 343 s.
16. *Ljapaeva L. V.* Vzaimodejstvie diskursov v rasskaze I. Bunina «Pticy nebesnye» // Buninskie chtenija v Orle – 2013 : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Orel : Izd-vo OGU, 2014. – S. 113–116.
17. *Ljapaeva L. V.* Koncept puti i ego nacional'naja specifika v tvorčestve B. K. Zajceva // Nizhegorodskij tekst russkoj slovesnosti : sbornik statej po materialam V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – N. Novgorod, 2015. – S. 94–96.
18. *Ljapaeva L. V., Fedjaj S. V.* Semantika koncepta «put'» v russkoj i chuvashskoj nacional'noj tradicii (B. Zajcev, Hv. Ujar) // Chtenija, posvjashhennye Dnjam slavyanskogo pis'mennosti i kul'tury : sbornik statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Cheboksary, 2016. – S. 111–116.
19. *Sarbash L. N.* «Puteshestvie po Volge» A. Potehina: inonacional'noe v tvorčestve russkogo pisatelja («Put' po Volge v 1851 g.», «S Vetlugi», «Reka Kerzheneč») // Chtenija, posvjashhennye Dnjam slavyanskogo pis'mennosti i kul'tury : sbornik statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Cheboksary, 2016. – S. 116–126.
20. *Sarsenova I. Zh.* Koncept sada v hudozhestvennoj proze A. I. Gercena // Problemy hudozhestvennogo teksta. Gumanitarnye issledovanija. – 2012. – № 2. – S. 246–252.
21. *Suhij I. N.* «Chernyj monah»: problema ierarhicheskogo myshlenija // Problemy pojetiki Chehova. – L. : Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1987. – S. 100–116.
22. *Chehov A. P.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. / pod red. N. F. Bel'chikova i dr. – M. : Nauka, 1974–1983.

НАРРАТИВНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГРАССА И Ю. БУЙДЫ

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Работа посвящена текстологической проблеме – анализу произведения Г. Грасса «Под местным наркозом» и рассказов Ю. В. Буйды из цикла «Прусская невеста» в ракурсе пространственно-временных отношений. Автор подчеркивает присутствие «четвертого времени» как синтеза времен в изложении фактов в произведении Г. Грасса, «прусского времени» в рассказах Ю. Буйды, анализирует систему художественно-выразительных средств повествования, прослеживает общность в изображении «иного мира», раскрытии темы «двойничества», авторском видении образа обывателя.

Ключевые слова: *нарративный дискурс, прусское время, непреодоленное прошлое, Vergegenkunft, объективированное и субъективированное повествование, пространственные модели «иного мира».*

Актуальность исследуемой проблемы. В рамках данной статьи предпринята попытка исследовать творчество Г. Грасса и современного калининградского писателя Ю. В. Буйды в контексте нарративного дискурса пространственно-временных отношений. Сопоставление произведений этих творческих личностей дает возможность увидеть общность тем и проблем литературы «после Освенцима» (термин Т. Адорно) вне зависимости от национальной и государственной принадлежности. Актуальным становится взгляд на художественный текст как на сложноорганизованное единое целое. Цель работы – существенное расширение традиционного понимания поэтики и в связи с этим более глубокий анализ проблем, представленных в текстах Г. Грасса и Ю. Буйды.

Материал и методика исследований. Специфика романа Г. Грасса «Под местным наркозом» (1969) и трех рассказов из сборника Ю. Буйды «Прусская невеста» (1999), а именно «Синие губы», «Апрельское завещание», «Гравюра XVII века», сложная модель временной логики повествования, приемы нарушения порядка времени (литературная техника анахронии), композиционные составляющие образа «иного мира» становятся более понятными именно в ракурсе нарративного дискурса, предполагающего использование приемов контекстуального, компонентного, сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. Современная история, возникающая на обломках Второй мировой войны, становится объектом художественного осмысления в прозе Ю. Буйды и Г. Грасса. Языковой и содержательный уровни произведений находятся в тесной связи, через категории нарративного дискурса становятся возможными выделение и описание специфики идиостиля писателя и реконструирование особенно-

© Иванова И. К., 2017

Иванова Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия; e-mail: leokon2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2017

стей его художественной картины мира. Наиболее близкой в данном ракурсе становится концепция Ф. Кермоуда, выраженная в работе «Происхождение скрытности. Интерпретация нарратива» (1979) [6], где нарратив определяется как интерпретация принципиально «неуловимого» мира, который живет по своим темпоральным законам. Нарратив всегда говорит больше, чем строго необходимо для того, чтобы выразить смысл. Разнообразные «лишние» детали открывают дорогу множеству интерпретаций, отсюда следует, что «нарратив всегда влечет некоторую степень смутности», таким образом, нарратив трансформирует реальность. С другой стороны, нарративы способствуют отображению проблематичных отношений с точки зрения драматических событий и характеров через дискурс, предполагающий личностные формы высказывания.

Г. Грасс, родившийся в немецком городе Данциге, впоследствии ставшем польским Гданьском, начинает свое литературное творчество с произведений, созданных в контексте «театра абсурда» («Жестяной барабан» (1959), «Собачьи годы» (1963), «Под местным наркозом» (1969)), являющихся прежде всего отражением мировоззрения автора, его осознанием кризисного состояния послевоенной Германии [10]. Отсюда выбор художественных приемов: гротеска и контраста, метафоричности повествования, его нарочитой усложненности, интереса к внутреннему миру. Из концепции «расширенной реальности», присущей романтизму, вырастает собственная трактовка пространственно-временных отношений – *Vergegenkunft* (термин, созданный Грассом из соответствующих частей немецких слов *прошлое* *Vergangenheit*, *настоящее* *Gegenwart* и *будущее* *Zukunft*). В этом понятии необходимо различать не только синтез времен, но и определенное понимание времени, а вслед за ним и истории как единовременного события, в котором нет привычной человеку определенности и закреплённости. Грасс также использует и собственно романтическую «игровую действительность», которая позволяет писателю лучше представить многомерность человеческого бытия и «многомирность» (подобно двоимирию Гофмана) человеческого сознания.

Для Ю. Буйды, родившегося в городке Знаменске, бывшем Велау, принадлежавшем Восточной Пруссии, познание действительности также происходит на основе игры, а точнее, созданного им самим, тринадцатилетним мальчишкой, мифа. Хронотоп мифа начинается собственно с самого автора, чья фамилия в переводе с польского означает «фантазия или сказка». Осознание послевоенной истории начинается с освоения новой земли, ранее принадлежавшей врагу, иной нации и иному государству. История Восточной Пруссии исчезла вместе с депортированными немцами, потому сознание ребенка, осваивающего новую землю, создает собственную историю – «географическое мифотворчество», которое станет основой «кенигсбергского текста» Буйды, включающего в себя прежде всего сборник рассказов «Прусская невеста», «Кенигсберг» и др.

Ощущение человеком своей чужеродности является знаком абсурда. Многие автор объяснил сам в предисловии к сборнику рассказов: «И я не знал иного способа постижения этого мира, кроме сочинения этого мира. Была здесь Восточная Пруссия. От нее остались осколки – эхо готики, дверная ручка причудливой формы, обрывок надписи на фасаде. Это было творение мифа... Я жил в заколдованном мире, кем был я здесь, человек без ключа, иной породы, иной крови, языка и веры?» [2, с. 7–9]. Буйда, так же как и Грасс, вводит свой хронотоп и дает ему название «прусское время».

Автор как будто играет с читателем, небрежно вводя гиперссылки в текст повествования: дверная ручка оживет в «Золотом горшке» Гофмана, и это будет ручка двери в иной мир – мир романтических грез и фантазий. Да и сам Гофман здесь появляется не случайно: великий немецкий романтик родился и прожил свои первые двадцать лет в европейском городе Кенигсберге, который на тот момент был центром географического про-

странства, где бок о бок жили народы Восточной Европы. Именно Гофман в немецкой литературе вел беспощадную борьбу с обывателями. «Стандарт – определение неизбежное для этих людей и для их быта. Они стандартны и нищи духом удручающе» [1, с. 440].

Тип героя-обывателя ярко представлен в романе Грасса «Под местным наркозом» (1969). Этот образ несет в себе глубокий философский подтекст и отражает проблему национального самосознания, тему вины и ответственности. Главным героям романа присущи все отличительные черты обывателя-консерватора, неспособного к действию, но размышляющего, думающего. Роман начинается с внутреннего монолога Эберхарда Штаруша, учителя по профессии, интеллигента [4], представителя своей нации [8], находящегося в кресле зубного врача, который незадолго до этого момента ввел пациенту обезболивающее лекарство. Таким образом автор с первой страницы вводит момент игры с читателем и реальностью: этот монолог является следствием душевных переживаний героя или это бессознательный поток как следствие анестезии. «Это я рассказывал своему зубному врачу. С набитым ватой ртом, напротив экрана, который – так же беззвучно, как я, – рассказывал рекламные объявления: спрей для волос, компания “Бюстенрот”, ваше белье будет белее белого... Ах, и морозильник, где, расположившись между телячьими почками и молоком, пускала пузыри текста моя невеста: “Не лезь в это. Не лезь...”» [3, с. 1].

Характерно, что такое повествование нередко используется в литературе XX в. с одинаковой целью – субъективной реконструкции прошлого и настоящего. Выходящие за пределы повседневного события описываются в рамках физиологически нормального, естественного отключения человеческого сознания. Видеокартинки, порожденные сознанием, расположенные между видеорядом телетрансляции, при анестезии главного героя формально объясняют нарушение временного мироощущения. Такие эпизоды текста, построенные полностью по сценическому принципу, где есть «общий план», «крупный план» и «скользящая камера», возвращают нас к собственно немецкой традиции романтического повествования, но реализуемой в XX в. [3]. Здесь можно фиксировать все приемы: это уменьшение, увеличение звука, моно- и стереоскопическая картинка [5, с. 56]. Читатель включается не в процесс осознания, а в процесс созерцания некоего эпизода сценического действия – воззвания к камере, требование остановить и продлить момент съемки возвращают нас снова к идее Гофмана: «Человек – сценическое явление, прежде всего он входит в состав зрелища, повинуюсь требованиям его... это актерский выход» [1, с. 448]. Действительность персонажей романа конструируется, фрагментируется и впоследствии монтируется согласно замыслу автора. Грасс использует все возможности фотографии, кинематографа, театра и телевизионной трансляции. Телевизор, включенный доктором с целью отвлечь от боли и процесса, сначала говорит «беззвучно», затем, благодаря процессу воспоминаний и ассоциаций Штаруша, заполняется картинками из разных временных пластов жизни главного героя. Начиная с «маленького фильма» [3, с. 2] о спасенных молочных зубах. Этот фильм будет транслироваться именно в кабинете врача по телевизору, значение которого четко выразила Ирмгард Зайферт: «Это замечательно отвлекает... Словно ты в каком-то другом месте. И даже слепой экран и то занимателен, чем-то занимателен...» [3, с. 1]. Герои заполняют его своим бессознательным, уводящим то в далекое, то в близкое прошлое.

Причем действующее лицо рассказчика не меняется, но меняется грамматическая форма обозначения действующего лица. То есть перескакивание от одного нарративного типа к другому. Действующее лицо может быть выражено 1 лицом, 3 лицом и безличной формой. Переключение регистра происходит мгновенно, в одном предложении: «...в кабинете зубного врача мне удалось... а Харди хотелось... он объясняет...» На вопрос вра-

ча: «Кто это Харди?» главный герой отвечает так: «Я... преуспевающий молодой человек, сорокалетний штудииент, которого его ученики называют «Old Hardi», восемнадцатилетний Харди в августе 45...» [3]. Здесь можно констатировать и еще один собственно романтический прием, возникающий в реалистическом повествовании, – это распад личности, гофмановская тема двойника, которая реализована Грассом не через введение персонажей-двойников, а через умножение бессознательных образов «Я» во всех временных пластах, возникающих в сознании одного героя. Двойники Гофмана – это прежде всего отрицательное явление, это значит, что «в индивидуальности потеряна индивидуальность, в живом потеряна жизнь и душа» [1, с. 443]. Ирмагд Зайферт – учительница музыки, которая яро и «постоянно ораторствует» [3, с. 32] и верит в новое поколение, неожиданно находит пачку писем на чердаке родительского дома, из которых явствует, что она была активисткой гитлерюгенд в свои семнадцать, писала доносы, потому в настоящем «сбивчиво домогается своей гибели» [3, с. 32], относя себя к поколению «с клеймом», виновному поколению. Там, в сорок пятом, была потеряна не вера, а ее индивидуальность.

Во вступлении к сборнику «Прусская невеста» Буйда признается, что в процессе познания мира Восточной Пруссии «терзался раздвоением». «Я жил в вечности, которую видел в зеркале. Это была жизнь, которая одновременно была сновидением» [2]. В противовес грассовскому образу местного наркоза Буйда применяет свой метод для освоения «иного мира»: это могут быть фотокамера и зеркало («Синие губы»), гравюра («Гравюра XVII века»), часы («Апрельское завещание»). Двойничество в рассказах выражено через наличие прозвищ у героев при частичном или полном отсутствии имени: Дер Тыш – Николай Семенович Соломин, Андрей Фотограф, сестры-горбуны Миленская и Масенькая, По Имени Лев, часовой мастер по прозвищу Ахтунг, Витя, прозванный в городке Витой Маленькой Головкой. Жизнь-сновидение проходит в дневное время суток, но по законам ночного времени, когда из разграбленных границ выпархивает «черная бабочка сновидений». Жители города Знаменск-Велау строят школьные стадионы на территории старинного немецкого кладбища, выстраивая забор из надгробных плит; дорога домой и на работу проходит «мимо старого немецкого кладбища с повернутыми лицом друг к другу памятниками русским и немецким жертвам Первой мировой войны» [2]; могилы и семейные склепы служат складом завхоза школы, где он хранит «мел, ведра и метлы», а подросток с фотоаппаратом, сидя на могильных плитах, в состоянии полудремы предается фантазиям всепреобразующей химии сновидений. Смерть для переживших войну людей – явление обыденное. Мысль о том, что смертью жизнь души не заканчивается, повторяется из рассказа в рассказ. Господин Тице философствует («Синие губы»): «Умирая, мы просто переходим в иной мир. Он точно такой же, как этот, – до крыла бабочки, до мозолей, до вздоха. Там мы проживаем еще раз прежнюю жизнь, от начала до того мига, когда она, в глазах живых, оборвалась... и так до бесконечности...» [2]. Именно бесконечность пытается поймать Дер Тыш, щелкая кадр за кадром, накладывая негатив на негатив, именно иной мир, тот, где он был счастлив, он пытается разглядеть, смотря на свое отражение в зеркале. «Образ того мира, расслаиваясь, разжижаясь и распадаясь, частями входил в наш мир смертных форм» [2]. Повторение судьбы: жена, дочь, конец июля, желтая бабочка в ладошке, пахнущей лимоном, – в пределах одной человеческой жизни расслаивает сознание героя на то, «самостоятельное», и это, «несостоятельное».

«Другой» жизни, то есть раздвоения, боится главный герой рассказа «Апрельское завещание» Иван Антонович Волостнов по прозвищу Начальник Свалки. Вся жизнь его размеренна, как ход его любимых часов. Смертельная болезнь, служащая в этом рассказе

экзистенциальной пограничной ситуацией, заставляет его задуматься: а кому он оставит эти часы? Члены его семьи, вовлеченные, кроме сына-сумасшедшего, в священный процесс заведения часов, по-своему пытаются нарушить эту закономерность: старшая дочь выходит замуж, сын Андрей одержим любовью к похоронному культу и книгам, Катя сбегает к возлюбленному, попутно разбив стекло часов. Живущий по философии отсутствия смыслов («ни в жизни, ни в смерти») герой до последнего отказывается от «другого» в себе: «Это тот, другой, готов разрыдаться». Однако вечность берет свое, и Волостнов поверил в истинное проявление любви, которое неожиданно выражает сын Вита. Заведя часы в положенный срок, он как будто возвращает своему отцу смысл существования, и «последний удар часов прозвучал уже после его жизни...» [2].

Мотив власти маленьких вещей над человеком – это вновь обращение к миру Гофмана. «Гофман с большей последовательностью вводит в литературу мотив обставленности человека вещами, предопределенности человеческого поведения тем, что скажут и подскажут вещи» [1, с. 441]. Однако в противовес гофмановскому спасению от вещи у Буйды звучит тема спасения вещью как неотъемлемой частью семейного уюта и гармонии, столь желанных в тоталитарной системе. И тут уже всплывает не золотой горшок, а серебряный кувшин из романа Кафки «Замок» или гравюра XVII в. из одноименного рассказа Буйды. «Она досталась мне от матери, которая всю жизнь хранила ее почему-то в сундучке, завернув в шелковый платок, и повесила на стену только после смерти отца» [2]. Семейная реликвия несет в себе огромное количество смыслов, можно сказать, что происходит некое умножение смыслов, сравнимое с умножением образов. Гравюра вызывает чувства «стыда», воспринятая как вещь интимная, предназначенная для уединенного созерцания; «стыда и вины» – как вещь, напоминающая об ушедших родителях; «неодолимое притяжение чужих жизней, отравленных тайной» – как картина с таинственным и незаконченным сюжетом, вызывающая у ее обладателя сонм догадок и умозрительных заключений; наконец, – как объект искусства, заставляющий героя прийти к философскому постижению жизни и ее законов, вызывая «мучительное чувство вины при взгляде на эту проклятую гравюру, чувство, заменяющее жизнь, превращающееся наконец в жизнь, как жизнь превращается в то искусство, которое эту жизнь питает...».

Буйда активно пользуется приемом экфрасис [9], который в контексте русской литературы всегда несет сакральный смысл – это прежде всего отражение христианских ценностей и традиций иерархического предпочтения «чужого» небесного «своему» земному. Пользуясь общепринятым определением, что экфрасис – «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [11, с. 18], можно предположить – в рассказах сборника фотография и гравюра как раз и являются теми сакральными точками в пространственно-временных отношениях, точками, через которые человек пытается приблизиться к «иному» миру, что многократно подтверждается самим автором: «Смерть и фотография – занятия родственные. Искусство вообще – ремесло смерти», фотография – «искусство превращения времени в пространство» [2].

В рассказе «Апрельское завещание» такой точкой являются часы как предмет искусства. В пользу этого говорит описание предмета: «Часы были его гордостью и любовью. Массивный корпус темно-вишневого цвета, большой золотистый циферблат за толстым стеклом, черные арабские цифры с неожиданно кокетливыми хвостиками и хохолками в духе Бердсли. Солидно, надежно, строго». Таким образом «пруссский» хронотоп Буйды реализуется через различные виды или предметы искусства.

Грасс также считал, что именно искусство переносит человека в «магическое измерение». В романе «Под местным наркозом» Штаруш – учитель литературы, а его люби-

мый ученик Шербаум пишет недурные стихи. В один из моментов повествования, когда Шербаум в знак протеста, обращенного в сторону обывателей, поглощающих торты и пирожные в самом дорогом кафе, намеревается сжечь перед ними свою любимую собаку и вызвать то чувство тошноты и отвращения, которое вызывает мир обывателя у студента, учитель Штаруш пытается отговорить от акта сожжения, показывая «программу» о сожжениях, начиная со средневековых гравюр, изображавших пытки инквизиции, заканчивая документальными фотографиями Второй мировой войны с изображением горящего Дрездена, Нагасаки, но не показывая газовых камер Освенцима. Программа не вызывает у студента даже эмоций, ведь «это все людей. Люди – дело известное» [3, с. 33]. Грасс акцентирует на этом моменте – новое поколение спокойно (и это страшно) воспринимает ужасы войны, а лучшие ее представители, как Шербаум, попадают под влияние зубных врачей, для которых «все относительно, даже боль» [3, с. 43]. Именно Шербаум наделяет в романе своих учителей прозвищами: Штаруш – Old Hardy, Ирмагарт Зайферт – Архангел, учителей, которые не могут оказывать влияния, так как несут на себе груз ответственности за Освенцим: «Мы не могли повернуть историю, мы – нет» [3, с. 32]. Студент, на которого были возложены надежды на обретение будущего, студент, фотография которого стоит на столе учителя Штаруша на уровне семейного портрета, становится медиком. В этом контексте фотография – всего лишь зеркальная игра мира. Если у Буйды в рассказе «Синие губы» фотография создает иллюзию обретения реального прошлого, то у Грасса в романе фотография становится частью ирреального настоящего и невозможного будущего [7]. Игра как сценическое действие проявляет себя в каждом эпизоде. «Магическое» измерение в сознании главного героя заканчивается сценой убийства своей бывшей невесты Линды и ее семьи, а в жизни Штаруша ничего не меняется: «снова и снова боль» [3, с. 64].

Резюме. Таким образом, нарративная последовательность, обладая компактной и выразительной формой, эффективно способствует запоминанию важных событий, их запечатлению в памяти человечества. Авторская концепция времени – у Грасса это «четвертое время», у Буйды «прусское время» – особым образом организует пространство произведений, которое также способствует более точному отражению той модели мира, которой придерживаются авторы. Отсюда интерес к моделированию иного мира, но в сознании обывателя, оказавшегося на историческом разломе Второй мировой войны и пытающегося найти точки опоры после.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 512 с.
2. Буйда Ю. В. Прусская невеста. – М. : Эксмо, 2015. – 704 с.
3. Грасс Г. Под местным наркозом // Всемирная роман-газета. – 1999. – № 10. – С. 1–64.
4. Евдокимова О. К. Тема интеллигенции как примета времени в русской литературе конца XIX века // Вестник Чувашия. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 179–183.
5. Иванова И. К. История современности: Ю. Буйда и Г. Грасс // Ашмаринские чтения : сборник трудов X Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 55–56.
6. Кермоуд Ф. Происхождение скрытности. Интерпретация нарратива. – М. : Прогресс, 1979. – 270 с.
7. Котелевская В. В. Фотография как средство художественного моделирования времени в романе Г. Грасса «Фотокамера» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия : Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 87–91.
8. Обжогина Н. Ю. Национальные характеры в новелле Генри Джеймса «Связка писем» // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов : сборник статей. – Чебоксары, 2007. – С. 88–91.
9. Сарбаш Л. Н. Произведения искусства в романах И. С. Тургенева 50–60-х годов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 80 с.

10. Сатовская С. Н. Автобиографизм в романах Г. Грасса: образ «автобиографического» героя-рассказчика в историческом и социокультурном аспекте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5. – С. 221–236.

11. *Экфрасис* в русской литературе : сборник трудов Лозаннского симпозиума. – М., 2002. – 216 с.

UDC 821.112.2Грасс.01+821.161.1Буйда.01

I. K. Ivanova

NARRATIVE DISCOURSE IN THE WORKS OF G. GRASS AND YU. BUYDA

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of textual analysis of the works of G. Grass «Under local anaesthesia» and the stories from the cycle «The Prussian Bride» by Yu. V. Buyda from the perspective of spatio-temporal relations. The author emphasizes the presence of the «fourth tense» as a synthesis of tenses in the narrative in the work by G. Grass, «the Prussian tense» in the stories by Yu. Buyda. The article also analyzes the system of artistic-expressive means of storytelling, traces the commonality in the image of «another world», the theme of «duplicity», the author's vision of the image of the Everyman.

Keywords: *narrative discourse, Prussian tense, unresolved past, Vergegenkunft, objectified and subjectified narrative, spatial models of «another world».*

REFERENCES

1. *Berkovskij N. Ja.* Romantizm v Germanii. – SPb. : Azbuka-klassika, 2001. – 512 s.
2. *Bujda Ju. V.* Prusskaja nevesta. – M. : Jeksmo, 2015. – 704 s.
3. *Grass G.* Pod mestnym narkozom // Vsemirnaja roman-gazeta. – 1999. – № 10. – S. 1–64.
4. *Evdokimova O. K.* Tema intelligencii kak primeta vremeni v russkoj literature konca XIX veka // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Serija : Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 1. – S. 179–183.
5. *Ivanova I. K.* Istorija sovremennosti: Ju. Bujda i G. Grass // Ashmarinskie chtenija : sbornik trudov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Cheboksary, 2016. – S. 55–56.
6. *Kermoud F.* Proishozhdenie skrytnosti. Interpretacija narrativa. – M. : Progress, 1979. – 270 s.
7. *Kotelevskaja V. V.* Fotografija kak sredstvo hudozhestvennogo modelirovanija vremeni v romane G. Grassa «Fotokamera» // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija : Obshchestvennye nauki. – 2012. – № 4. – S. 87–91.
8. *Obzhogina N. Ju.* Nacional'nye haraktery v novelle Genri Džejmsa «Svjazka pisem» // Sbornik nauchnyh trudov molodyh uchenykh i specialistov : sbornik statej. – Cheboksary, 2007. – S. 88–91.
9. *Sarbash L. N.* Proizvedenija iskusstva v romanah I. S. Turgeneva 50–60-h godov. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2004. – 80 s.
10. *Satovskaja S. N.* Avtobiografizm v romanah G. Grassa: obraz «avtobiograficheskogo» geroja-rasskazchika v istoricheskom i sociokul'turnom aspekte // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 5. – S. 221–236.
11. *Jekfrais* v russkoj literature : sbornik trudov Lozannskogo simpoziuma. – M., 2002. – 216 s.

© Ivanova I. K., 2017

Ivanova, Irina Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: leokon2@yandex.ru

The article was contributed on April 23, 2017

УДК 811.112.2'38

О. Ю. Кириллова, А. В. Ефремова, Н. В. Павлова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье описаны нарушение рамочной конструкции и антитеза как способы достижения эффекта комического, а также особенности, свойственные жанру короткого рассказа (языковое оформление, богатое образностью, эмоциональностью, выразительностью). С этой целью исследуются предложения с лексически свободной структурой, именные сочетания, вставные конструкции и стилистическая значимость юмора и сатиры, разговорной речи и жаргона при описании персонажей рассказов и их быта.

Ключевые слова: жанр рассказа, антитеза, смысловой контраст, рамочная конструкция, алогизм, номинализация, вставные конструкции.

Актуальность исследуемой проблемы. Объектом исследования в данной статье является короткий рассказ, характеризующийся рядом формальных и содержательных особенностей. Для него свойственна открытая форма: действие начинается внезапно, конец резко обрывает историю. По причине открытости развязки, а точнее проблемы, короткий рассказ не дает готовых ответов, а побуждает читателя к размышлению. Содержание коротких рассказов отличается высокой степенью близости к реальности.

Актуальность работы объясняется как значимостью самого объекта исследования – рассказа, так и недостаточной изученностью юмористического эффекта коротких рассказов немецкоязычных писателей. Открытость проблемы, сжатость, символичность и метафорика позволяют минимальными языковыми средствами вызвать максимальный комический эффект.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили рассказы «Sozusagen Dienst am Geist» (Так сказать, служение разуму) Зигфрида Ленца и «Ein bisschen Südsee» (Немного южного моря) Германа Канта, используются методы контекстуального, лингвостилистического и приемы сопоставительного переводоведческого анализа.

© Кириллова О. Ю., Ефремова А. В., Павлова Н. В., 2017

Кириллова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: kirillowa@bk.ru

Ефремова Анастасия Викторовна – студентка 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: efremova-nastasya15@yandex.ru

Павлова Наталья Викторовна – студентка 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: natalia_pavlova1995@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2017

Результаты исследований и их обсуждение. Эпохой расцвета немецкого короткого рассказа считается первое послевоенное десятилетие XX в. Практически все самые известные писатели той эпохи – Г. Белль, Г. Грасс, Г. Кант, З. Ленц – обращались в своем творчестве к этому жанру.

Рассказ Зигфрида Ленца «*Sozusagen Dienst am Geist*» (Так сказать, служение разуму) входит в сборник «*So zärtlich war Suleyken: Masurische Geschichten*» (Так ласково было в Сулейкен: Мазурские истории), который вышел в свет в 1955 г. в издательстве Hoffmann und Campe Verlag. Действие рассказа происходит в сельской местности Мазур, в основном в селе Сулейкен, где ожидается приезд проверяющего школьного инспектора, но проблема в том, что неизвестно, когда он придет, поэтому изучение школьных дисциплин проходит в своеобразной форме – учащихся школы направляют наводить порядок в конюшню, где они изучают географию и математику, на картофельном поле учат складывать и умножать. В то время, когда учитель прививает детям критический взгляд на природу, заставляя их рыть выгребную яму, приезжает школьный инспектор в сопровождении дамы.

Этот рассказ характеризуется особым языковым оформлением:

- конструкции, состоящие из функционального глагола и имени существительного с предлогом или без, так называемые *Streckformen*, и определенный синтаксис, придающие рассказу выразительность, образность, – *Erfahrungen machen, von Wichtigkeit sein, Anweisungen geben*;

- слова с выраженным эмоциональным содержанием, образные выражения и сравнения, антитезы, повторения, параллелизм, прямая речь, варианты синтаксической структуры и стилистическое нарушение рамочной конструкции, занимающие самое важное место, – *sich das Herz fassen, «Es bedeutet», so brach er aus «Fürchterliches»*;

- преобладание вербального стиля – *drohen, eintreffen, erscheinen, ausströmen, ab-sammeln, fahren*;

- различные временные формы глагола: для описания событий в прошлом доминирующую роль играет претерит, но с целью придания событиям исторической давности более реалистичных черт или для введения читателя в тот период, чтобы он почувствовал себя частью того, о чем говорится, автор использует также исторический презенс: *So, und in diesem Augenblick will es die Erzählung, daß angerollt kommt in seiner leichten Kutsche der Oberrektor Christoph Ratz samt einem dünnen bebrillten Weibchen, welches zu seiner Begleitung gehört. Sie rollen heran zu dem Zwecke einer Inspektion, fahren unbemerkt zum Schulhäuschen, durchstöbern dasselbe, und, da sie nichts finden, begeben sie sich hinaus, lauschen und halten verblüfft Umschau* [10, с. 78];

- существительное и прилагательное, отходящие на второй план, но применяющиеся для детализации некоторых моментов, происходящих в рассказе: для описания места, времени и героев, которые имеют особое значение: *Diese Erfahrung mußte machen der Lehrer von Suleyken, ein gütiger Mensch namens Eugen Boll, der vierzig Jahre hingegeben hatte im Dienst am Geist* [10, с. 78];

- временные союзы и вопросительные слова *wenn, welche, demzufolge, nachdem, sodann, als*, благодаря которым достигаются связь между деталями текста и плавный переход от одного события к другому;

- модальные слова, модальные частицы и модальные глаголы (*zwar, nun, mußte, sollte*), которые служат для выражения отношения говорящего к содержанию текста и эмоциональной окраски речи.

Для создания юмористического фона повествования З. Ленц мастерски использует алогизм. Именно нарушение законов логики лежит в основе комической схемы «мазурских историй». Однако наиболее яркой чертой и основой создания эффекта комического является нарушение рамочной конструкции. По мнению известного русского и советского ученого, филолога-фольклориста В. Я. Проппа, ничто прекрасное никогда не может быть смешным, «смешно отступление от него» [8, с. 15]. Рамочная конструкция – существенный элемент немецкого синтаксиса, основной специфической чертой которого является фиксированный порядок слов. Однако, как показывает практика, чем выше требования к соблюдению правил, тем больше соблазн его нарушить.

В рассказе «Sozusagen Dienst am Geist» встречаются следующие виды нарушения рамочной конструкции:

1) S/O + Vf (Modalverb) + ... + Vi

*Diese Erfahrung **mußte machen** der Lehrer von Suleyken, ein gütiger Mensch namens Eugen Boll, der vierzig Jahre hingegeben hatte im Dienst am Geist* [10, с. 78];

2) S/O + Vf (haben) + ... + zu + Vi

*Dies fiel unter das Kapitelchen Mathematik, denn wir, die Schüler, **hatten auseinanderzuhalten** die großen Aale und die kleinen...* [10, с. 78];

3) S/O + Vf + ... , S + ... + Vf

замена порядка слов в придаточном предложении порядком слов главного предложения:

...mußten abzählen, was auf eine Reuse kam, lernten bei dieser Gelegenheit Greifen und Zupacken, was auch, wie Eugen Boll erklärte, alles von Wichtigkeit ist für die Mathematik;

Sodann ließ uns dieser gütige Mensch hinüberwechseln zu dem Felde, wo wir in einer langen Kette auseinandergezogen, die Steine absammelten von seinem Kartoffelacker, was unter das Kapitelchen fiel: die Kunde von der Heimat [10, с. 78];

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten [10, с. 79];

4) Als S + ... + Partizip II + Hilfsverb, Vf + S + ... + zu + Vi

Als das zarte Volk das Heu gewendet, einen Kiesweg ausgebessert und zwei Stoppel Holz gesägt und gehackt hatte, beschloß Eugen Boll, sein Latrinchen vertiefen zu lassen – mit der Absicht, den Schülern zu verschaffen einen kritischen Blick in die Natur [10, с. 79];

5) замена порядка слов в сложном предложении, в результате которой отдельные части предложения приобретают большую семантическую значимость:

Hatte zwar gehört, daß der Horizont nicht ganz rein war, unser Eugen Boll, aber gewußt, welchen Tages die Inspektion erscheinen sollte, das hatte er nicht [10, с. 78];

6) S/O + Vf (Hilfsverb) + ... Vi + lassen

*Demzufolge **hatte er ausströmen lassen** das Volk der Schüler zu seinem Stall und Düngerhaufen...* [10, с. 78];

7) S/O + Vf (lassen) + ... + Vi

Demzufolge hatte er ausströmen lassen das Volk der Schüler zu seinem Stall und Düngerhaufen, gab ihnen Forken in die Hand, Schaufeln und Besen und ließ sie lernen das Kapitelchen Geographie;

Und nachdem der Düngerhaufen erhöt, frisches Stroh gestreut worden war, ließ er die Wissbegierigen hinabschwärmen zum Fließchen, wo er unter Uferweiden verborgen, seine Aalreusen ausgelegt hatte;

Sodann ließ uns dieser gütige Mensch hinüberwechseln zu dem Felde, wo wir in einer langen Kette auseinandergezogen, die Steine absammelten von seinem Kartoffelacker, was unter das Kapitelchen fiel: die Kunde von der Heimat [10, с. 78];

8) S + Vf ...

Ließ er gleich drei oder vier Bürschchen mit der Seilwinde in eine entsprechende Grube hinab... [10, с. 79];

9) S/O + Vf (Hilfsverb) + ... + Partizip II

Gesehen wurde die Inspektion zuerst von dem vierten Sohn meines Vaters, von mir selbst [10, с. 79];

10) S/O + Vf + ... + trenнbares Präfix des Verbs

*Wiewohl unfertig in der Ausbildung des Geiste, begrifflich, was sich anbahnte, faßte mir ein Herz und ging **hinüber** zu meinem Lehrer Eugen Boll* [10, с. 79].

Зигфрид Ленц стремится сделать свой рассказ выразительным и понятным с помощью не только нарушения рамочной конструкции, но и номинализации, т. е. именных сочетаний, которые во многих случаях делают возможной более точную и четкую, чем простые глаголы, передачу информации [6, с. 20]. Такой прием позволяет автору усилить наглядность и образность текста (*Erfahrungen machen* (приобретать опыт), *Anweisungen geben* (давать указания), *Umschau halten* (осматривать), *von Wichtigkeit sein* (быть важным)); создать нужную стилистическую тональность торжественности, возвышенности или сниженности (*von Wichtigkeit sein* (быть важным)); более ярко выразить отношение к сообщаемому, передать авторские чувства и оценки (*sich das Herz fassen* (собраться с духом, решиться)).

В исследуемом нами рассказе писатель также применяет вставные конструкции, которые придают произведению эмоциональность и выразительность [5, с. 91]. Они содержат [3, с. 55–57]:

1) оценку автора: *Diese Erfahrung mußte machen der Lehrer von Suleyken, ein gütiger Mensch namens Eugen Boll, der vierzig Jahre...*;

2) уточнение лица, совершающего действие: *<...> denn wir, die Schüler, hatten auseinanderzuhalten <...>. Gesehen wurde die Inspektion zuerst von dem vierten Sohn meines Vaters, von mir selbst*;

3) указание на источник сообщения: *<...> lernten bei dieser Gelegenheit Greifen und Zupacken, was auch, wie Eugen Boll erklärte, alles von Wichtigkeit für die Mathematik*.

Таким образом, с помощью лексически свободной структуры предложения и номинализации Зигфриду Ленцу удалось преодолеть недостатки рамочной конструкции и придать повествованию оттенок разговорной речи, а модально-оценочными вставными конструкциями – усилить экспрессивность и придать речи особую эмоциональность.

Далее рассмотрим рассказ «Немного южного моря», который вошел в первый одноименный сборник Германа Канта, который был издан в 1962 г. С этого и начинается творчество Канта-художника: вкус к деталям, причем иногда как будто к второстепенным, которые могут заиграть в полную силу и стимулировать активность мышления читателя. В таком стимулировании писатель уже тогда видел свою важную задачу. И на этом этапе творчества, и позже Кант далек от того, чтобы давать рецепты или называть читателю готовые концепции, он лишь стремится помочь ему выработать самостоятельный взгляд на происходящее.

Герои этой необычной истории – члены небольшой семьи, которые живут в сельской местности, люди простые, казалось бы, ничем не примечательные, однако автор малыми средствами сумел показать их в необычном ракурсе, раскрывающем их глубокий духовный мир. Повествование ведется от лица мальчика, который с детской любознательностью и со взрослым восприятием мира рассказывает о своей семье, а конкретнее – о воскресном дне.

Рассказ построен на антитезе – комбинации языковых выражений со смысловым контрастом или противопоставлением в тексте выражений, которые употребляются как антонимы и часто поясняются противительными союзами и наречиями [1, с. 79]; они служат для четкого выделения противоположностей и противоречий. Антитезой могут быть антонимы, фразеологические обороты и свободные словосочетания [2, с. 74], [7, с. 82].

Данная стилистическая фигура используется уже в самом начале рассказа. Первое предложение является ярким примером антитезы: *Sonntags schlafen die meisten Leute länger als in der Woche – bei uns war es umgekehrt* [9, с. 30]. Мальчик говорит, что по воскресеньям большинство людей спят дольше, чем в будни, но у них наоборот, и тем самым начинает сравнивать будни и выходные дни, а также мать и отца.

In der Woche stand meine Mutter eher auf als mein Vater – sonntags war es umgekehrt. Wenn der Wecker um fünf in der Frühe losschlepperte, drehte sich meine Mutter betont auf die andere Seite; mein Vater aber kroch hustend aus den Federn und fütterte die Tiere [9, с. 30]. Становится ясно, что по будням мама встает рано, по выходным спит сколько хочет, а отец очень активен в воскресное утро.

Сравнение будней и выходных проходит красной нитью в рассказе: *In der Woche piff mein Vater in den Redepausen; am Sonntag aber sang er* [9, с. 30]. Понятно, что отец – очень жизнерадостный человек, но его любовь к выходным хорошо заметна именно в этой антитезе, свое приподнятое, веселое настроение он не может в полной мере выразить только присвистыванием, как обычно, поэтому он подпевает песни, когда кормит домашних животных. Накормив скотину, отец идет на кухню перекусить. С тех пор, как он в каком-то приключенческом романе вычитал исторические слова, произнесенные капитаном гибнущего судна: «В первую очередь женщины и дети!», он каждое воскресное утро, нарезая хлеб, кричит в дверь спальни: «В первую очередь козы и куры!». Противопоставление «*Frauen und Kinder zuerst!*» – «*Ziegen und Hühner zuerst!*» демонстрирует, насколько домашние животные важны для него, он практически приравнивает их к членам своей семьи, и кормит их до того, как вся семья сядет завтракать.

Кант глазами мальчика очень красочно описывает излюбленное место отца, которое он посещает каждое воскресенье, – рынок. В одном абзаце автор сумел выразить насыщенность этого маленького, отдельно существующего мира, ярко описывая его красноречивым словом и разными стилистическими средствами. Как и во всем рассказе, так и в отдельно взятом абзаце для создания контраста используется антитеза – противопоставляются верхняя и нижняя части рынка: *Oben auf den Terrassen standen die Buden mit gebrannten Mandeln, Kokosnüssen, Edamer Käse, Süßholz und Lakritze, weiter unten grölten sich die Bananenhöcker heiser und ruinierten sich – wollte man ihnen glauben – durch selbstmörderische Schleuderpreise*; описываются отдельно правая и левая стороны: *Zur Rechten, in der Kneipe von Eier-Cohrs, <...> und zur Linken konnte man siamesische Katzen und Meereschweinchen aus Neuguinea und <...> kaufen*; центр рынка также не остается без внимания: *In der Mitte hatten die Bauern aus Vierlanden und Geesthacht ihre Stände aufgebaut und feilschten mit den Hausfrauen aus St. Georg und Fühlsbüttel...* [9, с. 30]. Подробное описание позволяет читателю более наглядно и образно представить любимое место времяпрепровождения отца, становится ясно, насколько дорого ему и любимо им это место, он отправляется туда вовсе не для того, чтобы купить что-нибудь, а просто так, рыбный рынок манит его, как иных – дальние страны.

Важен еще тот факт, что описывает все это ребенок, которого отец берет с собой на прогулку по рынку. Дети всегда с большим интересом относятся к таким местам и заме-

чают то, что взрослый человек часто упускает из виду. Вот и здесь мальчик очень подробно описывает рынок, уделяя большое внимание деталям и мелочам. Например, вставные конструкции «*Zur Rechten, in der Kneipe von Eier-Cohrs <...>*», «*Hier unten, im äußersten Winkel, standen die Aquarien*» разрыхляют структуру предложения, показывают не просто место, а уточняют конкретное расположение. Бессоюзное перечисление в описании рынка также доказывает, что оно ведется от лица ребенка, т. к. ни одна деталь не пропадает из его поля зрения, ему все важно: *Oben auf den Terrassen standen die Buden mit gebrannten Mandeln, Kokosnüssen, Edamer Käse, Süßholz und Lakritze <...>; schon die Namen all der gefleckten, gescheckten, getupften, gesprenkelten, gestreiften gezackten oder ganz und gar nicht mehr zu beschreibenden Fische...* [9, с. 31].

С особым любопытством мальчик перечисляет и описывает рыб в аквариумах, которые находятся в крайнем левом углу. Именно там отец заканчивал свой поход на рыбный рынок, что было неудивительно, в этом месте забывалось все, что было до этого, – шумный беспорядок рынка, было ощущение погружения в этот аквариум, тихий и спокойный. Ребенок описывает, казалось бы, почти одинаковых по окраске рыб совершенно разными прилагательными. Когда обычный взрослый сказал бы, что рыбы просто пестрые, мальчик употребляет такие прилагательные, как *gefleckten, gescheckten, getupften, gesprenkelten, gestreiften, gezackten* (пятнистый, пестрый, в крапинку, в точках, полосатый, зубчатый). Каждая рыба для него особенна, и нельзя называть разных по окрасу одним словом.

Повествование хотя и ведется ребенком, содержит сложные по строению предложения. Его язык богат и насыщен, предложения достаточно объемные, это объясняется тем, что он замечает все вокруг и в голове очень много разных мыслей, которые он хочет скорее и точнее выразить: *Zur Rechten, in der Kneipe von Eier-Cohrs, trafen sich die ersten Säufer des Sonntags mit den letzten vom Sonnabend und sangen in hundert Sprachen Seemannslieder, und zur Linken konnte man siamesische Katzen und Meereschweinchen aus Neuguinea und Rhesusäffchen und Kakadus und Alpenländer Sahnenziegen und auch Karnickel aus Hamburg-Lurup kaufen* [9, с. 30]. Это сложное предложение содержит в себе и антитезу, и перечисление, и вставные конструкции. Интересно, что мальчик не ведет рассказ сухо и однообразно, в его речи присутствуют средства юмора и сатиры: *<...> trafen sich die ersten Säufer des Sonntags mit den letzten vom Sonnabend*. Говорится, что первые пьяницы воскресенья встречаются на рынке с последними пьяницами субботы, и тут же мы наблюдаем яркое противопоставление: *die ersten Säufer des Sonntags – die letzten vom Sonnabend*. Возможно, они произвели глубокое впечатление на мальчика, он описывает их песнопения на разных языках, используя гиперболу: *<...> und sangen in hundert Sprachen Seemannslieder* [11, с. 245]. При анализе данного предложения можно заметить, как сильно развит у мальчика кругозор, и, если принять во внимание весь рассказ, нужно также отметить его широкую осведомленность в области биологии, зоологии. Эта любовь к животным, возможно, передалась ему от отца, и, конечно же, большую роль сыграл тот факт, что они живут в сельской местности. То, что они сельчане, известно не только из их познаний в области биологии и зоологии или описания их быта, об этом можно судить также по их речи. Они часто употребляют просторечные слова, характерные для разговорной речи: *losschepperte* – трещал (о будильнике), *Feder* – перина (где же, как не в деревне, можно спать на перине), *grölen* – горланить, *Fischmarktbummel* – прогулка, шатание по рыбному рынку (именно так называет сын воскресный поход отца на рыбный рынок, и это слово подчеркивает, что отец не собирается ничего покупать, а лишь бесцельно бродить и рассматривать рынок). Присутствие жаргона в речи матери, использование про-

сторечных слов *Säufer* (пьяница), *grantig* (ворчливая, раздраженная – такой видел мальчик мать по воскресеньям, а все из-за отцовских приключений), *spillerig* (худой как щепка, тощий как жердь) – еще одно доказательство их простой жизни и их семейных отношений, еще одна возможность выражения комического смысла [4, с. 68].

Резюме. Подводя итог вышеизложенного, можно утверждать, что динамическое противопоставление двух содержательно-логических, а также структурно-стилистических планов изложения явилось основой создания всего рассказа, главным средством для сравнения будней и воскресенья, матери и отца в рассказе. Благодаря антитезе читатель легко воспринимает и понимает суть рассказа. На первый взгляд может показаться, что сравнение ребенком родителей происходит в отрицательном ключе, но именно антитеза дает возможность сделать это сравнение, не выделяя никого, не выражая свою особенную любовь только к матери или к отцу, а лишь показать, насколько они индивидуальны, какие разные у них вкусы и предпочтения, при этом оставаться совершенно уникальным.

Доверительный тон повествования, создаваемый нарушением строгой рамочной конструкции, делает рассказ также более удобным для восприятия и понимания. Компоненты, вынесенные за рамку, создают дополнительный информационный центр для передачи внутреннего состояния героя, усиления значимости того или иного события, авторских замечаний и комментариев, тонкого юмора и иронии. Нарушение рамочного построения предложений – прекрасная возможность для расставления дополнительных смысловых акцентов в повествовании.

Таким образом, антитеза и нарушение рамочной конструкции являются не только художественным способом создания комического эффекта, но и важным композиционным приемом – принципом построения рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб. : Паритет, 2005. – 320 с.
2. Богатырева Н. А., Ноздрин Л. А. Стилистика современного немецкого языка : учебное пособие. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. – М. : Агар, 2000. – 416 с.
4. Засецкова Е. Н., Сидорова Л. А. Экспликация иронического смысла на лексическом уровне в малой прозе О. Генри // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2(86) – С. 64–69.
5. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учебное пособие. – М. : Флинта, 2004. – 240 с.
6. Морозова О. Н., Носкова С. Э. О некоторых тенденциях языковых изменений в германской лингвокультуре // Мир лингвистики и коммуникации. – 2007. – № 1(6). – С. 18–22.
7. Наер Н. М. Стилистика немецкого языка : учебное пособие. – М. : Высшая школа, 2006. – 271 с.
8. Пронн В. Я. Проблемы комизма и смеха. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
9. Beniulienė A. Interpretation literarischer Texte. – Vilnius : VPU leidykla, 2004. – 80 S.
10. Lenz S. Sozusagen Dienst am Geist // So zärtlich war Suleyken : Masurische Geschichten. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1975. – С. 78–84.
11. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

STYLISTIC MEANS OF CREATING THE COMIC EFFECT IN SHORT STORIES OF GERMAN WRITERS

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article describes the violation of the closed-in construction and the antithesis as a way to achieve the comic effect. It describes the features peculiar to the genre of the short story: linguistic expression, rich in imagery, emotionality, expressiveness. The authors study the sentences of free lexical structure, nominal combinations and filler constructions, as well as the stylistic significance of humor and satire, colloquial speech and jargon in describing the characters and their way of life.

Keywords: *genre of story, antithesis, semantic contrast closed-in construction, alogism, nominalization, filler constructions.*

REFERENCES

1. Belokurova S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov. – SPb. : Paritet, 2005. – 320 s.
2. Bogatyreva N. A., Nozdrina L. A. Stilistika sovremennogo nemeckogo jazyka : uchebnoe posobie. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. – 336 s.
3. Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka. – M. : Agar, 2000. – 416 s.
4. Zaseckova E. N., Sidorova L. A. Jeksplikacija ironicheskogo smysla na leksicheskom urovne v maloj proze O. Genri // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – № 2(86) – S. 64–69.
5. Kostrova O. A. Jekspressivnyj sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka : uchebnoe posobie. – M. : Flinta, 2004. – 240 s.
6. Morozova O. N., Noskova S. Je. O nekotoryh tendencijah jazykovyh izmenenij v germanskoj lingvokul'ture // Mir lingvistiki i kommunikacii. – 2007. – № 1(6). – S. 18–22.
7. Naer N. M. Stilistika nemeckogo jazyka : uchebnoe posobie. – M. : Vysshaja shkola, 2006. – 271 s.
8. Propp V. Ja. Problemy komizma i smeha. – M. : Labirint, 2007. – 256 s.
9. Beniulienė A. Interpretation literarischer Texte. – Vilnius : VPU leidykla, 2004. – 80 S.
10. Lenz S. Sozusagen Dienst am Geist // So zärtlich war Suleyken : Masurische Geschichten. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1975. – S. 78–84.
11. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

© Kirillova O. Yu., Efremova A. V., Pavlova N. V., 2017

Kirillova, Olga Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: kirillowa@bk.ru

Efremova, Anastasia Viktorovna – Fifth-year Student, Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: efremova-nastasya15@yandex.ru

Pavlova, Natalya Viktorovna – Fifth-year Student, Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: natalia_pavlova1995@mail.ru

The article was contributed on April 11, 2017

УДК 81.112.2'81'367'38:82-191(436)

О. Ю. Кириллова, В. Ю. Кириллова, Б. Н. Алексеев

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА И КОМПОЗИЦИИ В ПРИТЧАХ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются характерные черты жанра «притча», ее особенностями разновидности – параболы, стилистические функции синтаксических конструкций и композиция, свойственные данному типу текста. На основе комплексного анализа лексики, грамматических особенностей и стилистических фигур описаны экспрессивность и выразительность – основные стилистические черты притчи выдающихся австрийских писателей – новеллиста и романиста Франца Кафки, прозаика и драматурга Томаса Бернхарда.

Ключевые слова: *притча, смысловой блок, климакс, конъюнктив, символизм, аллюзия.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность работы заключается в исследовании лингвостилистических аспектов немецкой притчи с антропоцентрической точки зрения, в рассмотрении композиционных и синтаксических особенностей с учетом широкого автобиографического и литературоведческого контекста. С этой точки зрения актуальность работы заключается также в углублении существующей системы знаний о структурно-смысловых особенностях текста притчи и характерных для них языковых средств.

Материал и методика исследований. С опорой на семантико-стилистический и сравнительно-сопоставительный анализ, интерпретацию текста были исследованы притчи «Не надейся» (Gib's auf!) Ф. Кафки и «Молодой человек» (Der junge Mann) Т. Бернхарда.

Результаты исследований и их обсуждение. Одной из наиболее важных областей творчества Кафки являются притчи, представляющие собой выражение основных принципов его поэтики. Результатом влияния на литературу переходного периода от войны к нестабильному миру является возникновение специфического варианта жанра – параболы, к создателям которой по праву можно причислить и Ф. Кафку. Облик анализируемой притчи «Не надейся» (Gib's auf!) двойственен: с одной стороны, он сохраняет свойство аллегорической двуплановости значения и выражения, с другой, отказывается от тради-

© Кириллова О. Ю., Кириллова В. Ю., Алексеев Б. Н., 2017

Кириллова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: kirillowa@bk.ru

Кириллова Валентина Юрьевна – методист-преподаватель немецкого языка образовательного центра «Анкор», г. Чебоксары, Россия; e-mail: Walentina_83@mail.ru

Алексеев Борис Николаевич – студент 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alexeev2010boris@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.04.2017

ционного фиксированного плана значения, который становится размытым и неясным, превращаясь, по метафорическому выражению М. Ямпольского, в «туманное пятно». Говоря о «туманности» кафковских притч, он ссылается на классический труд В. Беньямина [2], который, определяя жанровую специфику притч Кафки, находит главный признак этой специфичности – «туманное место, которое лишает притчу ее притчевого характера, дабы возвысить ее до символа» [9, с. 78].

Кафка отказывается от традиционно характерного признака притч – дидактизма. Если обязательным завершением классической притчи является комментарий-поучение, исполняющий функцию резюме повествования и являющийся выразителем абсолютного морального смысла, то притчи Кафки, как правило, лишены этого комментария. Вместо ожидаемого морально-нравственного вывода финал кафковских притч может представлять собой комментарий, например «Не надейся», содержащий ложную подсказку.

Для современного литературоведения термин «парабола» считается неоднозначным, так как часто заменяется термином «притча». Содержательная сторона параболы представляет собой иносказательный образ, близкий к символу, многозначному иносказанию. Однако, являясь символическим, иносказательным, сюжет остается предметным, ситуативным [4, с. 105]. Незавершенная многоплановость, содержательная емкость параболы, ее структурообразующие принципы являются предметом исследования лингвистов и литературоведов разных стран. Компромиссное решение вопроса о соотношении притчи и параболы предлагает В. А. Пестерев, который характеризует литературное явление как «сплав притчевого и параболического» [7, с. 27].

Притчи характеризуются жанровыми чертами, присущими короткому рассказу: краткость, сжатый смысл; открытая концовка; время, описываемое в короткой истории, занимает небольшой период; какое-то необычное событие в качестве кульминации истории; отсутствие элементов оценивания и критики; подталкивание читателя к тому, чтобы самому оценить и подвергнуть критике описываемое в произведении.

Анализируемая притча в виде фрагментации изображения состоит из 3 смысловых блоков [1, с. 13], создающих в конечном итоге композицию в виде параболы:

1 блок. *Es war sehr früh am Morgen, die Straßen rein und leer, ich ging zum Bahnhof* [10, с. 59]. Речь идет о месте (die Straßen), времени (frühmorgens), действии героя (ging). Вступительное предложение смыслового блока представляет собой бессюзное сложно-сочиненное предложение, состоящее из безличного предложения *Es war sehr früh am Morgen*, неполной конструкции *die Straßen rein und leer*, простого предложения *ich ging zum Bahnhof*, и имеет констатирующий характер.

2 блок. *Als ich eine Turmuhr mit meiner Uhr verglich, sah ich, dass es schon viel später war, als ich geglaubt hatte, ich musste mich sehr beeilen, der Schrecken über diese Entdeckung ließ mich im Weg unsicher werden, ich kannte mich in dieser Stadt noch nicht sehr gut aus, glücklicherweise war ein Schutzmann in der Nähe, ich lief zu ihm und fragte ihn atemlos nach dem Weg* [10, с. 59]. Главный герой по пути к железнодорожной станции сравнивает время на своих часах с башенными, видя, что они отстают, впадает в панику и забывает дорогу к своей цели. Смысловой блок представлен сложноподчиненным предложением, в котором простые предложения отделяются запятыми, без союзов. Кроме того, простые предложения осложнены вставными конструкциями, содержащими попутные сведения. Отсутствие союзов придает высказыванию стремительность, насыщенность впечатлениями, не ускоряет движение героя, напротив, представляет собой препятствия на пути к

станции. Тем самым Кафка заставляет читателя чувствовать себя немного запутавшимся, как рассказчик в притче.

3 блок. Представлена неожиданная реакция полицейского на просьбу *Er lächelte und sagte: «Von mir willst du den Weg erfahren?» «Ja», sagte ich, «da ich ihn selbst nicht finden kann».* «Gib's auf, gib's auf», sagte er und wandte sich mit einem großen Schwunge ab, so wie Leute, die mit ihrem Lachen allein sein wollen [10, с. 59]. Вместо ответа следует встречный вопрос полицейского с недопустимым обращением к незнакомому человеку на «ты». Примечательно, что в ответной реакции первую позицию занимает местоимение *mir*, что объясняет удивление полицейского (Как только он посмел меня, полицейского, просить помочь указать дорогу?). Его решительный настрой с оттенком приказного тона выражен повтором *Gib's auf, gib's auf*.

Говоря о художественном образе данного произведения, можно отметить его самодостаточность, что объясняет возможность различных его пониманий читателем: свободно раскрывать задумки автора, созданные им символы, образы и давать им собственную трактовку, исходя из своего представления о мире. То есть сколько читателей – столько и мнений, и, соответственно, такое же количество интерпретаций текста может существовать.

Отношения Кафки со своим деспотичным отцом являются важной составляющей всего его творчества, в том числе и параболы. Город, который пытается покинуть главный герой, довлеет над ним, как и отец на протяжении жизни Франца Кафки. Полицейский есть образ влиятельного и строгого отца, который возлагал на сына надежды, желая видеть в нем продолжателя своего дела, а главный герой – автора, который должен подчиняться его влиянию, стремиться оправдать его ожидания. Спешка и сравнение времени на наручных часах с башенными олицетворяют его страх перед ним. Взаимоотношения Кафки со своим отцом были напряженными. Его отец Герман Кафка контролировал действия сына, подавлял желания и навязывал свои: решал, в какую школу тот пойдет, какие предметы будет изучать. Франц Кафка чувствовал себя словно в плену. Таким образом, в данном произведении писатель пытался выразить свою скрытую ненависть к отцу, желание освободиться от его влияния и идти собственным путем, донести читателю свои душевные переживания.

«Символическая притча», как иногда называют параболу, полна образов и символов. Так, в анализируемом тексте можно выделить следующие ключевые моменты параболы (рис. 1), на которых следует остановиться и дать им толкование: улицы (*die Straßen*), вокзал (*der Bahnhof*), башенные часы (*die Turmuhr*), дорога (*der Weg*), полицейский (*der Schutzmann*).

Отличительной чертой произведений Кафки является отображение в них его трагических и пессимистических взглядов, человеческой роли в социуме. Такое видение мира было обусловлено обстоятельствами его жизни, влиянием философских учений, которые были популярны на рубеже XIX–XX вв., особенно идеи Ф. Ницше. Исходя из этого, возможна и вторая трактовка этой притчи: влияние социальных институтов на жизнь простого человека.

В начале рассказа Кафка описывает улицы как чистые и пустые. Это создает позитивное настроение. Далее человек сравнивает время на наручных часах со временем на башне, после чего выясняется, что его часы отстают, это вселяет в него панику. Протагонист не ставит под сомнение, что, может быть, башенные часы идут неправильно.

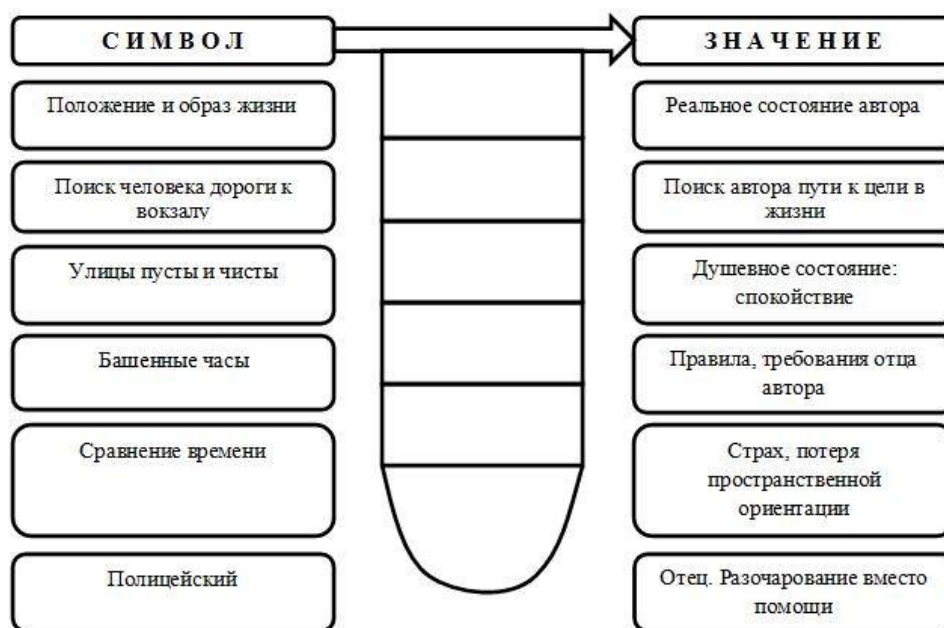

Рис. 1. Человек и социум в притче Ф. Кафки «Не надейся» (Gib's auf!)

Герой, к своему счастью, видит полицейского и обращается к нему за помощью. Он (и, возможно, читатель) ожидает от полицейского подобающее его статусу поведение, что он поможет, покажет человеку путь к станции, но конец притчи оказывается совсем неожиданным. У полицейского нет никакого желания показать герою правильный путь, он отвечает сдержанно, холодно, без сострадания и даже с некоторой долей сарказма: «Не надейся!» (Gib's auf! – буквально «Брось эту затею, сдавайся!»). Эта короткая фраза, брошенная в адрес протагониста, демонстрирует полную незаинтересованность судьбой человека. Нашел ли рассказчик дорогу к вокзалу и успел ли на поезд? Об этом читателю остается только догадываться. И на что он не должен надеяться? От чего отказаться? Если принять во внимание год создания притчи, 1922, в котором после четырнадцати лет службы в отделе по страхованию работников завода от несчастных случаев он был вынужден уйти на пенсию из-за заболевания туберкулезом, то этот призыв означал для Кафки конец карьеры и творческой деятельности.

Символическая многоплановость притчи позволяет рассматривать ее с самых неожиданных позиций (рис. 2). Если рассматривать полицейского как образ, символизирующий религию или государство, некий социальный институт, а вопрос о дороге к станции – как вопрос о смысле жизни, то становится понятным, что человек должен найти ответы самостоятельно, надеяться и ждать помощи извне не приходится. Притча, пронизанная абсурдом и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом, способна пробуждать в читателе соответствующие тревожные чувства – уникальное явление в мировой литературе [6, с. 16].

Аналогичный архитектурный принцип монтажа [3, с. 34] наблюдается и в притче прозаика Томаса Бернхарда «Молодой человек» (Der junge Mann) из раннего сборника 1959 г. «События» (Ereignisse), в которой молодой человек жалуется старику на свое одиночество. «В скупой кафкианской манере автор изображает предельно обобщенную ситуацию»: рассказ молодого человека о том, что он не может найти друзей, что ни подарки, ни его речи и даже «перевоплощения» не помогают добиться от людей полного

участия [5, с. 108]. Отчаяние молодого человека подчеркнуто стилистической фигурой климакс, части его высказывания расположены таким образом, что каждый описываемый последующий поступок является более весомым, впечатляющим, чем предыдущий:

Sie ließen ihn zwar ausreden und hörten ihm auch zu, aber sie wollten ihn nicht verstehen.

Er habe ihnen Geschenke mitgebracht, denn mit Geschenken könne man Menschen zur Freundschaft und zur Anhänglichkeit verführen.

Er habe sich sogar verwandelt, um Menschen zu gewinnen; er sei bald der und bald jener gewesen, und es sei ihm gelungen, sich zu verstellen, aber auch auf diese Weise habe er nicht einen Menschen gewonnen [10, с. 52].

Рис. 2. Роль социальных институтов в жизни человека в притче Ф. Кафки «Не надейся» (Gib's auf!)

В. В. Котелевская считает, что слово *verwandeln* в притче Бернхарда – аллюзия на «Преобразование» (Verwandlung) Кафки, выделенная не только лексически, но и графически – курсивом: *Er habe sich sogar verwandelt, um Menschen zu gewinnen; er sei bald der und bald jener gewesen, und es sei ihm gelungen, sich zu verstellen, aber auch auf diese Weise habe er nicht einen Menschen gewonnen* (Он даже *перевоплощался*, чтобы привлечь людей; он скоро стал этим и скоро – тем, и притворство ему удалось, но и таким способом он не обрел ни одного человека).

Назвать старца, которому молодой человек изливает душу, коммуникантом невозможно, так как в разговор он практически не вступает. «Второстепенный персонаж у Бернхарда – формальность, но формальность необходимая, выполняющая свою художественную функцию во внутреннем мире произведения» [8, с. 18]. Отсутствие диалога, молчание, бездействие и даже некая отстраненность собеседника позволяют полностью сосредоточиться на протагонисте, которого в конце концов эта ситуация монолога в пустоту вгоняет в краску. Тогда молодой человек бежит в свою комнату и запирается.

Запереться, закрыться (*sich zudecken*) – выбор, который делают герои Т. Бернхарда, отгораживаясь от профанного и грубого в их восприятии мира в идеальном пространстве творчества и мышления [5, с. 109]. Болезненное одиночество – исходная ситуация писателя, таким же отчужденным, изолированным чувствует себя герой и в конце притчи.

Дистанцированность и отчуждение героя подчеркнуты использованием конъюнктива *er sei in die Stadt gekommen, es sei ihm bis jetzt noch nicht gelungen, er habe verschiedene Mittel angewendet, er habe sie abgestoßen* [10, с. 52], а грамматический параллелизм – соблюдение одинаковой структуры предложений – и контраст [11, с. 206] создают определенную тональность, чувство полной отрешенности от действительности, уход в себя, погружение в глубокую авторефлексию. Намеренное повторение в обозримом участке текста одного и того же слова либо речевой конструкции усиливает эмоциональную выразительность и подчеркивает ключевое значение того или иного слова для характеристики состояния человека или его отношения к чему-либо, эмоционально выделяя или усиливая его.

Резюме. Притчи показывают в своей образной части общеизвестную действительность, повседневные вещи, понятное каждому человеку поведение, однако вместо истины или некоего нравоучения читатель оказывается вовлеченным в еще более затруднительную ситуацию, вместо откровения – лабиринт, преодолеть который возможно лишь с учетом культурных и нравственных представлений того или иного времени. Глубокое содержание притч отражает кризис традиционной системы ценностей и не может быть актуализовано вне зависимости от системы ценностей автора.

Комплексное рассмотрение структурно-семантической организации текстового целого позволяет выделить в анализируемых произведениях австрийских писателей такие черты, как монтажная техника композиции, символичность, преобладание бессоюзных предложений, аллюзии. Благодаря особой языковой организации, тексты обладают большим аксиологическим, эмотивным и прагматическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакирова Е. В. Проза Франца Кафки в аспекте кинематографической визуальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. – СПб., 2012. – 30 с.
2. Беньямин В. Франц Кафка. – М. : Ad Marginem, 2000. – 319 с.
3. Васярова О. А. Монтажная техника как актуальный метод отражения действительности в современной литературе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4(80), ч. 1. – С. 32–39.
4. Ильина М. Е. Структурно-семантические и композиционные особенности текста притчи (на материале американской литературы XVIII–XX веков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Львов, 1984. – 191 с.
5. Котелевская В. В. «Я» как «другой»: к вопросу о парных персонажах в прозе Т. Бернхарда // Литература в диалоге культур : межвузовский научный сборник института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета. – Ростов н/Д., 2016. – С. 107–115.
6. Лескова Е. В. Жанровая специфика притчи и параболы в творчестве Ф. Кафки и Ф. М. Достоевского: экзистенциальный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. – Калининград, 2015. – 23 с.
7. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – 312 с.
8. Таишкенов С. П. Проза Томаса Бернхарда: кризис языка и проблема диалогического слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. – М., 2009. – 26 с.
9. Ямпольский М. Сообщество одиночек: Арэнд, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 78–106.
10. Beniulienė A. Interpretation literarischer Texte. – Vilnius : VPU leidykla, 2004. – 80 S.
11. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

UDC 81.112.2'81'367'38:82-191(436)

O. Yu. Kirillova, V. Yu. Kirillova, B. N. Alekseev

STYLISTIC PECULIARITIES OF SYNTAX AND COMPOSITION IN PAROEMIAS OF AUSTRIAN WRITERS

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the characteristic features of the genre of parable and its specific genre variety – parable, stylistic functions of syntactic constructions and composition peculiar to this type of text. In terms of the comprehensive analysis of lexis, grammatical features and figures of speech the authors feature the main stylistic peculiarities of parable – expressiveness and meaningfulness, which are characteristic of the outstanding Austrian writers: Franz Kafka and Thomas Bernhard.

Keywords: *paroemias, semantic block, climax, conjunctive mood, symbolism, allusion.*

REFERENCES

1. Bakirova E. V. Proza Franca Kafki v aspekte kinematograficheskoy vizual'nosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03. – SPb., 2012. – 30 s.
2. Ben'jamin V. Franc Kafka. – M. : Ad Marginem, 2000. – 319 s.
3. Vasijarova O. A. Montazhnaja tehnika kak aktual'nyj metod otrazhenija dejstvitel'nosti v sovremennoj literature // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2013. – № 4(80), ch. 1. – S. 32–39.
4. Il'ina M. E. Strukturno-semanticheckie i kompozicionnye osobennosti teksta pritchi (na materiale amerikanskoy literatury XVIII–XX vekov) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – L'vov, 1984. – 191 s.
5. Kotelevskaja V. V. «Ja» kak «drugoj»: k voprosu o parnyh personazhah v proze T. Bernharda // Literatura v dialoge kul'tur : mezhvuzovskij nauchnyj sbornik instituta filologii, zhurnalistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii Juzhnogo federal'nogo universiteta. – Rostov n/D., 2016. – S. 107–115.
6. Leskova E. V. Zhanrovaja specifika pritchi i paraboly v tvorchestve F. Kafki i F. M. Dostoevskogo: jekzistencijal'nyj aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03. – Kaliningrad, 2015. – 23 s.
7. Pesterev V. A. Modifikacii romannoj formy v proze Zapada vtoroj poloviny HH stoletija. – Volgograd : Izd-vo Volgograd. gos. un-ta, 1999. – 312 s.
8. Tashkenov S. P. Proza Tomasa Bernharda: krizis jazyka i problema dialogicheskogo slova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03. – M., 2009. – 26 s.
9. Jampol'skij M. Soobshhestvo odinochek: Arend, Ben'jamin, Sholem, Kafka // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 67. – S. 78–106.
10. Beniulienė A. Interpretation literarischer Texte. – Vilnius : VPU leidykla, 2004. – 80 S.
11. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

© Kirillova O. Yu., Kirillova V. Yu., Alekseev B. N., 2017

Kirillova, Olga Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: kirillowa@bk.ru

Kirillova, Valentina Yuryevna – German Teacher Trainer, Educational and Training Centre «Ankor», Cheboksary, Russia; e-mail: Walentina_83@mail.ru

Alekseev, Boris Nikolaevich – Fifth-year Student, Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: alexeev2010boris@gmail.com

The article was contributed on April 24, 2017

«ВОЙНА И МИР» Л. Н. ТОЛСТОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ У. ГОЛДИНГА: КОНЦЕПЦИЯ «РОМАНА-ГОРЫ»

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется художественная рецепция романа Л. Н. Толстого «Война и мир» У. Голдинга: выявляются причины возникновения интереса Голдинга к творческому наследию Толстого, делаются выводы о специфике восприятия английским писателем русского национального характера и русской литературы. Основным объектом анализа становится эссе Голдинга «Толстой-гора», в котором он сравнивает «Войну и мир» с горной вершиной и на основании концепции «романа-горы» обосновывает структурные и содержательные особенности романа Толстого. Подробный анализ данной концепции позволяет предположить, что Голдинг проецировал собственные творческие маркеры (амбивалентность человеческой природы, военная тематика, пространственные образы-вертикали, философичность текста и т. д.) на роман Толстого, и одновременно выдвинуть гипотезу о «Войне и мире» как об одном из источников творческого вдохновения писателя.

Ключевые слова: *английская литература XX века, У. Голдинг, Л. Н. Толстой, «Война и мир», рецепция.*

Актуальность исследуемой проблемы. Цель данной статьи – изучение специфики художественной рецепции романа Л. Н. Толстого «Война и мир» английского писателя У. Голдинга. Тщательный анализ эссе У. Голдинга, посвященного роману Л. Н. Толстого «Война и мир», являет собой имагологического порядка актуальный и столь востребованный современной гуманитарной наукой экскурс в проблему диалога культур [4]. В процессе этого диалога очерчиваются картины другого, иного мира, а также вырисовывается специфика рецепции одним литературным сознанием другого, представляющего собой отличающийся национальный характер. В данном случае речь идет о русско-английском литературном диалоге двух важнейших для своих эпох писателей – Толстого и Голдинга. Размышляя о тексте «Войны и мира», обретшем статус мирового стереотипа, Голдинг этот стереотип не только поддерживает, но и частично освежает, коррелируя свою художественную рецепцию Толстого с собственным авторским методом и художественным миром своих романов. Выводы, сделанные в процессе анализа эссе «Толстой-гора», позволяют как расширить возможности интерпретации классического текста «Войны и мира», актуализировав его для читателя, так и выявить или прояснить специфические черты художественного мира самого Голдинга.

Материал и методика исследований. Материал для анализа – эссе Уильяма Голдинга «Толстой-гора», которое анализируется с использованием биографического, сравнительно-исторического и имагологического методов.

© Кузнецова А. И., 2017

Кузнецова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2017

Результаты исследований и их обсуждение. 8 сентября 1961 г. в британском еженедельном журнале «Spectator» публикуется заметка «Толстой-гора» («Tolstoy's Mountain») писателя и по совместительству постоянного автора-рецензента журнала Уильяма Голдинга (William Golding, 1911–1993), хорошо известного аудитории своим недавним быстро обретшим статус культового романом «Повелитель мух» (1954). Позднее статья была включена в сборник очерков «Горячие врата» («The Hot Gates», 1965 [9]).

Период 1960–1962 гг. ознаменовался перерывом в романной карьере писателя, посвятившего эти три года активному сотрудничеству с журналами. Как пишет Фрэнк Кермод, Голдингу «было непросто привыкнуть к лучам славы, казавшейся ему неестественной и приписывающей ему способности, коими он не обладал. Он написал романы на очень крупные и важные темы, но настаивал на том, что он не мудрец, не гуру, не пророк» [11, с. 245]. Смущение писателя вызывали упорные попытки британской прессы и критики повесить на него ярлык «великого учителя, глаголющего истину», однако Голдинг, который в юности мечтал посвятить свою жизнь театру и много играл в любительских спектаклях, видится, в немалой степени сам мог быть зачинщиком и творцом подобного автомифа. В этом контексте показательно свидетельство отечественного литературоведа В. В. Ивашевой, которая, суммируя свои впечатления от личного общения с писателем, называет очерк о нем «Патриарх из Солсбери»: «Коренастая фигура. Средний рост. Окладистая, но не очень густая борода. То ли седая, то ли выцветшая, белесая. Глаз не видно: Голдинг смотрит против солнца, и его глаза почти закрыты веками <...>. На первый взгляд ему много больше его лет <...> его внешний вид как бы обязывает к почтению. Я смотрю на него и помимо воли даю ему про себя прозвище: патриарх из Солсбери! То ли случайное сходство, то ли подчеркнутая стилизация» [2, с. 360]. Так или иначе, но пристальное внимание критиков и повышенные ожидания читателей вынудили писателя на некоторое время уйти в тень публицистики, отказавшись от больших романов форм.

Не последнюю роль в обращении Голдинга к журналистике сыграли финансовые трудности, а также смерть в 1958 г. его отца и целый ряд сокрушительных рецензий на его последний роман «Свободное падение» («Free Fall», 1959). Обзоры, эссе, рецензии и путевые очерки, публиковавшиеся в британских «The Bookman», «Spectator» и американском «Holiday», в конечном итоге не только гарантировали семье писателя финансовую стабильность, но и помогли преодолеть период внутреннего разочарования и молчания, триумфально закончившегося через пять лет публикацией вершинного романа У. Голдинга «Шпиль» («The Spire», 1964).

В период творческого кризиса наиболее плодотворно оказалось сотрудничество писателя с еженедельником «Spectator»: более двадцати статей в период с 1960 по 1962 год. Отмахиваясь от звания пророка, Голдинг обращается к писателю, очевидно и заслуженно принявшему этот титул еще при жизни – русскому классiku Льву Николаевичу Толстому. Статья Голдинга «Толстой-гора» предсказуемо открывала раздел книжных новинок («Books») журнала, формально будучи рецензией на очередное однотомное переиздание «Войны и мира» [13] Л. Н. Толстого, опубликованное одним из старейших британских издательств «Heinemann».

Более одной тысячи страниц ставшего к этому времени уже классическим перевода Констанс Гарнетт (Constance Garnett, 1861–1946) [5], чей полувековой авторитет не смогли пошатнуть многочисленные обвинения критиков в слишком вольном обращении с оригинальным текстом, сопровождалась графическими иллюстрациями американского художника Джона Грота (John Groth, 1908–1988). В прошлом военный корреспондент, свидетель Второй мировой войны, первым браком женатый на русской эмигрантке Александре Марковой, Дж. Грот был особо известен своим мастерством в изображении воен-

ных тем [10]. Так, по справедливому замечанию американских литературоведов, вершиной иллюстраторского труда Дж. Грота стала работа над романом Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» [12]. Военной специализацией гротовского рисунка объяснялся его интерес и впоследствии успех в качестве иллюстратора романа «Война и мир».

Учитывая, что новыми в данном издании были разве что иллюстрации Грота, а перевод Гарнетт был известен англоязычному читателю еще с 1904 г. [14], очевиден тот факт, что очередное переиздание толстовской эпопеи, приуроченное к пятидесятилетней годовщине смерти отечественного классика, становится для Голдинга лишь поводом добавить свое слово в летопись британского толстоведения и явить на суд публики собственную оригинальную и достаточно полемичную концепцию романа «Война и мир».

В противовес каноничной рецензионной форме Голдинг вводит аудиторию в круг своего чтения через анекдот-побасенку о том, с каким ужасом и восхищением он провожал несколько недель назад друга-альпиниста, отправившегося покорять Маттерхорн (одну из последних покоренных альпийских вершин высотой 4478 м), «чувствуя радость от того, что все эти приключения были для меня далеко позади» (здесь и далее перевод А. И. Кузнецовой) [9, с. 121].

Однако недолгое облегчение заканчивается прибытием тяжелого фанерного ящика-посылки, из которой писатель извлекает новое издание «Войны и мира». Невольное сравнение самой известной и наиболее сложной для восхождения альпийской вершины Маттерхорн и книги приводит к победе последней, ибо эта «*русская гора*» оказывается более «*труднодоступной/remote*» [9, с. 121], чем любая горная вершина.

Здесь между строк следует отметить, что личные авторские воспоминания как отправная точка книжного обзора и последующее преобладание «интимного» сюжета над публицистическим постепенно стали фирменным приемом Голдинга-рецензента. Биограф писателя Джон Кери замечает: «Размер обзоров в “Spectator”, будучи в два раза больше, чем в “The Bookman”, освобождал место для анекдота, воспоминания и личных откровений, что Миллер всячески поощрял» [8, с. 243]. Карл Миллер, литературный редактор «Spectator», работавший с Голдингом, действительно, эту жанровую трансформацию поддерживал, следуя общей редакторской политике, связанной с тенденцией реформирования публицистических жанров в 60-х годах, оформившейся в США, в частности, в явлении «новый журнализм».

Итак, основой для сопоставления романа «Война и мир» и горы Маттерхорн в эссе Голдинга становится идея абсолюта: литературного – в случае с Толстым и геоэстетического – в случае Маттерхорна, по общему утверждению, являющего собой совершенный силуэт горы, чье покорение есть вершина человеческого подвига. Как и любой абсолют, роман и гора труднодоступны, но, будучи его воплощением, они есть вечная точка притяжения читателя-альпиниста.

По мнению Голдинга, для английского писателя основные сложности «восхождения» к роману Толстого предсказуемы: проблема с запоминанием имен, знакомая даже русскому читателю, и лингвистическая проблема перевода К. Гарнетт. Отдавая ей дань уважения как слависту, Голдинг отмечает «*определенную неясность и неточность / vagueness and imprecision*» [9, с. 121] ее текста, фиксируя собственную постоянную боязнь непонимания «*подтекста и обертонов / implications and overtones*» [9, с. 121], очевидных для русской публики. Критический посыл, однако, заканчивается более философской постановкой вопроса: «*Я не знаю, кто более ответствен за эту неопределенность – Толстой, Констанс Гарнетт или мое невежество*» [9, с. 122].

Обозначенная в заголовке метафорическая спираль «роман-гора» начинает искусно раскручиваться, обрастая периферийными подсмыслами на протяжении всей голдинговской читательской рецепции, и придает эссе «Толстой-гора» искомую композиционную и философскую цельность.

Процесс чтения сопоставляется с растущим по мере приближения горным силуэтом. Но это приближение – суть очередное препятствие для читателя, ибо гора «неохватна» для взгляда (интерпретации и понимания), «она окутана постоянно наплывающими облаками, которые дают возможность лишь мимолетным взглядом уловить отдельные черты, так что очертания в целом остаются под вопросом» [9, с. 122]. К подобным текстам, подлежащим бесконечному прочтению и интерпретации, Голдинг относит также творения Гомера и Шекспира, выстраивая, таким образом, литературную триаду Гомер – Шекспир – Толстой, говорить о которой можно «на протяжении всей жизни» [7, с. 122].

Основополагающий вопрос для английского писателя – «О чем же эта книга?» [9, с. 122]. Перебирая возможные ответы («Смерть? Рождение? Любовь? Назначение? Обыденность? Природа реальности? История? Война?» [9, с. 122]), Голдинг останавливается на последнем – «война», тем более что, по его собственному признанию, именно таковы были его читательские ощущения при первом знакомстве с книгой много лет назад. Аксиоматичность этого утверждения в данный момент времени не кажется Голдингу столь бесспорной, и он, воспользовавшись издательским поводом, разворачивает перед читателем весьма критическую по отношению к толстовской концепции войны теорию взаимоотношений человека и истории.

Примечательным кажется факт, что последний из опубликованных на тот момент романов Голдинга «Свободное падение» (цитируемый, кстати, в эссе) как раз ознаменовал отход писателя от традиционной формы романа-притчи и был посвящен в немалой степени событиям Второй мировой войны и воздействию военного опыта на психику человека. И хотя идея влияния «Войны и мира» на роман Голдинга весьма дискуссионна, очевидна заинтересованность писателя вопросами сущности войны и ее генезиса, который Голдинг видит в «черной тьме», составляющей сокровенную суть человеческой души. Война как таковая не становится предметом описания в его творчестве, но часто – будучи сюжетной завязкой – является катализатором психических и нравственных сдвигов, определяющих путь главного героя. Так, в романе «Повелитель мух» мальчики оказываются на необитаемом острове в результате военной эвакуации, Кристофер Мартин в «Хапуге Мартине» погибает в результате уничтожения его катера фашистской подлодкой, а главный герой романа «Зримая тьма» изуродован в результате лондонского пожара, устроенного при налете немецкой авиации. Военный опыт Уильяма Голдинга, служившего во время Второй мировой во флоте, обусловил его личную вовлеченность в онтологического характера дискуссию о «войне» и о «мире» и сделал неслучайным его обращение к искомому роману Льва Николаевича Толстого. Излишним кажется здесь напоминание о том, что вся триада – Толстой (как автор рецензируемого романа), Голдинг (как реципиент) и Джон Грот (как иллюстратор, о котором знавший его Э. Хемингуэй говорил: «Он проник в самую суть войны» [7]) – непосредственно были свидетелями военных действий.

Особую ценность текст «Толстой-гора» обретает в силу того, что Голдинг активно избегает в творчестве автокритики и авторецепции, а в многочисленных интервью демонстрирует крайнюю лаконичность и сдержанность, предлагая читателю самому пробираться сквозь словесные лабиринты своего художественного творчества. И лишь в ограниченном круге эссе и очерков автор позволяет себе напрямую изложить ряд эстетических и философских взглядов на мироздание и человеческую природу. Роман «Война и мир» оказывается на перекрестье личного и читательского опыта Голдинга, в первых своих романах размышлявшего скорее о войне, нежели о мире. «Социальные», т. е. «мирные», романы писателя появятся позже: «Пирамида» (1967), цикл «На край света: морская трилогия» (1980–1989), «Бумажные людишки» (1984).

Базовый тезис Голдинга в очерке – природа войны, описанная в романе «Война и мир», актуальна лишь применительно к наполеоновским войнам и мнение Толстого о том, «что его идеи будут истинны во все времена <...> ошибочно» («...Tolstoy thought he was making statements that were true for all time, but, if so, he was wrong») [9, p. 122]. На протяжении веков если не суть войны, то методы ее ведения изменялись, и та война, которую знал Толстой, уже не имеет ничего общего с современностью, полагает Голдинг: «Изменения войны коснулись, прежде всего, знаний полководца о том, что происходит, и его возможности это контролировать» [9, с. 122]. Отсутствие средств связи не позволяло предводителям армий столь существенно влиять на ход битвы в былые времена: «Бои на суше и на море происходили в неэстетичной завесе дымящихся орудий, где коммуникация была невозможной <...> Великие люди в этой бессмыслице, порождаемой отсутствием связи, ничего не контролировали» [9, с. 122–123]. В этом отношении много более правым оказывается Кутузов с его опорой на «ход истории», нежели Наполеон, пытающийся этот ход контролировать. Как замечает Болконский, Кутузов «понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое» [6, с. 181]. Буквально цитируя Болконского, Голдинг резюмирует: «Толстой пытался опровергнуть взгляд на Великих Людей в истории. Он замещает их моделью общих направлений и тенденций. Мудрый человек – это не Наполеон, который думает, что он контролирует события, но Кутузов, который знает, что он – нет, но разрешает себе побыть повивальной бабкой при естественных процессах» [9, с. 123]. Военная модель Толстого неактуальна и не работает в двадцатом столетии, ибо с развитием связи, как это ни парадоксально, возрастает роль Личности и ее влияния на исторический процесс. У «Великого человека» («Great Man») появляются возможность принять решение и шанс это решение реализовать, что возвращает нас, по мнению Голдинга, в прямо противоположный толстовскому универсум Героя, а не Народа.

Однако модель универсума Толстого едина и в дни войны, и во времена мира, и на войне, и в социуме, ибо война, по сути, тот же социум, но в ином контексте. И здесь логика Толстого также видится Голдингу предельно неактуальной: «Всеобщее невежество и беспомощность в девятнадцатом веке соответствовали беспомощности правителя и либерала. Они не обладали ни информацией, ни контролем. Они работали в дымке мира / fog of peace» [9, с. 123]. Осознавая, что «играет на чужом поле» социологии и политологии, Голдинг позволяет себе «засунуть нос не в свое дело и предположить, что здесь мы имеем дело с решением одной очень давней проблемы» [9, с. 123]. Имеется в виду несостоятельность марксистской, по мнению Голдинга, утопии о мировой революции, которая оказалась возможна лишь в тех странах, где действительно историей управлял людской поток, а отдельные личности оказывались сметены народной волей: «Коммунизм встал на ноги в отсталых, невежественных и центробежных (“backward, illiterate, centrifugal”) России и Китае», а в «...высокоразвитом, с индустриальной точки зрения, обществе сам объем средств коммуникации... не позволил революции случиться» [9, с. 124]. Так, во времена Всеобщей стачки Великобритания избежала революции в незначительной степени благодаря передачам BBC, пропагандировавшим образ старой доброй Англии («Old England» [9, с. 124]). Средства массовой информации позволяют навязать обществу точечные мнения, изначально этому обществу не присущие, что, собственно, и делает общество массой с современной социологической точки зрения. В контексте данной идеи

вовсе не безумным одиночкой видится отец Джослин, мечтающий воздвигнуть шпиль в одноименном романе Голдинга, а человеком, возвышающимся над толпой и в силу своего положения (настоятель собора) навязывающим толпе свое мнение (необходимость строительства). Здесь стоит отметить, что роман Толстого в какой-то момент становится для английского писателя лишь поводом для обширного разговора о собственной концепции исторического процесса, политике и природе войны, что, собственно, и позволяет свободная форма эссе. Небесспорность ряда выводов Голдинга о Толстом, равно как и правомочность сопоставления двух войн, могут быть подвергнуты определенной критике, однако жанровый канон эссе и не предусматривает системного и предельно аргументированного анализа.

Так о чем же, с позиции современного читателя, роман «Война и мир» и что заставляет Голдинга признать его литературным абсолютом, соразмерным горной вершине Маттерхорн? Очевидно, по мнению писателя, разгадка кроется не в истории как таковой, а в людях, эту историю творящих или ею подвигаемых. Сердцевина романа – «характеры, которые мы знаем, как саму жизнь» [9, с. 124]. И это гора образов, близких и волнующих читателя: «Мы можем спорить о Наташе так, как мы спорим о Марии Шотландской» [9, с. 124]. Однако для Голдинга главным героем «Войны и мира» и, соответственно, вершиной эстетической горы романа становится Пьер: «В самом центре этого центра – неуклюжий Пьер (*«At the centre of the centre is bumbling Pierre»*), эго, *homo praesans*, Я, дом, это существо, всезнающее и невежественное <...> само осознание существования, которому нечего терять, кроме своих мозгов» [9, с. 124]. Подобная характеристика – «неуклюжий всезнайка» – вступает в ассоциативного характера переключку с другим любимым героем писателя, правда, созданным его собственной художественной фантазией, Хрюшей (Piggy) из романа «Повелитель мух». Его мудрость, заключенная в физически немощном теле, становится в романе воплощением цивилизации и ее роли во Вселенной [3]. Переносит ли Голдинг на Пьера черты Хрюши или ранее создает образ Хрюши, находясь в том числе под влиянием Толстого, – за неимением фактических данных об этом судить сложно. Хотя курс мировой литературы в Брейзнуэ-колледж Оксфордского университета, где учился Голдинг, однозначно включал в себя роман Толстого и, скорее всего, будущий писатель познакомился с ним, еще будучи студентом. Показательно, что в образе Пьера Голдинг подчеркивает столь значимую для него самую двойственность человеческой природы: «всезнающий и невежественный», «инертный и энергичный», «эгоистичный и великодушный», «образованный, но не знающий ничего конкретно» [9, с. 124]. Построенная на игре контрастов характеристика Пьера оказывается созвучна символической двусмысленности образа Хрюши, о котором позднее писатель в разговоре с Джеком Байлсом заметит, что «он рационалист, <...> его мысли <...> правильнее, чем у большинства других». И в то же время «...он обнаруживает полнейшее непонимание ситуации... <...> он в общих чертах знает, что сделать невозможно, но он не видит, что можно сделать» [1, с. 210].

Концепция хаотичной и непостижимой человеческой природы, за чьей спиной стоит ангел с большими крыльями и раздвоенными копытами (образ из романа «Шпиль»), породила таких трагических и масштабных в своей раздвоенности героев Голдинга, как Кристофер Мартин из «Хапуги Мартина», Сэмми Маунтджой из «Свободного падения», отец Джослин из «Шпиля» и др. Галерея образов «святых грешников» Голдинга, не поддающихся однозначному истолкованию и вызывающих столь противоречивые интерпретации у критиков, возможно, составляет загадку и для их творца на уровне изначальной авторской интенции. Параболичность мышления писателя оформляется в лапидарный, подчас метафоричный стиль изложения, провоцирующий философского характера диалог с читателем, диалог, в котором ни одна из сторон не может – в силу писательской концепции амбивалентного уни-

версума – претендовать на конечную истину. Голдинг то ли проецирует на героев Толстого свое видение человека, то ли узнает в героях Толстого то, о чем он сам пишет, то ли навязывает ему свои сокровенные мысли и концепции, но, так или иначе, берет русского классика в творческие союзники и, говоря о нем, по сути – пишет о самом себе: *«Мы знаем их [героев], и мы не понимаем их так же, как не понимал их Толстой»* [9, с. 124].

В упомянутых выше беседах с Дж. Байлсом Голдинг произносит занимательную фразу, которая, будучи выведена из сюжетного контекста «Повелителя мух», неожиданно обретает символическое звучание именно в рамках концепции «Войны и мира» как «романа-горы»: «Самая высшая точка правоты, достигнутая кем-либо на острове, – это мысль о том, что надо подняться на гору и посмотреть, что там, на вершине» [1, с. 210]. Пространственный образ вершины горы как «точки истины» в эссе «Толстой-гора» приводит к Пьеру («центру центра») и объясняет то, что было сокрыто между строк: он и есть, по мнению Голдинга, та самая «высшая точка правоты», метафизическая сердцевина романа Толстого. В сознании писателя постепенно вырисовывается ассоциативная символическая цепочка герой – первоистина – вершина – гора, приводящая к образу мировой оси (лат. *axis mundi*), сакральному центру мира, пространственно вытянутому вверх, вокруг которого формируется бытие. В художественном мире Голдинга пространственный образ мировой оси становится одной из ключевых мифологем, конструирующих универсум и одновременно в сжатом виде им являющихся: скала – в «Хапуге Мартине», собор – в «Шпиле», пирамида – в одноименном романе, античный храм – в «Двойном языке» и т. д. Показательно, что эссе про роман Толстого писалось в период творческой паузы, по завершении которой был опубликован центральный для творческой эволюции писателя роман «Шпиль», целиком и полностью посвященный архитектурной *axis mundi* – готическому собору.

В финале эссе, который символически соответствует завершению восхождения, т. е. прочтения, предсказуемо возникает *«изнеможение»* [9, р. 125], ибо освоение подобной книги требует особой атмосферы – не мимолетного английского лета, а долгой русской зимы. На протяжении всего эссе Голдинг ни на минуту не забывает, что «Война и мир» – это русский роман, но его «русскость» не только в языке, нравах, людях, быте и деталях, она – в тщательности проникновения в самую суть текста как читателем, так и писателем, испытывающих сакральные чувства к слову изреченному. В небольшой поэтической зарисовке Голдинг пытается представить образ другого мира – русской деревни: *«Она (книга) должна читаться, лежа на русской печке, когда сугробы возвышаются до самой крыши. Эта та книга, что победит генералов по имени Ноябрь, Декабрь, Январь, Февраль, Март»* [9, с. 125]. Лубочность имагологического характера миниатюры искупается теплотой голдинговского тона и его образом идеального топоса как условия совершенного духовного познания, т. е. того, к чему в наивысшей степени предрасположен русский национальный характер. Подобно племенам Востока, он *«приветствует каменные глыбы, чья громадная поверхность испещрена невнятными знаками, кои есть оттиски чего-то большего, чем рука человека»* [9, с. 125]. В этой развернутой поэтической метафоре сокрыто специфическое видение Голдингом русской литературы, внутри которой тексты высшего духовного порядка, требующие истолкования, и русской души, которая воспринимает текст как нечто сокровенное, на грани с сакральным.

Резюме. Развернутая в эссе У. Голдинга «Толстой-гора» концепция романа Л. Н. Толстого «Война и мир» как «романа-горы» представляет собой оригинальный и при этом вполне убедительный вариант авторского прочтения и удачно найденную метафорическую формулу, в которой в концентрированном виде представлено несколько уровней роман-

ной экзистенции. Семантическое поле «горы» реализует себя в диалоге с читателем (трудность восхождения-прочтения) и в критической оценке (понятие эстетической вершины), в имагологическом аспекте (затуманенность реалий и подтекста романа для иноязычного читателя, который видит лишь смутные очертания «горы») и в содержательном анализе (суть метафизического горного тела – не философско-исторический пласт романа, а характеры, в нем явленные). Наконец, «гора» образов с «вершиной» в лице Пьера Безухова – как высшая точка правоты – поэтически расчерчивает архитектуру системы образов романа-эпопеи.

Возможно, размышления о «вершинном романе» Толстого не случайно оказались предтечей «вершинного», в свою очередь, романа Голдинга «Шпиль», а концепция пространственного образа, представляющего собой вертикаль (гору) и обретшего сквозь призму художественной рецепции и интерпретации философско-символическую составляющую, превратилась в один из оригинальных авторских маркеров в более позднем творчестве писателя. Голдинговская художественная рецепция «Войны и мира» определила, таким образом, русло его творческого пути и одновременно стала проекцией его собственных творческих и философских концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байлс Дж. Беседы Уильяма Голдинга // Иностранная литература. – 1973. – № 10. – С. 204–219.
2. Ивашева В. В. Патриарх из Солсбери. Уильям Голдинг // Английские диалоги. – М. : Советский писатель, 1971. – С. 353–377.
3. Кузнецова А. И. Роман «Повелитель мух» в художественном мире Уильяма Голдинга // Зарубежная литература. XX век : практикум. – М. : Дрофа, 2007. – С. 188–211.
4. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. – Киров : Радуга-пресс, 2013. – 162 с.
5. Тове А. Констанция Гарнет – переводчик и пропагандист русской литературы // Русская литература. – 1958. – № 4. – С. 93–199.
6. Толстой Л. Н. Война и мир // Собрание сочинений : в 22 т. Т. 6. – М. : Художественная литература, 1980. – 448 с.
7. Basque Village Pelota. Watercolor by John Groth [URL]. – Режим доступа : <https://www.georgeglazer.com/prints/sporting/indiv/groth.html>.
8. Carey J. William Golding. The Man Who Wrote Lord of the Flies. A Life. – London : Faber and Faber, 2009. – 592 p.
9. Golding W. Tolstoy's Mountain // The Hot Gates. – London : Faber and Faber, 1965. – P. 121–125.
10. Groth J. Studio: Europe. – N. Y. : The Vanguard Press, 1945. – 283 p.
11. Kermode F. Theophany. William Golding : The Man Who Wrote 'Lord of the Flies' by John Carey // London Review of Books. – 2009. – Vol. 31, № 21.5. – P. 245.
12. Remarque E. M. All Quiet on the Western Front. – Norwalk ; Conn. : Easton Press, 1969. – 220 p.
13. Tolstoy L. War and Peace : a novel. – London : Heinemann, 1961. – 1146 p.
14. Tolstoy L. War and Peace : a novel / a new and complete translation from the Russian by Constance Garnett : 3 vols. – London : W. Heinemann, 1904. – 1146 p.

**«WAR AND PEACE» BY L. TOLSTOY IN W. GOLDING'S ART RECEPTION:
THE CONCEPTION OF «NOVEL-MOUNTAIN»**

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the art reception of L. Tolstoy's novel «War and Peace» by W. Golding, identifies the main reasons for the genesis of Golding's interest in Tolstoy's oeuvre, draws some conclusions about the reception of Russian national character and Russian literature by the English writer. The main object of the study is Golding's essay «Tolstoy's Mountain», in which he compares «War and Peace» to the mountain peak and for this «novel-mountain» conception he reveals structural and conceptual features of Tolstoy's novel. Detailed analysis of this conception suggests that Golding projected his own author's markers on the Tolstoy's novel (ambivalence of human nature, war theme, spatial images of vertical, philosophic text etc.) and simultaneously advances the hypothesis about «War and Peace» is one of writer's sources of inspiration.

Keywords: *English literature of the 20th century, W. Golding, L. Tolstoy, «War and Peace», reception.*

REFERENCES

1. *Bajls Dzh.* Besedy Uil'jama Goldinga // Inostrannaja literatura. – 1973. – № 10. – S. 204–219.
2. *Ivasheva V. V.* Patriarh iz Solsberi. Uil'jam Golding // Anglijskie dialogi. – M. : Sovetskij pisatel', 1971. – S. 353–377.
3. *Kuznetsova A. I.* Roman «Povelitel' muh» v hudozhestvennom mire Uil'jama Goldinga // Zarubezhnaja literatura. HH vek : praktikum. – M. : Drofa, 2007. – S. 188–211.
4. *Poljakov O. Ju., Poljakova O. A.* Imagologija: teoretiko-metodologicheskie osnovy. – Kirov : Raduga-press, 2013. – 162 s.
5. *Tove A.* Konstancija Garnet – perevodchik i propagandist russkoj literatury // Russkaja literatura. – 1958. – № 4. – S. 93–199.
6. *Tolstoj L. N.* Vojna i mir // Sobranie sochinenij : v 22 t. T. 6. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1980. – 448 c.
7. *Basque* Village Pelota. Watercolor by John Groth [URL]. – Rezhim dostupa : <https://www.georgeglazer.com/prints/sporting/indiv/groth.html>.
8. *Carey J.* William Golding. The Man Who Wrote Lord of the Flies. A Life. – London : Faber and Faber, 2009. – 592 p.
9. *Golding W.* Tolstoy's Mountain // The Hot Gates. – London : Faber and Faber, 1965. – P. 121–125.
10. *Groth J.* Studio: Europe. – N. Y. : The Vanguard Press, 1945. – 283 p.
11. *Kermode F.* Theophany. William Golding : The Man Who Wrote 'Lord of the Flies' by John Carey // London Review of Books. – 2009. – Vol. 31, № 21.5. – P. 245.
12. *Remarque E. M.* All Quiet on the Western Front. – Norwalk ; Conn. : Easton Press, 1969. – 220 p.
13. *Tolstoj L.* War and Peace : a novel. – London : Heinemann, 1961. – 1146 p.
14. *Tolstoj L.* War and Peace : a novel / a new and complete translation from the Russian by Constance Garnett : 3 vols. – London : W. Heinemann, 1904. – 1146 p.

© Kuznetsova A. I., 2017

Kuznetsova, Anna Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of World Literature, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

The article was contributed on April 8, 2017

УДК [811.161.1+811.512.111]:81'374.822'373.72

И. В. Кузнецова

О ПРОЕКТЕ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена проекту учебного словаря устойчивых сравнений русского и чувашского языков. Особое внимание уделяется обоснованию целесообразности и дидактической необходимости создания подобного труда в условиях русско-чувашского двуязычия и описанию системы эквивалентизации фразеологического материала. Словарная статья не только отражает типы эквивалентов, аналогов и безэквивалентных единиц сопоставляемых языков, но и (при необходимости) содержит краткую историко-культурологическую, этимологическую справку, проясняющую этнокультурный фон фразеологизма, или толкование малопонятных слов (диалектных, устаревших, малоупотребительных и т. д.).

Ключевые слова: *русский язык, чувашский язык, фразеография, идеография, учебный словарь, русские и чувашские устойчивые сравнения, межкультурная коммуникация.*

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из языковых манифестантов «духа народа» как выразителя культурного и лингвистического достояния определенного этносоциума является фразеология, древний и обширнейший пласт которой – устойчивые сравнения, что связано с самой природой компаративных фразеологизмов и их использованием на всех этапах познавательной деятельности человека. Если русские фразеологизмы со структурой сравнения представлены целым рядом словарей, то специального словаря устойчивых сравнений (УС) чувашского языка пока не существует. Трудно переоценить и дидактическую роль сравнений: в методике обучения языку они являются «эффективными толкователями смысла в силу своей образности и выразительности» [16, с. 3]. Актуальность создания учебного русско-чувашского словаря УС обусловлена, с одной стороны, тем, что он станет частичной компенсацией отсутствия словаря народных сравнений чувашского языка, а с другой – его сопоставительной и учебной направленностью.

Материал и методика исследований. Работа над реестром учебного словаря русских и чувашских УС предполагает несколько этапов. На первом этапе методом сплошной выборки необходимый материал извлекается из одноязычных чувашских и двуязычных русско-чувашских фразеологических словарей [21], [24], [25], [26], а также из других

© Кузнецова И. В., 2017

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: irinak47@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2017

источников: диссертаций, учебных пособий, статей и сети Интернет. При этом учитываются разнообразные варианты, соответствующие той или иной структурно-семантической модели УС. Для лексикографирования значимы способы функционирования сравнительных оборотов в художественных и публицистических текстах. Нужен и учет живой речи носителей языка, поэтому немаловажным методом является анкетирование. В итоге сводная картотека чувашских устойчивых сравнений будет включать максимально полный материал из разных источников. Составление картотеки – второй этап работы. После того как материальная база чувашской части словаря постепенно приобретет необходимую полноту и системность, фразеологизмы будут распределены по семантическим полям и идеографическим рядам. Здесь будут задействованы такие лингвистические методы, как синхронно-описательный, идеографический, контекстный, а также методы компонентного анализа и структурно-семантического моделирования. Разработка идеографической классификации предполагает индуктивный метод: от фактического материала к его систематизации.

Результаты исследований и их обсуждение. Сопоставительная фразеология – стремительно развивающееся с середины XX в. направление языкознания [20]. Обычно сравниваются фразеологизмы родственных языков, например тюркских [28]. Однако межъязыковому описанию русского и чувашского фразеологических корпусов посвящены единичные труды [1], [17], [18], [22]. Особенности чувашских сравнительных конструкций относительно русских в плане соответствия анализируются З. В. Гришаевой, за основу берется чувашский язык [8]. В статьях русские и чувашские УС рассматриваются в аспекте методики [4], сопоставления структурных типов с компаративным союзом в русском и послелогом в чувашском языках [12] и единиц с тематически однотипным компонентом (анимализмом, орнитонимом) [11], [13].

В основе компаративных фразеологизмов – образы-эталоны, поскольку основным методом различных уровней общественного сознания часто выступает метод сравнения, поиск эталона [10, с. 24]. Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы – это объединяющее начало, общий структурный принцип, который синтезирует процессы восприятия, познания и языковую картину мира [3, с. 9]. Поэтому эталоном считается образная форма выражения качеств человека (предмета) как определенная реалья, представляющая собой значение с точки зрения повседневно-культурного опыта [23, с. 116], некий идеализированный стереотип, который на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о людях, мире, обществе [15, с. 190]. Эталонизируются не только предметы, но и качества и действия, выступающие образными замещениями качеств и действий других реалий, становясь их знаками и таксонами культуры.

Несмотря на то что фразеоидеография сейчас мощно развивается, учебных словарей устойчивых сравнений идеографического типа практически нет. Причем «в настоящее время учебная лексикографическая репрезентация русских УС на фоне других языков ориентирована в первую очередь на англоговорящих учащихся» [6, с. 9]. Обычно авторы тематических двуязычных словарей (и их проектов) ограничиваются конкретной темой, одна из любимых – «Внешность человека» [7], [14]; иногда такой труд предполагает достаточно высокое владение неродным языком [27]. Редкое исключение – «Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов» [19].

Русский и чувашский языки различаются генеалогически и структурно-типологически. На фразеологизмы как единицы вторичного образования накладывают отпечаток первичные системы – лексика и грамматика. Так, в чувашском языке нет категории вида, которая есть у большинства русских глаголов; чувашский относится к агглютинативным языкам, а русский – к флективным; глагол и прилагательное в чувашских УС всегда стоят после послелога. Глагол в русских словарях стоит в форме инфинитива, а в чувашских – часто в повелительном наклонении. Поэтому о полном тождестве грамматической структуры устойчивых сравнений двух неродственных языков говорить не приходится, ср.: *сильный как медведь* – *упа нек вӑйлӑ* (букв. ‘медведь как сильный’); *спать как убитый* – *вилӑ нек сывӑр* (букв. ‘убитый как спи’). При описании русских и чувашских сравнений следует пренебречь спецификой грамматики сопоставляемых языков. Так, малозначимы в плане семантики и прагматики способы соединения компонентов фразеологических единиц: *как в аптеке* – *аптекӑри нек*. Фактически речь может идти о тождестве значения УС при тождестве или близости их компонентного состава: *горячий как огонь* – *вут нек вери*; *жить как горох при дороге* – *пурӑс сӑл хӗрринчи ясмак нек* (букв. ‘жизнь как у чечевицы при дороге’ – о чьей-либо плохой жизни). Структура при этом может быть разной: *визжать как поросенок* – *сысна сӑри нек сӑхӑр*; *опротиветь хуже горькой полыни* – *армути йӑсси нек йӑлӑхтар* (йӑрӑнтер т. ыт. те).

«Несмотря на давние связи русского и чувашского народов и общность части фразеологического фонда (так, полностью тождественны УС: рус. *бежать как на пожар* – чув. *пушар тухӑ нек*; рус. *сладкий как мед* – чув. *пыл нек тутӑ*), в каждом языке есть культурно и национально обусловленные обороты: рус. *как Елена Прекрасная* – чув. *Сарпике нек*; *Нарспи нек* – о красивой девушке. В русском языке красоту символизирует красный цвет (*как красно солнышко*), в чувашском – желтый (*сарӑ хӗвел нек*). Для русских сова – символ мудрости (*мудрый как сова*), для чувашей – глупости (*тӑмана нек ухмах*; *тӑмана нек пӑх* – тупо, непонимающе смотреть; *тӑмана нек* – о недогадливом человеке). Орел в русском языке ассоциируется с храбрым, отважным мужчиной (*смел как орел*), а в чувашском не только со смелостью, но и с умом» [12, с. 195–196], ср. этикетное благопожелание: *Амӑрткайӑк нек ӑслӑ пулӑр*, *тӑмана нек тӑклӑ пулӑр* / Будьте умны, как орел, неуязвимы, как сова [5, с. 149]. Поэтому цель учебного словаря русских и чувашских УС – показать не только черты соприкосновения двух языков и культур, но и разницу в восприятии окружающего.

Во фразеологизмах, характерных только для одного из сопоставляемых языков, ярко обнаруживаются самобытность, своеобразие образного видения мира. Именно они показательны для выявления национальной специфики: чув. *серси пусӑ нек юр сӑвать*, *чавка пусӑ нек*, *чӑкес пусӑ нек юр*, где падающий крупными хлопьями снег сравнивается с воробьиными головами или с головами галок и ласточек, а мелкий дождь у чувашей ассоциируется с медвежьей слюной: *упа сурчӑкӑ нек*. Аналогами этих УС в русском языке будут компаративизмы *снег как вата* (дополнительные оттенки *мягкий, пушистый*), *дождь <мелкий> как из сита*.

Межъязыковой анализ компонентного состава семантически эквивалентных или близких УС русского и чувашского языков приводит к выводу, что «полная адекватность лексического состава – явление сравнительно редкое, поддерживаемое в основном заимствованиями и калькированием русских фразеологических единиц, высту-

пающими как один из путей обогащения фразеологического состава чувашского языка» [17, с. 67]. Авторы одно- и двуязычных фразеологических словарей с помощью специальных помет указывают на калькированный характер оборотов: **как дважды два четыре** досл. *икĕ хут иккĕ тăваттă некех* (ярусăн куранăть); **как свинья в апельсинах (знать, разбираться и т. п.)** досл. *сысна апельсин мĕнне (тутине) пĕлнĕ нек пĕл* (нимĕн те ан ĕнлан, ан пĕл) [25, с. 67, 70]; **вăкăр нек сывă**. Кальк. Вырăсл. Кам? Çав тери тĕреклĕ, сывлăхлă, вăйлă (сын). Çавна хирĕçлемĕ пынăччĕ вăл военкомата. Хăй вăкăр нек сыввине ĕнентересшĕнчĕ (Вашки. Чун çути) [24, т. 1, с. 101]; **ывăç (алă) тупанĕ çинчи нек**. Кальк. Вырăсл. Мĕн? 1. Питĕ уçăмлă, тĕрех курăнать, паллă, ĕнланмалла. *Уçăн калаçакан çыннăн кăмăлĕ ывăç тупанĕ çинчи нек тенĕ* (Ват. сăм.). 2. Ним пытармалли те çук, пурте янках уçă. *Санран ним пытармалли те çук. Лару-тăру ал тупанĕ çинчи нек* (Хал. калаç) [24, т. 2, с. 176]. Обычно это УС, связанные с историей, христианством: *как Мамай прошел (воевал) – Мамай çĕмĕрсе кайна нек; как у Христа за пазухой – Христос хĕвĕнчи нек*.

Материал в словаре будет расположен по тематико-идеографическому принципу: воедино будут собраны семантически близкие сравнения. Выделяются фразеосемантические поля и микрополя, затем группы, в рамках которых сравнения группируются в вариантно-синонимические ряды с учетом количественных и качественных вариантов. Так, компаративизмы идеографического ряда «Назойливость. Надоедливость» входят в группу фразеологических единиц со значением отрицательного нефизического воздействия на человека фразеосемантического поля «Отношения между людьми» понятийной сферы «Человек». Устойчивые сравнения с семантикой излишней навязчивости распределяются по структурно-семантическим моделям: 1) пристать (прилипнуть и т. п.) + как + растение (его часть, плод); 2) пристать (прилипнуть) + как + липкое (клейкое) вещество; 3) пристать (прилипнуть и др.) + как + насекомое. Внутри структурно-семантической модели образы-эталонные устойчивых сравнений даются в алфавитном порядке русского языка. Материал словаря информативен. При необходимости при сравнении под знаком < даются историко-культурологическая справка, краткий этимологический комментарий, разъяснение непонятных слов и выражений (диалектных, устаревших, малоупотребительных и т. д.).

Если УС двух языков по компонентному составу и объему значений полностью эквивалентны, то между ними ставится знак равенства (=): **сладкий как мед** – 1) одобр. Об очень сладкой и вкусной пище, напитках; 2) *неодобр.* О лицемерно слащавом, приторно любезном и угодливом поведении, голосе, речи [16, с. 241] = **пыл нек пылак**, ср. тексты: 1) *Пыл нек пылак арбузсем* (анкетировани кăтартнă тăрăх); 2) *Чĕннĕ çыннисене хăналама хăтланать хăй, анчах та чунĕ вĕçĕрхенет: лешсем нумай çинĕ туйăнать ĕна. Пыл нек пылак, çу нек çемсе сассине калать ку ĕстасене* «Шывне ан шеллĕр, шывне сытăр, шывĕне сийĕр», *тет. Кукăлĕсене ситерес пирки асăнмасть те...* (Г. Н. Волков. Хыт кукар).

При неполной эквивалентности ставится знак $\simeq$: **петь (заливаться, разливаясь) как соловей** – 1) одобр. О чьем-л. красивом, звонком, заливистом пении; 2) ирон. О человеке, расточающем красивые, гладкие речи или обещания, но ненадежном в деле $\simeq$ **шăпчăк нек юрлат (шăпчăкпа пĕрех юрлат)**. *Ырласа калани*. Илемлĕ, килемелле сасăпа юрлани çинчен.

В случае тематической близости образов сравнения ставится знак приближенности ($\approx$) и приводится буквальный перевод чувашской фразеологической

единицы для оценивания степени сходства с русским сравнением: *приставать / пристать как банный лист <к телу>*. Неодобр. [16, с. 221] ≈ *ана пыйти пек*. <Ана пыйти – 1) бот. липучка; 2) липучие семена растений (Чувашско-русский словарь (1982) – <http://ru.samah.chv.su/>); *надоест (осточертеть и т. п.) как горькая редька*. Неодобр. [16, с. 364] ≈ *уй (вйрман) улми пек ййльхтар (ййрёнтер)* [25, с. 66] / букв. ‘надоест, как дикое (лесное) яблоко’. Это делается потому, что не все русскоязычные владеют чувашским языком, в отличие от носителей чувашского языка, в той или иной мере знающих русский язык. В словаре не всегда будет даваться информация о стилистической принадлежности устойчивых сравнений. В этом случае необходимо обращать внимание на стилистическую окраску образов-эталонов фразеологизмов, поскольку именно они влияют на стилистическое функционирование этих единиц.

Неполные устойчивые сравнения-эквиваленты допускают частичное тождество компонентов или их частичную замену словами той же тематической группы: <дождь> *льет как из ведра* – <сумър> *витререн (каткаран, сўпсерен, чёресрен) тйкнй <янь> пек сйавать*. В чувашских компаративизмах компоненты *ведра, кадка, суюсе* (= кадка, выдолбленная из цельного дерева, кадушка для пищевых припасов или укладка для одежды), *чиряс* (= *ведерко, кадушка, выдолбленные из дерева*) равнозначны. Варианты же русского сравнения являются устаревшими или диалектными: *дождь льет как из бочки; лить как из желоба* (= продолговатое выдолбленное из дерева корыто, из которого поят лошадей и коров), пск. *дождь как с кошеля вытряхивает* (= заплечный плетенный из бересты короб с крышкой для ношения ягод, грибов, рыбы), карел. *лить как из ковши (ушата)*.

В случае отсутствия компаративизма со сходной образностью подбирается фразеологический аналог, при необходимости дается дословный перевод и ставится знак неравенства (≠): *похожи [друг на друга] (схожи) как две капли воды* ≠ *пёр пёрнери пёрлехен пек* (букв. ‘как ягоды костяники из одного кузова’); *пёр пёрнери самартасем пек* (букв. ‘как яйца в одном лукошке’); *жить как науки <в банке>*. Неодобр. [16, с. 364] ≠ *сёсёне пуртй пек* [24, т. 2, с. 27] (букв. ‘как нож с топором’ – о неуживчивых, не ладящих, враждующих друг с другом людях).

Планируются текстовые иллюстрации: *прозрачный как хрусталь*. О чем-л. очень прозрачном, чистом (например, о воде) ≠ *тйрна куш пек тйрй*. Мён? Питё тйрй. (Прозрачный, чистый, как журавлиный глаз. Очень прозрачный (например, о воде)). *Сырмара тёрлй чул темён чухлй, шыв юхатъ – тйрна куш пек таса* (Сандров. Сăмах) [24, т. 2, с. 57].

Исходя из потребностей речевой практики, в словарь будут включены коммуникативные формулы, например пожелания: *Арйслан пек паттйр пул* (букв. ‘Будь смелым, как лев’) [25, с. 64–65]. Коллектив авторов принял решение включить в словарь и УС, зафиксированные только в одном из источников, с целью задокументировать бóльшую часть фразеологического фонда чувашского языка. Предполагается паспортизация чувашских компаративизмов (указание на источник).

В качестве примера приведем предварительный фрагмент одной части статьи «Учебного словаря русских и чувашских устойчивых сравнений» с семантикой «Излишняя навязчивость» с моделью «пристать (прилипнуть и т. п.) + как + растение (его часть, плод)».

• **Гру́ша**

≈ **трясти́** / **затрясти́** как **гру́шу** *кого*. *Разг.* Приста-
вать, донимать расспросами, просьбами, требова-
ниями.

• **Липу́чка**

= **ли́пнуть** (**прилипа́ть** / **прили́пнуть**) как **липу́чка**.
Неодобр. [16, с. 220]. < Липу́чка – разговорное назва-
ние растения *подмаренник цепкий* (лат. *Galium*
Aparine). В современном русском языке слово *липу́чка*
ассоциируется прежде всего с чем-либо липким, клей-
ким (бумагой, пластырем, замазкой и т. п.), а в диалек-
тах это также растения *Galium Aparine*, *Echinopspermum*
Lappula (репьячок) и некоторые другие с цепкими
семенами [2, с. 130], [9, т. 2, с. 655].

• **Лист**

≈ как **банный лист** (**пристава́ть** / **приста́ть**,
ляну́ть / **прильну́ть**, **прилипа́ть** / **прили́пнуть**,
прицепи́ться и т. п.) *к кому*. [9, т. 3, с. 1165].
Прост. ирон. или презр. Приставать к кому-л. с тре-
бованиями, вопросами, просьбами, придирками и
т. д., надоедать, докучать кому-л., навязываться с
услугами, вызывая тем самым раздражение, неже-
лание общаться. Такое поведение воспринимается с
неодобрением. – *Да пусти же его, пусти... Что*
пристал словно банный лист? (Тургенев. Певцы).
< Выражение собственно русское, связано с обыча-
ем париться березовыми и другими вениками, ли-
стики от которых, отрываясь, плотно прилипают к
мокрому телу и с трудом снимаются. В образе срав-
нения такой лист метафорически уподобляется на-
доедливому, навязчивому человеку.

• **Польнь**

= **опроти́веть** **хуже горькой польни** *кому*. *Прост.*
Неодобр. 1. О ком-л. очень надоевшем, опротивев-
шем (от назойливых приставаний, длительного зна-
комства и т. п.). 2. О чем-л. крайне надоевшем, оп-
ротивевшем (от длительного употребления, испол-
нения и т. п.).

• **Редька**

≈ **надое́сть** (**осточерте́ть** и т. п.) как **горькая**
редька *кому*. *Разг. Неодобр.* Говорится о ком- или о
чем-либо сильно надоевшем. < Редька, как и репа,
была на Руси до появления картофеля самым рас-
пространенным и обыденным видом овощей и по-
вседневной едой. Эта будничность и легла в основу
сравнения. На Руси редьку любили, ср. с послови-
цей *Редька зла, а всем мила*. Овощ хорошо хранил-
ся, поэтому его ели во время поста, и тогда она осо-
бенно надоедала, поэтому редька является эталоном
кого- или чего-либо сильно надоевшего.

• **Репей** (репейник)

= **пристава́ть** / **приста́ть**, **прилипа́ть** / **прили́п-**
нуть, **прицепи́ться** и т. п.) как **репей** (репейник) *к*
кому. *Разг. Неодобр.* Говорится о ком-либо сильно
надоевшем, от кого трудно избавиться

≈ **уй** (**ва́рман**) **улми пек йа́лхтар** (**йе́рентер**) [25,
с. 66] / *букв.* надоесть, как дикое (лесное) яблоко. /
Кама та пулин ыйту парса йа́лхтаракан сын шинчен.

= **сырлан пек сыпса́н** [25, с. 66]. Сырлан – пахчара
ўсекен йёплё анса́р су́лса́лла́ сум кура́к (лат. *Galium*
Aparine).

≈ **куршанка́ пек сыпса́н** [26, с. 211] / *букв.* репейник
как пристать. / – *Яр-ха эс а́на, яр... Мён куришанка́*
пек сыпса́н? Тепёр сынна ыйтусемпе, йа́лһанса
ыйтһипе, пустуй ё́спе йа́лһтаракан, та́рһтаракан
шинчен. Кам та пулин хайне са́ван пек тытһине
ырлама́ссе.

= **армути йў́ссе пек йа́лхтар** (**йе́рентер** т. ыт. те).
[26, с. 211] / *букв.* полная горечь как надоесть. /
Питё йа́лһтарса ситерне́ сын е я́пала шинчен.

≈ **йў́с кайман пек йа́лхтар** (**йе́рентер** т. ыт. те)
(*йў́сё кайман* ‘редька’) / *букв.* редька как надоесть. /
Питё йа́лһтарса ситерне́ сын е я́пала шинчен.

= **куршанка́ (куршанак) пек сыпса́н** [26, с. 211] /
букв. репейник как пристать. / – *Куришанак пек*
сыпса́рсе, хайма пё́лмес! Тепёр сынран хайманһипе
(уйра́лманһипе) питё йа́лһтаракан шинчен

Резюме. Национальная специфика фразеологического состава того или иного языка отражает историческую индивидуальность языкового коллектива, особенности жизни и быта народа, самобытность традиций в материальной и духовной культуре. Однако это национальное своеобразие не исключает общих межъязыковых свойств, обусловленных как экстралингвистическими (неязыковыми), так и интерлингвистическими (языковыми) факторами: стабильностью реалий и их свойств, общим опытом человеческого коллектива безотносительно к его языковой принадлежности, смысловой общностью слов – компонентов фразеологизмов, общими семантическими процессами – переосмыслением, возможностью калькирования, общими психолингвистическими факторами и некоторыми другими.

Учебный словарь русских и чувашских устойчивых сравнений тематического типа, показывающий разновидности межъязыковой эквивалентности, позволит пользователю увидеть сходство и различие в корпусе фразеологизмов этих языков и «осознанно противостоять проявлениям межъязыковой фразеологической интерференции» [6, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова А. Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Чебоксары, 2005. – 181 с.
2. *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. – СПб. : Имп. Академия наук, 1878. – 670 с.
3. *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык: к проблеме языковой картины мира // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
4. *Беляева З. М., Кузнецова И. В.* Изучение в чувашской аудитории русских устойчивых сравнений с компонентом – представителем фауны // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. – 2006. – Вып. 9. – С. 309–317.
5. *Борисова Л. В.* Лингвокультурологический анализ названий птиц отряда соколообразных (русско-чувашские параллели) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 3(25). – С. 147–153.
6. *Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Русские и немецкие устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте: учебная лексикографическая репрезентация // Современная филология в международном пространстве языка и культуры : материалы Международной научно-практической интернет-конференции. – Астрахань, 2011. – С. 9–10.
7. *Ван Ливэнь.* Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – М., 2014. – 347 с.
8. *Гришаева З. В.* Сравнительная конструкция в чувашском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06. – Чебоксары, 1996. – 195 с.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – СПб. ; М. : Издanie т-ва М. О. Вольф, 1905.
10. *Дубинин И. И., Гусякова Л. Г.* Динамика обыденного сознания. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1985. – 135 с.
11. *Кузнецова И. В., Волкова А. Г.* Устойчивые сравнения с компонентом-анимализмом в русском и чувашском языках // Оптимизация преподавания учебных дисциплин в условиях вариативности начального школьного образования. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 60–66.
12. *Кузнецова И. В., Лукина М. Р.* Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. – СПб. ; Грайфсвальд : Ernst Moritz Arndt Universität, 2016. – С. 190–197.
13. *Кузнецова И. В., Хрусталева И. В.* Русские и чувашские устойчивые сравнения с компонентом-орнитонимом // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской : сборник научных статей. – Курган, 2011. – С. 186–189.
14. *Лебедева Л. А., Элмасын А. В.* Человек в зеркале сравнений: внешность человека. Краткий русско-английский словарь. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2009. – 62 с.
15. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учебное пособие. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
16. *Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка. – СПб. : Норинт, 2003. – 608 с.
17. *Орлова В. И.* Спецкурс по русской фразеологии в условиях двуязычия. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1977. – 120 с.

18. Орлова В. И. Фразеология русского языка : пособие для чувашских студентов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1970. – 144 с.
19. Пляскова Е. А., Донг Тхи Тхань Там. Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов (с лингвокультурологическими комментариями). – Воронеж : Научная книга, 2014. – 147 с.
20. Ройзензон Л. И., Ройзензон С. И. Некоторые соображения о сравнительном изучении фразеологии // Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. – Ташкент : Фан, 1967. – С. 110–114.
21. Сергеев Л. П., Павлов В. В. Чăваш чĕлхĕн фразеологи словарь : верену пособийĕ. – Шупашкар : Чăв. пати. пед. ун-чĕ, 2007. – 61 с.
22. Степанова А. В. Фразеологизмы с семантикой большого количества в русском, чувашском и английском языках // Язык, культура, образование в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции. – Пермь, 2006. – С. 139–143.
23. Ужченко Д. В. Семантика українських зоофразеологізмів в етнокультурному висвітленні : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. – Луганськ, 2000. – 248 с.
24. Федоров Г. И. Чăваш фразеологийĕн ăнлантарулă сăмах кĕнеки : в 2 т. – Шупашкар : Чăваш кĕнеки изд-ви, 2016.
25. Чернов М. Ф. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. – Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 1975. – 191 с.
26. Чернов М. Ф. Русско-чувашский фразеологический словарь. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 535 с.
27. Элмасын А. В. Лингвистические основы создания двуязычного (русско-английского) тематического словаря устойчивых сравнений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Ставрополь, 2011. – 218 с.
28. Якимова Н. И. Межъязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1(69), ч. 1. – С. 221–224.

UDC [811.161.1+811.512.111]:81'374.822'373.72

I. V. Kuznetsova

ON THE PROJECT OF LEARNER'S DICTIONARY OF RUSSIAN AND CHUVASH FIXED SIMILES

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the project of a learner's dictionary of fixed similes in the Russian and Chuvash languages. It pays special attention to the rationale and educational and didactic necessity of creating such work in the conditions of Russian-Chuvash bilingualism and the description of the system of equivalence of phraseological material. A dictionary entry reflects not only the types of equivalents, analogues and non-equivalent units of the compared languages, but also (if necessary) contains a brief historical and cultural etymological reference that clarifies the ethnocultural background of the phraseological unit, or the interpretation of unclear words (dialectic, archaic, rarely used, etc.).

Keywords: *Russian, Chuvash, phraseography, ideography, learner's dictionary, Russian and Chuvash fixed similes, cross-cultural communication.*

© Kuznetsova I. V., 2017

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: irinak47@yandex.ru

The article was contributed on April 25, 2017

REFERENCES

1. Abramova A. G. Frazеologicheskie edinye s komponentami-somatizmami v raznostrukturyh jazykah: na materiale russkogo i chuvashskogo jazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Cheboksary, 2005. – 181 s.
2. Annenkov N. I. Botanicheskij slovar'. – SPb. : Imp. Akademiya nauk, 1878. – 670 s.
3. Arutjunova N. D. Anomalii i jazyk: k probleme jazykovoј kartiny mira // Voprosy jazykoznanija. – 1987. – № 3. – S. 3–19.
4. Beljaeva Z. M., Kuznecova I. V. Izuchenie v chuvashskoj auditorii russkih ustojchivyh sravnenij s komponentom – predstavitelem fauny // Problemy izuchenija i prepodavanija russkogo jazyka i literatury. Vestnik fakul'teta russkogo jazyka i literatury Universiteta kitajskoj kul'tury. – 2006. – Vyp. 9. – S. 309–317.
5. Borisova L. V. Lingvokul'turologicheskij analiz nazvanij ptic otrjada sokoloobraznyh (russko-chuvashskie paralleli) // Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. – 2011. – № 3(25). – S. 147–153.
6. Val'ter H., Mokienko V. M., Nikitina T. G. Russkie i nemeckie ustojchivye sravnenija v sopostavitel'nom aspekte: uchebnaja leksikograficheskaja reprezentacija // Sovremennaja filologija v mezhdunarodnom prostranstve jazyka i kul'tury : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi internet-konferencii. – Astrahan', 2011. – S. 9–10.
7. Van Livjen'. Vneshnost' cheloveka kak ob'ekt obraznoj harakteristiki v sisteme ustojchivyh sravnenij russkogo jazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – M., 2014. – 347 s.
8. Grishaeva Z. V. Sravnitel'naja konstrukcija v chuvashskom i russkom jazykah : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.06. – Cheboksary, 1996. – 195 s.
9. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. – SPb. ; M. : Izdanie t-va M. O. Vol't", 1905.
10. Dubinin I. I., Gusljakova L. G. Dinamika obydnogo soznaniya. – Minsk : Izd-vo Belorus. gos. un-ta, 1985. – 135 s.
11. Kuznecova I. V., Volkova A. G. Ustojchivye sravnenija s komponentom-animalizmom v russkom i chuvashskom jazykah // Optimizacija prepodavanija uchebnyh disciplin v uslovijah variativnosti nachal'nogo shkol'nogo obrazovanija. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. gos. ped. un-ta, 2004. – S. 60–66.
12. Kuznecova I. V., Lukina M. R. Russkie i chuvashskie ustojchivye sravnenija v sopostavitel'nom aspekte // Ustojchivye sravnenija v sisteme frazeologii. – SPb. ; Grajfsval'd : Ernst Moritz Arndt Universitat, 2016. – S. 190–197.
13. Kuznecova I. V., Hrustaleva I. V. Russkie i chuvashskie ustojchivye sravnenija s komponentom-ornitonimom // Frazеologicheskie chtenija pamjati professora Valentiny Andreevny Lebedinskoј : sbornik nauchnyh statej. – Kurgan, 2011. – S. 186–189.
14. Lebedeva L. A., Jelmasjan A. V. Chelovek v zerkale sravnenij: vneshnost' cheloveka. Kratkij russko-anglijskij slovar'. – Krasnodar : Prosveshhenie-Jug, 2009. – 62 s.
15. Maslova V. A. Lingvokul'turologija : uchebnoe posobie. – M. : Akademiya, 2001. – 208 s.
16. Mokienko V. M. Slovar' sravnenij russkogo jazyka. – SPb. : Norint, 2003. – 608 s.
17. Orlova V. I. Spekurs po russkoј frazeologii v uslovijah dvujazychija. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 1977. – 120 s.
18. Orlova V. I. Frazеologija russkogo jazyka : posobie dlja chuvashskih studentov. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 1970. – 144 s.
19. Pljaskova E. A., Dong Thi Than' Tam. Uchebnij tematiceskij slovar' russkih i v'etnamskih komparativnyh frazeologizmov (s lingvokul'turologicheskimi kommentarijami). – Voronezh : Nauchnaja kniga, 2014. – 147 s.
20. Rojzenzon L. I., Rojzenzon S. I. Nekotorye soobrazhenija o sravnitel'nom izuchenii frazeologii // Voprosy frazeologii i grammaticheskogo stroja jazykov. – Tashkent : Fan, 1967. – S. 110–114.
21. Sergeev L. P., Pavlov V. V. Chăvash chělhin frazeologi slovarë : verenu posobijë. – Shupashkar : Chăv. patsh. ped. un-chë, 2007. – 61 s.
22. Stepanova A. V. Frazеologizmy s semantikoj bol'shogo kolichestva v russkom, chuvashskom i anglijskom jazykah // Jazyk, kul'tura, obrazovanie v sovremennom mire : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. – Perm', 2006. – S. 139–143.
23. Uzhchenko D. V. Semantika ukrains'kih zoofrazеologizmiv v etnokul'turnomu visvitleni : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Lugansk', 2000. – 248 s.
24. Fedorov G. I. Chăvash frazeologijën änlantarullă sâmah këneki : v 2 t. – Shupashkar : Chăvash këneki izd-vi, 2016.
25. Chernov M. F. Kratkij russko-chuvashskij frazeologicheskij slovar'. – Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1975. – 191 s.
26. Chernov M. F. Russko-chuvashskij frazeologicheskij slovar'. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2003. – 535 s.
27. Jelmasjan A. V. Lingvisticheskie osnovy sozdaniya dvujazychnogo (russko-anglijskogo) tematiceskogo slovarja ustojchivyh sravnenij : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Stavropol', 2011. – 218 s.
28. Jakimova N. I. Mezhh'jazykovye sootvetstviya somaticheskikh frazeologizmov chuvashskogo, tatarskogo, bashkirskogo i tureckogo jazykov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2011. – № 1(69), ch. 1. – S. 221–224.

ЗАПАХОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЖЧИНЫ В РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье является ольфакторный образ мужчины в контексте романтических отношений между полами, понимаемых как выражение трепетных чувств друг к другу. Проводится анализ текстовых фрагментов художественных произведений на немецком языке, описывающих эмоциональную привязанность и любовь, освещены вопросы, связанные с языковым выражением эротической, агрессивной и оценочной характеристик запаха мужчины, выявлены специфические особенности использования единичных лексем для передачи обонятельных ощущений женщины.

Ключевые слова: *запах мужчины, метафора, синестезия, ольфакторная агрессия, одорический, романтический дискурс.*

Актуальность исследуемой проблемы. При ольфакторном описании особенностей сексуального поведения и переживаний мужчины и женщины обращается внимание на тему запахов мужчины, вызывающих приятные эмоции и обогащающих мир чувств. В этой связи вопрос о механизмах репрезентации чувства обоняния оказывается не менее значимым, чем то, как интимное общение входит в содержание ольфакторного восприятия мужчины и определяет его оценку.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили фрагменты из немецкоязычных художественных произведений, описывающие ольфакторные сцены общения влюбленных. Были применены методы анализа, синтеза, дедукции, обобщения, абстрагирования.

Результаты исследований и их обсуждение. Естественные запахи играют одну из ведущих ролей в любви с первого взгляда, что следовало бы обозначить как любовь с первого запаха [2, с. 157]. Обонятельный контакт, осуществляемый во всеобщем эротическом пространстве, с помощью одного вдоха позволяет женщине мгновенно спрогнозировать будущее и выделить своего мужчину. В свою очередь, чтобы подчеркнуть его ольфакторную привлекательность как представителя противоположного пола и закрепить сделанный выбор, в описаниях нередко используется запах мускуса, известный как один из самых притягательных для женщин природных ароматов (афродизиаков): *Dennoch schauderte sie, als sie ihm einen misstrauischen Blick zuwarf. Dies war kein Produkt ihrer Einbildung. Die ungezähmte Energie, die er ausstrahlte, war real, ganz genau wie der angenehme*

© Мамцева В. В., 2017

Мамцева Вера Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия; e-mail: rusosipova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.04.2017

Moschusduft, der von ihm ausging. Der leichte Schweißfilm auf seinen Muskeln stand ihm ausgesprochen gut [6, с. 21]. Очевидно, что в описываемом фрагменте мужчина пользуется повышенной популярностью у женщины, так как его природный запах напоминает ей аромат мускуса.

Также в следующем примере наречие *tierisch*, усиливающее экспрессивность положительной эмоциональной окраски *gut*, указывает на природное (животное), инстинктивное притяжение к естественному запаху мужчины, во многом определяющему его привлекательность для женщины уже при первой встрече: *Dieser Mann roch irgendwie tierisch gut, das war mir sofort aufgefallen. Wir saßen bei einem Essen nebeneinander, und ich habe dann ständig versucht, ihm näher zu kommen* [8, с. 111]. Таким образом, естественный запах рассматривается как сигнальный фактор, влияющий на выбор подходящего полового партнера.

Вместе с тем в литературе отмечается, что естественные запахи могут действовать на человека только со сравнительно небольшого расстояния [1, с. 20]. В этой связи роль обоняния в момент сближения мужчины и женщины значительно возрастает: чем ближе находится возлюбленный, тем лучше воспринимается его запах и, соответственно, тем благотворнее этот аромат влияет на физическом или более тонком – психоэмоциональном – уровне. Уменьшение дистанции между партнерами сопровождается ольфакторной оценкой естественного запаха мужчины, наделенной высокой эмоциональной окраской. Например, прилагательное *herrlich* в следующем контексте свидетельствует об интенсивном контакте с мужскими ольфакторными сигналами коммуникации, вызывающем восхищение, одухотворенность, любовную интригу у женщины: *Er streicht mir mit der Fingerspitze über die Wange. O Gott, seine Nähe, sein herrlicher Geruch. Eigentlich sollten wir reden, aber mein Herz hämmert, und mein Blut rauscht singend durch meinen Körper, lässt meine Lust erwachen <...> überall* [9, с. 481]; *Ich schmiege mein Gesicht an seine Brust, atme tief seinen herrlichen Geruch ein, doch in diesem Augenblick spüre ich bereits, wie er sich versteift <...> Verdammt. Ich öffne die Augen und sehe ihn an. Er fixiert mich mit starrem Blick* [9, с. 608].

Таким образом, можно утверждать, что как на начальных этапах формирования первого впечатления, когда женщина принюхивается к запаху мужчины, так и на поздних этапах развития интимных отношений запах возлюбленного становится не менее важным и волнующим элементом, вызывающим ее психофизиологические реакции.

Значительная доля проанализированного материала свидетельствует о том, что описание естественного запаха мужчины в большинстве своем встречается в контексте физиологической близости. Так, зависимость сексуального поведения женщины от обонятельной информации в современной науке формулируется четко: «Сейчас уже абсолютно достоверно известно, что кожа человека – это своего рода фабрика разнообразных феромонов. <...> не вызывает сомнений, что именно они во многом определяют сексуальную привлекательность женщин для мужчин и особенно мужчин для женщин» [2, с. 157]. Вместе с тем в литературе указывается, что феромоны имеют свойство быстро разрушаться в воздухе, поэтому «уловить молекулы феромонов, т. е. неосознанно почувствовать, подходит тебе этот человек или нет, можно только при относительно близком контакте, на небольшом расстоянии. Легче всего это сделать или летом, когда летучие молекулы феромонов легко испаряются с потом, или во время танцев, когда партнеров разделяет очень небольшое пространство, а то и вовсе не разделяет, если исполнять такой танец, который требует держать партнершу в объятиях» [2, с. 157]. Таким образом, эмо-

циональное восприятие женщины, связанное с естественным запахом любимого человека, в момент физиологической близости достигает максимального напряжения: все внешнее для нее исчезает, она не воспринимает ничего, кроме запахов, выделяемых интимными участками кожи мужчины. В свою очередь, интенсивность этих выделений у мужчины основана на «необходимости оставить свой обонятельный отпечаток на теле партнера, т. е. зафиксировать на нем свой индивидуальный запах» [4, с. 75].

Следует отметить, что эмоции, вызванные запахом возлюбленного при интимном общении, отличаются особой энергетикой и едва поддаются контролю женского разума. Проявляя любовные чувства к мужчине, женщина сталкивается с букетом самых разнообразных запахов. В этой связи обращает внимание ассоциация интенсивности запаха тела с сексуальной активностью, оказывающая во время физической близости стимулирующее воздействие на женщину. В рассматриваемом фрагменте наречие *aufdringlich* указывает на запах тела возлюбленного, настойчиво вторгающийся в сознание партнерши: *Beim Geschlechtsverkehr mit meinem Freund rieche ich seinen Körpergeruch, wie eine Aufforderung, wie eine Blume, die ein bißchen, ja schon fast aufdringlich riecht, so wie Mailöckchen ungefähr. Nicht vom Geruch her, sondern von der Intensität* [8, с. 68].

В свою очередь, при воздействии запаха мужского тела повышается интенсивность желания физической близости: *Er holte Decken aus dem Schrank und legte sie auf den Boden neben das Bett; dort wollte er schlafen. Wenn er sich bewegte, roch ich seinen Duft, den Duft seines Körpers voller gekonnt unterdrückter Lust. Gerne hätte ich diesen Duft in meine Arme gezogen und geküsst* [12, с. 16]. Соблазнительные запахи всего тела, вызывающие исключительно положительные ощущения, желание прикоснуться, погладить, поцеловать, и аромат развивают эмоциональную привязанность и любовь между мужчиной и женщиной. Иначе говоря, некоторые мужские запахи способны вызывать неосознанное иррациональное физическое влечение женщины отчасти потому, что им сопутствуют определенные значимые чувства. Так, запах пота мужчины, в обычной ситуации демонстрирующий сравнительно устойчивое неприятие, в интимной сфере свидетельствует о запаховой слепоте влюбленной женщины, характеризующейся неадекватной реакцией ее полового, эмоционального и двигательного возбуждения: *Teufel, er war im Fitness-Studio! Er trägt eine graue Jogginghose, die auf diese spezielle Art auf seinen Hüften sitzt, und ein graues, ärmelloses T-Shirt, das wie seine Haare dunkel von Schweiß ist. Christian Greys Schweiß – der Gedanke daran stellt seltsame Dinge mit mir an. Ich atme tief durch und schließe die Augen wie eine Zweijährige: Wenn ich ihn nicht sehe, sieht er mich auch nicht* [9, с. 81]. Выражение *seltsame Dinge anstellen* подтверждает, что запах мужчины может быть очень активным в отношении женщины, оказывая на нее странное влияние.

Ароматом, выделяющим любимого человека из числа сильной половины, является также запах его половых органов. Бесспорно, такой запах мужчины, не пользующегося расположением женщины, вызывает не только неприязнь, но и отвращение. Однако если речь идет о ее любимом, то ее отношение к запаху его плоти меняется: в момент сексуального сближения он из запаха превращается в аромат, включается в круг наиболее значимых благоуханий и окружается ореолом возвышенности: *Ich sah, wie sein Oberkörper enthüllt wurde, sein Bauch, seine Schultern, seine Arme. Die Schönheit seines Fleisches, von dem ich so oft geträumt hatte. Weniger makellos als verheißungsvoll, die Schönheit einer schweren Frucht, die bald vom Baum fällt, die Schönheit des Duftes einer Frucht, die man Sommers in einen warmen geschlossenen Raum gelegt hatte* [12, с. 14–15]. В рассматриваемом примере запахи, выделяемые органами мужской репродуктивной системы, опреде-

ляются женщиной как очень привлекательные, что демонстрирует страстную любовь, жажду обладания любимым человеком. Кроме этого, сравнение запаха с фруктом, забытым в замкнутом помещении в летнее время, свидетельствует об интенсивности, насыщенности аромата мужской плоти.

В свою очередь, ольфакторная оценка любимого человека может носить и сознательный характер. К таким реакциям относятся ассоциативные связи, сформированные из существенных представлений о возлюбленном. В этой связи описание определенного запаха свидетельствует о его роли в конкретной ситуации: *Es ist für mich zum Beispiel sehr erregend, wenn ich mit meiner Nase am Intimbereich meines Freundes bin und ich ein Gemisch aus Schweiß (kein unangenehmer Schweißgeruch) und Sperma rieche. Es riecht süßlich, aber vor allem Dingen nach Eisen. Als ich über den Geruch von Sperma nachdachte, kam mir auch die Assoziation von Primelduft oder von einer Räuchermakrele! Diese Mischung, aus dem "blumigen", dem frischen und dem metallischen Geruch, finde ich, trifft auch auf meinen Vaginalgeruch zu* [8, с. 104–105]. В рассмотренном фрагменте сравнение запаха пота и эякулята с цветочными ароматами и металлическими нотами акцентируется только в момент возбуждения, свидетельствуя тем самым о привычных представлениях, событиях и ощущениях женщины в определенные периоды интимной жизни. Очевидно, что аромат пота, появляющийся на коже возлюбленного во время физической близости, доставляет удовольствие, стимулирует физиологическую активность женщины.

Вместе с тем степень воздействия запаха мужского семени на женщину зависит от прочности эмоциональных уз, объединяющих влюбленных. В следующем высказывании характерными для мужского полового органа являются запахи кожи, соли либо мускуса, выступающие необходимыми возбуждающими средствами для женщины: *Wenn mein Freund schön gewaschen ist, habe ich keine Probleme, es mit dem Mund zu machen. Er riecht zwar immer noch nach Haut, Salz und bittersauer, aber angenehm. Manchmal riecht er auch nach Moschus oder so, dann fahre ich richtig auf ihn ab, ich glaube, das hängt mit seinem sexuellen Zustand zusammen* [8, с. 105]. Метафора *abfahren* указывает на специфическое воздействие запаха мужской плоти на поведение, физиологическое и эмоциональное состояние женщины. В состоянии возбуждения, особенно в период экстаза, запах репродуктивных органов мужчины превращается в тот букет, который остается в ее подсознании на всю жизнь и каждый раз оценивается как эффективный чувственный раздражитель.

Как видно, ассоциативные связи в интимной сфере всегда положительны. При этом субъективная ассоциация у женщины проявляется настолько ярко, что можно говорить о существовании отличительных черт в характеристике обонятельного восприятия, обеспечиваемого интимной областью любимого мужчины. Таким образом, его запахи в момент интенсивного полового возбуждения являются, по всей вероятности, наиболее сильными из известных для женщины ароматов, вызывающих зависимость ее сексуальности от обонятельных характеристик ее любимого человека.

Не вызывает сомнения тот факт, что запах возлюбленного способен проникать в сознание, ошеломлять партнершу, заставляя ее обонять аромат, пока тот не овладеет ею целиком. Использование в следующем контексте метафорически переосмысленного глагола *gefügt machen* подтверждает, что запах может диктовать агрессивные устремления по отношению к тому мужчине, который стал объектом вождения: *Es vergingen Unmengen an Ewigkeit, in denen ich zwischen seinen Armen vor Leidenschaft zerfloss. Er hatte sich auf dem Spülbecken aufgestützt und kesselte mich so mit seinen Armen zu beiden Seiten ein.*

Er schwieg und atmete mich wahnsinnig. Aus meinem Schreck wurde Erregung und meine Brust hob und senkte sich deutlich. Seine Nähe, sein männlicher Duft und seine Erregtheit, machten mich ihm gefügig und ich begann, mich ganz sacht, an ihm zu reiben [13, с. 108].

В другом примере вместо номинации *männlicher Duft* используется *Duft seiner Männlichkeit*, обе акцентируют внимание на естественном запахе мужчины, его мужественности и отражают его власть над женщиной. Так, под воздействием настоящего мужского запаха все женское существо с неизбежностью наполняется им: *«Zieh dich aus! Ich will dich berühren»*, *raunte Gavins Stimme in mein Ohr und ließ alle Härchen auf meinem Körper emporstreben. Augenblicklich ließ ich mein Kleid über die Schultern gleiten und es fiel lautlos zu Boden. Auch er entledigte sich zügig seiner Kleidung, sodass wir bald entblößt voneinander standen. Der herbe Duft seiner Männlichkeit und seiner Lust strömte mir entgegen und ließ mich erschauern* [13, с. 125].

Аромат любимого человека имеет выраженные мужские черты, он не признает никаких ограничений, является могучим и агрессивным, обладает свойствами охотника: *«Die Düsen sind so positioniert, dass sie dem unterschiedlichen Körperbau einer jeden Kundin gerecht werden» – murmelte er. Seine Wange lag ganz dicht an der ihren, sein warmer, würziger Duft erfüllte ihre Sinne* [11, с. 27].

Способность запаха любимого мужчины оказывать психологическое и физиологическое воздействие на женщину в следующем ниже фрагменте выражено причастием *betörend*. Под воздействием запаха возлюбленного теряются рассудок, бодрствующее сознание, преобладает желание раствориться в любимом человеке: *Er will mich sehen, er will mich hören, er will mit mir all die unerhörten Dinge machen und ich will nur ihn. Seinen Körper an meinem. Seine zarte und brennende Haut, seinen rauen Bart, seine festen Muskeln, seinen betörenden Duft, seine zusammengekniffenen Augen, die mich so ansehen, als sei ich die attraktivste Frau auf der ganzen Welt, seine teuflische Stimme und seine Worte, die immer mehr fordern* [7, с. 98]. Ольфакторная неадекватность, вызванная дурманящим запахом мужчины, может выражаться также прилагательным *schwül*: *Sie hatte das Gefühl, in ein dunkles Gewässer gefallen zu sein und vor Gefühl zu ertrinken. Diese Hitze. Die harte Kraft seines Körpers. Sein schwüler Duft. Sein dunkler würziger Geschmack. Er überwältigte ihre Stimme mit der schieren Wucht seiner unverhüllten Männlichkeit* [10, с. 341].

Таким образом, одна из особенностей мужского запаха заключается в его принудительном, доминантном характере, застающем женщину врасплох и вызывающем отчетливое чувство растерянности, пораженности. Для вербализации такого воздействия используется метафорический язык естественных запахов мужчины, имеющий большую глубину выразительности, позволяющий показать их малейшие нюансы и сигнализирующий об изменении их интенсивности [3, с. 191]. Помимо этого, запах в некоторых случаях описывается без указания на качественные характеристики, когда констатируется наличие ощущаемого аромата, вызывающего приятные эмоции: *Er hält mir die Jacke hin. Als ich hineinschlüpfte, muss ich an den Tag in seinem Büro denken, als er mir in die Jacke geholfen hat – an diesem Tag sind wir uns das erste Mal begegnet –, und an die Wirkung, die er auf mich hatte. Nichts daran hat sich geändert; im Gegenteil – sie hat sich sogar noch verstärkt. Sein Jackett ist warm und viel zu groß, und es riecht nach ihm...* [9, с. 260].

Когда мужчина и женщина выбирают друг друга в качестве половых партнеров, значительное влияние на обонятельную оценку запаха оказывают другие сферы восприятия. Проведенный анализ свидетельствует о следующих синестетических переносах, характеризующих субъективно-оценочными, чувственно-наглядными либо чувственно-

вкусовыми признаками. Так, например, субъективная оценка свежести и чистоты волос мужчины передается номинациями *sauber*, *frisch* и воспринимается как приятный, привлекательный для восприятия запах, доставляющий удовольствие женщине: *Ich berühre Christians Arm und schreie ihm ins Ohr: «Sie ist auf der Tanzfläche!» Dabei berührt meine Nase seine Haare, und ich rieche seinen sauberen, frischen Duft. All die verbotenen, unbekannten Gefühle, die ich zu leugnen versucht habe, drängen an die Oberfläche. Ich werde rot, und tief in mir ziehen sich die Muskeln auf höchst angenehme Weise zusammen* [9, с. 77].

В следующем отрывке, ввиду чувственно-наглядного признака естественного запаха волос мужчины *frisch*, *sauber*, возникают оценки *himmlisch*, *verführerisch*, смысловое наполнение которых передает особенность женского эмоционального восприятия: *Wenn ich mich ein wenig nach vorne beugen könnte, wäre meine Nase in seinen Haaren. Er riecht sauber, frisch, einfach himmlisch, doch ich bin mehr oder weniger bewegungsunfähig. Er hebt amüsiert den Blick. Seine Augen glühen. Gott, wie verführerisch* [9, с. 106].

В другом тексте, в метафорической модели обонятельного образа мужских губ можно наблюдать сравнение с лилиями (*Lilien*), где кроме синестезии *fließender Myrrhe* на жидкую субстанцию мирры указывает метафора *triefen*. Запах мирры употребляется для обозначения насыщенного приятного аромата, исходящего от мужчины, и сообщает информацию о его половой зрелости: *Seine Wangen sind wie Balsambeete, in denen Gewürzkräuter wachsen. Seine Lippen sind wie Lilien, die von fließender Myrrhe triefen* [5, с. 54].

Запахи, выделяемые кожей мужчины, включаются в интимное общение в тот момент, когда он вступает в телесное соприкосновение с женщиной, и становятся неким материальным объектом, который можно попробовать на вкус. В следующем высказывании метафорически переосмысленные вкусовые признаки *süßlich*, *herb* сочетаются с обозначениями запаха травы, аромата гвоздик, оцениваются как *unbeschreiblich schön*, запах кожи мужчины воспринимается как неопишимо привлекательный, прекрасный аромат: *Ebenso finde ich es wunderbar, an der Haut meines Freundes einfach nur zu riechen, besonders am Oberkörper. Der (fast) natürliche «Hautduft», schwankend zwischen süßlich, herb, nach Gras, Nelken oder auch natürlich etwas nach Schweiß riechend, verbunden mit der Wärme, ist unbeschreiblich schön* [8, с. 104–105].

Резюме. На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать выводы, характеризующие запаховую репрезентацию мужчины в романтическом дискурсе.

Запах часто вовлекается в сферу интимных отношений и наделяется такими характеристиками, как *männlich*, *angenehm*, *tierisch gut*, *herrlich*, *schön*, *unbeschreiblich schön*, *süßlich*, *herb*, *würzig*, *warm*, *frisch*, *blumig*, *sauber*, *himmlisch*, *schwül*, *betörend*, *aufdringlich*. Особенностью описания естественного запаха мужчины является также использование синестетических метафор, основанных на чувственно-наглядных либо чувственно-вкусовых признаках.

Кроме этого, частотными глаголами являются *abfahren*, *erfüllen*, *erschauern*, *gefügig machen*, *triefen*, *betören* и их производные, так как ввиду отсутствия у них семантического компонента «способ восприятия запаха» они метафорически передают способность запаха любимого мужчины оказывать психологическое и физиологическое воздействие на женщину.

В группу мужских запахов входят мускус, мирра, первоцвет, лилия, гвоздика, определяющие ольфакторную привлекательность мужчины как представителя противополо-

ложного пола. Они хорошо сочетаются с запахами пота, кожи и т. д., выделяемыми его железами внутренней секреции.

В интимном общении запах мужчины описывается как важный и волнующий элемент, усиливающий эмоциональную привязанность и любовь: он дает женщине чувство защищенности, интригует, диктует агрессивные устремления или превращается в эффективный чувственный раздражитель.

Запах любимого человека для женщины всегда положителен, он воспринимается ею как аромат цветов, пряностей и влияет на ее подсознание. Его интенсивность и насыщенность ассоциируются с сексуальной активностью, поэтому запах, выделяемый мужчиной в момент физической близости, надолго вызывает психофизиологическую зависимость женщины.

В целом оценка ароматов зависит от степени знакомства женщины с мужчиной, связи между его запахами и ее чувственностью, доверительности отношений между влюбленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ароматы и запахи в культуре* : в 2 т. Т. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 672 с.
2. *Каменский А. А., Сарычева Н. Ю.* Нос не только для обоняния // Актуальные проблемы биологии : сборник статей / сост. И. Б. Морзунова. – М., 2014. – С. 145–158.
3. *Трофимова Н. А.* Роль одорических репрезентаций в процессе смыслопорождения (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер») // *Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков.* – Вып. 4. – СПб. : НИУ ВШЭ, 2012. – С. 188–197.
4. *Трофимова Н. А., Осипова В. В.* Ольфакторность как предмет исследования // *Ученые записки. Т. 26 : Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода.* — СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2014. – С. 72–82.
5. *Allende I.* Aphrodite: eine Feier der Sinne. – Frankfurt am Main : Verl. Suhrkamp, 1998. – 328 S.
6. *Anderson L.* Wilder Zauber des Verlangens. – Köln : Bastei Lübbe, 1998. – 543 S.
7. *Bevarly E.* Milliardär meines Verlangens. – Hamburg : Cora, 2011. – 127 S.
8. *Ebberfeld I.* Körperdüfte. Erotische Geruchserinnerungen. – Königstein : Ulrike Heimler Verlag, 2001. – 194 S.
9. *James E. L.* Fifty shades of grey. Geheimes Verlangen. Band 1. – München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2012. – 608 S.
10. *Monica M.* Mein geliebter Highlander. – New York : Ballantine, 2010. – 512 S.
11. *Reed S.* Was immer du willst. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 2015. – 400 S.
12. *Reyes A.* Die siebte Nacht. – Berlin : Berlin Verl. Taschenbuch, 2013. – 80 S.
13. *Sibylle K.* Die Marquise de Sade. – Hamburg : Hoffmann und Campe, 2006. – 318 S.

UDC 811.112.2'373.72

V. V. Mamtseva

OLFACTORY REPRESENTATION OF THE MAN IN ROMANTIC DISCOURSE

Military University of the Ministry of Defence of the RF, Moscow, Russia

Abstract. The subject of consideration in the present article is the olfactory image of the man in the context of the romantic intersexual relations treated as expression of tender feelings to each other; analyzes some text fragments of literary works describing emotional attachment and love between the man and the woman; considers the issues of language expression of erotic, aggressive and estimated characteristics of a smell of the man, reveals some specific features of the use of the lexemes for expressing olfactory feelings.

Keywords: *man's smell, metaphor, synesthesia, olfactory aggression, odoric, romantic discourse.*

REFERENCES

1. *Aromaty i zapahi v kul'ture* : v 2 t. T. 2 / sost. O. B. Vajnshtejn. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 672 s.
2. *Kamenskij A. A., Sarycheva N. Ju.* Nos ne tol'ko dlja obonjanija // Aktual'nye problemy biologii : sbornik statej / sost. I. B. Morzunova. – M., 2014. – S. 145–158.
3. *Trofimova N. A.* Rol' odoricheskikh reprezentacij v processe smysloporozhdenija (na materiale romana P. Zjuskinda «Parfjumer») // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. – Vyp. 4. – SPb. : NIU VShJe, 2012. – S. 188–197.
4. *Trofimova N. A., Osipova V. V.* Ol'faktornost' kak predmet issledovanija // Uchenye zapiski. T. 26 : Sovremennye problemy filologii, mezhkul'turnoj kommunikacii i perevoda. — SPb. : IVJeSJeP ; Znanie, 2014. – S. 72–82.
5. *Allende I.* Aphrodite: eine Feier der Sinne. – Frankfurt am Main : Verl. Suhrkamp, 1998. – 328 S.
6. *Anderson L.* Wilder Zauber des Verlangens. – Köln : Bastei Lübbe, 1998. – 543 S.
7. *Bevarly E.* Milliardär meines Verlangens. – Hamburg : Cora, 2011. – 127 S.
8. *Ebberfeld I.* Körperdüfte. Erotische Geruchserinnerungen. – Königstein : Ulrike Heimler Verlag, 2001. – 194 S.
9. *James E. L.* Fifty shades of grey. Geheimes Verlangen. Band 1. – München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2012. – 608 S.
10. *Monica M.* Mein geliebter Highlander. – New York : Ballantine, 2010. – 512 S.
11. *Reed S.* Was immer du willst. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 2015. – 400 S.
12. *Reyes A.* Die siebte Nacht. – Berlin : Berlin Verl. Taschenbuch, 2013. – 80 S.
13. *Sibylle K.* Die Marquise de Sade. – Hamburg : Hoffmann und Campe, 2006. – 318 S.

© Mamtseva V. V., 2017

Mamtseva, Vera Vladimirovna – Lecturer, Department of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defence of the RF, Moscow, Russia; e-mail: rusosipova@gmail.com

The article was contributed on April 11, 2017

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. АЙГИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье представлен анализ пространственных мифологических кодов поэзии Геннадия Айги. Его поэзия объяснена и проинтерпретирована с точки зрения тех смыслов, которые содержит в себе традиционная чувашская культура. Особое внимание уделено таким собирательным архетипам чувашской культуры, как дорога, поле и лес, которые задали смыслообразующие координаты его поэтическому тексту. Методом литературоведческой и культурологической интерпретации выявлены основные черты творчества Г. Айги.

Ключевые слова: *Айги, мифология, архетип, дорога, поле, лес, чувашская культура.*

Актуальность исследуемой проблемы. Литература – это сфера художественного творчества, которая наиболее верно реконструирует мифоидные сюжеты и образы. Современная культура предлагает «мифы индивидуальностей», что выражается в поиске уникальных средств самовыражения.

Тем не менее сюжетика, персонажи, мотивы, стилистика художественных произведений имеют свою «археологию». Ф. Боас утверждал: «Можно сказать, что вселенные мифов обречены распасться, едва родившись, чтобы из их обломков родились новые вселенные» [7, с. 72]. Литература тем значительнее, чем ближе она обращается к этим обломкам. Смыслообразующими координатами, по мнению В. А. Маркова, являются такие образы (архетипы), как дорога, схватка, жертвенность, ритуальное очищение, живые и мертвые, человек и божество, Адам и Ева, изгнание из рая, вечный поиск, молитвы и обеты, утопические проекты, «коммунитас». Естественно, что многие из данных образов справедливы для литературы, выросшей из западной культуры. Любая этническая мифология задает, таким образом, определенные пути миропонимания и матрицы значений. На примере творчества Г. Айги мы рассмотрим мифологические основания чувашской культуры и обозначим те образы, которые связаны с осмыслением пространства.

Материал и методика исследований. В своем исследовании мы опирались на труды А. К. Салмина «Традиционные обряды и верования чувашей», «Система фольклорной культуры чувашей». Источником анализа выступила поэзия Геннадия Айги, представленная в сборниках «Все дальше в снега», «Здесь: избранные стихотворения. 1955–1988», «Отмеченная зима», «Стихи разных лет. 1955–1989». Методологической базой анализа его литературного творчества является концепция архетипов К. Г. Юнга и Л. Леви-

© Никитина А. В., 2017

Никитина Александра Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: dddasa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2017

Брюля. Кроме того, были использованы методы литературоведческой и культурологической интерпретации поэтического текста.

Результаты исследований и их обсуждение. Архетипы, согласно аналитической психологии, относятся к бессознательным содержаниям культуры того или иного народа и выражаются в символических фигурах культурных текстов. Интерпретируя концепцию К. Г. Юнга, В. А. Марков утверждает: «Если архетипы образуют своеобразный психический генотип, то их конкретные культурно-исторические и личностные реализации можно сопоставить с фенотипом. Отсюда бесконечное разнообразие символических решений, порожденных мифомышлением, фольклором, литературой, искусством, – образов земли и неба, солнца и луны, пространства и времени, добра и зла... А корневая система для всех откровений остается единой» [7, с. 72].

Таким образом, цель данной работы – определить личностные реализации архетипа, важные для чувашской культуры. Необходимость данного исследования определена, во-первых, разрушением чувашской идентичности, невозможностью понять свой культурный код. Айги, инкорпорируя архетипы чувашской культуры в свое творчество, тем самым выводит их за пределы собственной культуры. Идентичность выстраивается, таким образом, посредством установления различий. Иными словами, для любой идентификации необходимо противопоставление. А во-вторых, как творчество М. Шагала невозможно понять без хасидских притч, так и творчество Г. Айги немыслимо без чувашской мифологии.

Мы рассмотрим такие архетипы, как дорога, поле, лес.

Архетип дороги формируется уже в первых мифах. Он возникает в процессе очеловечивания пространства, обживания мира через странствия первых людей. Путь мифических пионеров заканчивается условной «точкой» – топографически характерным символом (камень, скала). «Странствия предков станут прообразом для ветхозаветных сюжетов (исход, блуждания иудеев в пустыне на пути к земле обетованной...). Мифы оживают, когда мы читаем “историю великого переселения народов”» [7, с. 84]. Складывается архетип дороги, который находит разнообразные воплощения в литературе: странствия Одиссея, Луция из «Метаморфоз» Апулея, Гулливера, байроновского Чайльда-Гарольда, поездки Чичикова и т. д. Часто дорога в европейской культуре мыслится как метафора жизни, по дорогам которой в поисках тайны смысла своего существования скитается человек.

Для чувашской культуры характерно иное понимание дороги – это страдания, одиночество, разлука, смерть. Возможно, это связано с реалиями чувашской истории (дорога как символ поиска новой жизни, вынужденного ухода от привычного уклада), однако наиболее, на наш взгляд, верное объяснение заключается в пограничном характере дороги, она есть линия, отделяющая «свое» и «чужое». Даже Млечный Путь мыслился как дорога, по которой души умерших людей уходят в другой мир. Элементом чувашского костюма замужней женщины выступает сурпан – покрывало в виде полосы белого холста с украшенными вышивкой краями. Часто сурпан являлся символом пути: «В загадке сурпан, растянутый в поле, означает пеший путь» [9, с. 105]. А сурпан – это предмет, выделяющий замужнюю женщину, отделяющий ее от прочих.

В поэзии Г. Айги подобное понимание дороги имплицитно присутствует во многих стихотворениях, например в «Вспоминается в рост» (1962):

и где-то у пыльной дороги
орешника долгий и стершийся край –
как вдоль плачущего одного;
и ясно прощается друг,
и думают снова: «да едут же где-то к деревьям,
снится же что-то другое;
и были же корни не здесь,
а мука сильнее оказалась [3, с. 44]

«Пыльная дорога» ассоциируется с орешником (тем деревом, которое, по мнению чувашей, находилось под покровительством Тура), с одиночеством и с разлукой с другом. Стихотворение можно прочесть сугубо мифологически: человек, отправляющийся в дорогу, – покойник, уходящий в иной мир, к своим предкам (корням). «Едут к деревьям» – это сложный мифологический образ: деревья окружали сакральные места, дерево мыслилось как организм, имеющий душу, на деревьях обитают духи и боги, дереву поклонялись чуваше, и даже сейчас продолжают существовать разнообразные поверья, связанные с деревьями. Таким образом, «едут к деревьям» может пониматься как «возвращение к истокам».

Ради справедливости стоит отметить, что «мифологическая картина мира бинарна, поэтому герои существуют одновременно на этом и на том свете» [5, с. 46]. Действительно, дискурс чувашской культуры допускает и другое понимание дороги, ведь если однажды дорога уведет от дома, то так же она и приведет обратно. В этом случае ее символика будет однозначно решена в положительных тонах. Так, в стихотворении «Поле – без нас» (2003) дорога рисуется в светлых тонах:

дорога все ближе поблескивает: будто поет и смеется!
легка – хоть и полная – тайн
словно все более светится светом ее
Бог – долго-внезапный!.. – о пусть не споткнется – и пусть доберется
до брошенной деревушки!
ласточки реют – светясь
словно воздушная – все ближе над полем
веет – теперь уже чем-то «домашняя»
дорога – как шепот!
как чье-то дыхание
в дверь [1, с. 15]

Дорога здесь представлена как нечто светлое, легкое, домашнее. Интересное прочтение данное стихотворение приобретает, если обозначить его мифологическое основание. Наиболее древним обрядом чувашей был праздник сёрен, который проводили во время весеннего чествования духов предков в целях очищения домашнего пространства деревни. А. К. Салмин отмечает: «Это один из важнейших обрядов в жизни чувашей. Он характеризуется наибольшей сакральностью. Поведение не только непосредственных участников, но и всех сельчан во время сёрена было безупречным... И сегодня подобные обряды среди некрещеных чувашей сопровождаются тихим (почти шепотом) разговором» [9, с. 77]. Таким образом, приведенное стихотворение рисует

дорогу Бога на пути к очищаемой деревне. Это освобождение от злых сил, ежегодно повторяемое «одомашнивание» повседневного мира. Солнечные лучи – дыхание Бога, его шепот, его благословение.

Архетип дороги в творчестве Айги часто перекликается с архетипом поля. Поле в русской культуре – это прежде всего засеянное, окультуренное и одомашненное, символ плодородия и женщины. В чувашской культуре символика иная. Поле – это мир мужчины. Так, А. К. Салмин описывает: «В сурхури мужчины идут в поле “послушать землю”. Придя на место, они очерчивают топором вокруг себя “железную ограду”» [9, с. 150]. Кроме того, поле очевидно отделено от домашнего пространства. Поле – это место разгула сил, поэтому ночью туда лучше не выходить; это еще и место свершения, события, поэтому именно на поле совершались групповые моления. Поле – это место, где прощаются. Все обряды, так или иначе связанные с разлукой, уходом кого-то, совершались в поле. Подобная семантика легко заметна в творчестве Г. Айги. «Поле» вынесено в заголовок, в название: «Поле – до ограды лесной» (1961), «Поле – весь год – за окном» (1968), «Поле: в разгаре зимы» (1970), «Поле: туман» (1971) и т. д.

Поле – это место, где обнажаются сущности, где приходит понимание, но оттого назад дороги нет, поэтому человек, вышедший в поле, одинок. В стихотворении «Гуашь» читаем: «Земля – вся из этого поля; тьма; одиночество». Тьма – это и есть символ отсутствия, человек предстает изгоем: «Где я? куда возвращаться мне?» [3, с. 475]. Поэтому часто с образом поля совместны такие символы одиночества, отсутствия, потерянности, как зима, туман. Истоки подобного понимания поля лежат в истории чувашского народа: мужчин часто забирали на войны во времена Казанского ханства, Русского государства. В чувашской культуре сложились обряды, связанные с прощанием рекрутов. А. К. Салмин: «Рекрут прощался со своей любимой у сосны, растущей примерно в 1 км от деревни, целовал жену или девушку и оставлял ей платок, которым он размахивал, прощаясь с деревней» [9, с. 172]. Сосны высаживали в поле, в отдалении от деревни. Таким образом, поле является местом разрыва с отчим домом, с домашним пространством. Поэтому во многих чувашских деревнях поле и огород отделены от дома и двора.

Особенно четко это понимание поля обозначено в стихотворении «Ветка вербы в окне» (1976):

все поле мерещится поле пустое о минус-мой-друг
Боже! такой же заброшенности
мокрой как кость
такой же оставленности [3, с. 253]

Однако существует и «биографическое» поле, связанное с детством и отчим домом: «Я родился и вырос в чувашской деревне, окруженной бескрайними лесами, окна нашей избышки выходили прямо в поле, – из поля и леса состоял для меня “весь мой мир”. Знакомясь по мировой литературе с “мирами-океанами”, с “мирами-городами” других народов, я старался, чтобы мой мир “Лес-Поле” не уступал бы по литературной значимости другим общеизвестным “мирам”, даже по мере возможности приобрел бы некую “общезначимость” <...> Я хотел малое возвысить до Большого, сделать его общезначительным» [2, с. 245].

Домашнее поле, видимое из окна, – это предел мира, ограниченного полосой леса. Здесь «наше» и «мое» перемежается с «чужим», здесь Айги встречается с самим собой с

двух краев: со стороны дома как ребенок смотрит на повзрослевшего себя со стороны леса. К примеру, в стихотворении «Поле – до ограды лесной» мы увидим то самое поле, по мере удаления от дома меняющее свое качество:

после белого поля – широкого нашего –
постепенно чужого
перекладина – издали наша – а пока я бунтую – моя
и царсово-садо бело на юру
сарабанда-пространство
чистая без удара и опять без удара
одиноким и взрослым я с этого края пойму
цвет до края того
там после зеленого логова
двойника людского понятия «поле» [3, с. 45]

В связи с этим возникает двойничество лирического героя: он в двух измерениях, временных и пространственных, присутствует на одном и том же поле, которое выступает как место предельной заостренности бытия, как в стихотворении «Сон: дорога в поле» (1967):

зачем тебе – почти несуществующему
искать другого –
праха не имеющего? [3, с. 139]

Однако относительно архетипа поле следует отметить, что это универсальный символ для Айги. Он состоит из многих планов и наслоений чувашской, русской, европейской культур.

Что касается леса, это необходимая часть мира чувашей. Многие исследователи чувашской культуры отмечали «загнанность» чувашского народа в леса [10, с. 109]. Лес, по их представлениям, возник вместе с рождением Вселенной и потому является своего рода его миниатюрой. В нем есть и злые, и добрые духи. «Пройти через лес – это все равно что преодолеть ужасное препятствие. В таких случаях обращаются к добрым божествам с просьбой оградить от опасной ситуации... Лесные тропы всегда полны неожиданностей» [6]. Отсюда всегда настороженно-восторженное отношение к лесу, характерное для поэзии Айги: «Лес-Мирозданье с единственной птицей: с криком-душой» («На тему Божи-дара», 1965) [3, с. 413].

Деревья в лесу – это живые существа, которые соотносимы с людьми, живущими рядом. Интересен в этом контексте следующий обряд, описанный А. К. Салминым: «Отсюда – спиливание свежерастущего живого лесного дерева для изготовления памятного надгробного столба. Столбу придается антропоморфный вид, и он служит заместителем умершего. Однако важно указать на два одновременно происходящих действия: умершего провожают навсегда в иной мир, а дерево переносится из леса на могилу. В лесу убавилось одно живое существо, а в ином мире прибыло» [8, с. 515]. Живое и мертвое деревья являются символами человека живущего и умершего, символами души лирического героя. Душа дерева и душа человека соотносимы и связаны:

Ночь. Двор. К птицам на ветках притрагиваюсь – и не взлетают. Странные формы. И что-то людское – в безмолвной понятливости.

Средь белых фигур – наблюденье такое живое и полное: словно всю жизнь мою видит единая – с темных деревьев: душа.

(«Вид с деревьями», 1979) [3, с. 327]

Ночь – это время действия мифического, она скрадывает несущественные детали и заостряет только самое важное: двор, странные фигуры непугающихся птиц, темные деревья: метафизический ландшафт конкретного вневременного мира, место встречи с душой.

В чувашской мифологии стена из леса – это то пограничное пространство, которое отделяет человека от мира его жизни, это некий рубикон, который в определенных моментах необходимо перейти. В сущности, это ограда, спасение от напастей чужого мира. Айги говорит об этом прямо в интервью: «Я чуваш, мой первый язык чувашский. Мою деревню, которая находилась на крайнем севере Чувашии, в тридцати километрах от Чебоксар, окружали бесконечные леса, в которых чуваша скрывались от татар, от русского крещения. Леса и болота начинались прямо у деревни, а то, что находилось на той стороне леса, было непонятно, потому что никто туда не добирался. Была такая самозащита – обособленность» (Б1).

Лес – это то сакральное пространство, которое использовалось и для совершения определенных обрядов и ритуалов. В частности, небольшие рощи недалеко от деревни становились местами поклонения Киремети. Деревья воспринимались как часть мира Киремети, поэтому они были неприкосновенны. Естественно, чувашский народ, пройдя христианизацию (в дореволюционный период) и борьбу с религией (в советское время), не сохранил саму обрядность, но до сих пор отдельные места, где раньше находилась Киремень, обозначены запретительной символикой сакрального места. В творчестве Айги можно увидеть следы подобного понимания рощ:

словно чащи в лесу облюбована нами суть тайников берегущих людей
и жизнь уходила в себя как дорога в леса и стало казаться ее иероглифом мне слово
«здесь»

(«Здесь», 1958) [4, с. 24]

В связи с лесом часто появляется образ поляны. Окруженная деревьями, она также являлась сакральным местом, в котором располагалось святилище. В стихотворении «И снова – лес» (1969) поляна озарена присутствием божественного:

что за места в лесу? поет их – Бог
и слышать надо – о уже пора! –
их не во времени
а в высшем голосе:
где как идея ночь светла
и ясен день как Бога ум:
пусть – так поются! это наше счастье
что так их можем представлять! –
но есть – не только представляемое:
есть светлое один – в любой поляне [3, с. 160]

В творчестве Айги значимы и конкретные деревья: береза, ива. Все они имеют значение для чувашского лесного мировоззрения. Так, береза соотносится с божественными ипостасями, женскими образами и образом смерти. Поэтому у чувашей существовали запреты (некоторые из них существуют до сих пор), связанные с березой:

<...>

березы (две – за одиноками – как «есть»
умершего – воротами
с печальной вывескою «Ясли»):
березы (как вода что в лед обращена)!

<...>

(«Две березы», 1972) [2, с. 129];

<...>

и сам я – шуршащий:
«а может быть Бог...» –
шепот в березах:
«умер...»

<...>

(авторская пунктуация) («Шумят березы», 1975) [3, с. 242]

Ива считалась символом жизни и божественного огня, в силу гибкости ее использовали в качестве материала для изготовления домашней утвари, а по причине множественности и неисчислимости ивы она осмысливалась как символ плодородия:

вдруг
понимаю
что душу твою вспоминаю
в тумане вдали наблюдая
подъемы теперь острова перепады вершин серебристых
ивовой рощи
спокойной
(и чем-то
«потусторонней»)

<...>

(«Снова – ивы», 1980) [3, с. 348]

Необходимо отметить, что те мифологические образы-архетипы, которые мы рассмотрели в статье, имеют сложную и неоднородную структуру, но в контексте чувашской культуры и мифологии они получают другое измерение, но что самое интересное: стихотворение как будто расшифровывается, становится понятным ее образный и символический ряд. Мифологические образы традиционны для культуры и литературы, но прежде всего они являются частью личного мира, фактом биографии. О субъектности в творчестве Айги, которая строится именно на биографическом материале, писала Н. А. Фатеева [11].

Геннадий Айги, родившийся в селе Шаймурзино Батыревского района в семье последнего жреца, впитал в себя сложные проекции мифического, которое изливается в «шуршании листвы» (выражение Питера Франса, одного из исследователей творчества Айги). Из этих проекций, обрывков прошлого и детского формируется иероглифическая структура его поэтического текста. Она разгадывается в традициях разных культур, но расцветает только в чувашской. А. Хузангай писал: «Поэзия Айги мне кажется очень простой – нужно лишь внимательно ее читать и прислушиваться к местам-голосам. И в то же время, если признать ее разговором о себе и о своей родине перед всем миром («Простое желание – что-то рассказать об облике своей страны другим, – людям иных ландшафтов, иных культур. Так и возникали “мои” поля и леса, возникал снег, белея “до символа”») и найти для этого разговора свой особый язык, – это не будет так просто. У этого языка есть свои метаграмматика и метафизика, а топология поэтического мира Айги определяется не просто чувственно зримыми и слышимыми местами. Скорее можно было бы назвать их, следуя Платону, «наднебесными местами» (*hiperouranioi topos*). Да и разговор с самим собой – самый сложный» [12, с. 219]. Действительно, вся мифопоэтика Геннадия Айги – шифр приватного и чувашского: поле – это не просто чувашское поле, а конкретное, находящееся перед его домом, лес – это вид из окна его дома, дорога – это его личный путь; это геометрия внутренних и «наднебесных» пространств поэта.

Резюме. Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что творчество Г. Айги во многом опирается на традиции чувашской культуры и мифологии. Мы рассмотрели, как в его творчество инкорпорируются смыслы, вложенные в такие архетипы чувашской культуры, как дорога, поле и лес. Мы выявили, что особенностями его творчества в данном аспекте являются, во-первых, привлечение биографического для открытия универсального чувашского символа, во-вторых, наложение в рамках одного поэтического текста пластов чувашской, русской и европейской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айги Г. Все дальше в снега. – Чебоксары : Free poetry, 2005. – 32 с.
2. Айги Г. Здесь : избранные стихотворения. 1955–1988. – М. : Современник, 1991. – 289 с.
3. Айги Г. Отмеченная зима. – Париж : Syntaxis, 1982. – 625 с.
4. Айги Г. Стихи разных лет. 1955–1989. – М. : Советский писатель, 1992. – 320 с.
5. Бычкова О. А. Поэтика произведений Дениса Осокина // История русского литературного процесса XI–XX вв. и закономерности его развития на современном этапе : сборник трудов конференции. – Чебоксары, 2015. – С. 44–48.
6. Ермакова Г. А. Художественная философия Айги // Регионология. – 2004. – № 3(48). – С. 227–235.
7. Марков В. А. Миф. Символ. Метафора. Модальная онтология. – Рига : Латвийская АН, Институт философии и социологии, 1994. – 347 с.
8. Салмин А. К. Система фольклор-религии чувашей. – СПб. : Наука, 2007. – 605 с.
9. Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. – СПб. : Наука, 2010. – 240 с.
10. Степанова Н. И. Чувашский этнос как объект исследования в русской публицистике XIX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2(86). – С. 107–113.
11. Фатеева Н. А. К проблеме субъектности в творчестве Г. Айги // Russian Literature. – 2016. – Т. 79–80. – С. 125–133.
12. Хузангай А. Вопросание о Боге // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 79. – С. 217–221.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Б1 – Беседа Ирины Врубель-Голубкиной с Геннадием Айги «Я – малевичанец...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zerkalo-litart.com/?p=1746>.

MYTHOLOGICAL IMAGES OF SPACE IN THE WORKS OF G. AYGI

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the analysis of the spatial mythological codes in the poetry of G. Ayghi. The poetry of G. Ayghi is explained and interpreted from the point of view of those meanings that the traditional Chuvash culture contains. The author pays special attention to such collective archetypes of the Chuvash culture as “road”, “field” and “forest”, which set the sense-forming coordinates for the poetic text by G. Ayghi. The main features of G. Ayghi’s creativity are revealed by means of the literary and cultural interpretation.

Keywords: *Ayghi, mythology, archetype, road, field, forest, Chuvash culture.*

REFERENCES

1. *Ajgi G. Vse dal'she v snega.* – Cheboksary : Free poetry, 2005. – 32 s.
2. *Ajgi G. Zdes' : izbrannye stihotvoreniya. 1955–1988.* – M. : Sovremennik, 1991. – 289 s.
3. *Ajgi G. Otmechennaya zima.* – Parizh : Syntaxis, 1982. – 625 s.
4. *Ajgi G. Stihy raznykh let. 1955–1989.* – M. : Sovetskij pisatel', 1992. – 320 s.
5. *Bychkova O. A. Pojetika proizvedenij Denisa Osokina // Istorija russkogo literaturnogo processa XI–XX vv. i zakonomernosti ego razvitiya na sovremennom jetape : sbornik trudov konferencii.* – Cheboksary, 2015. – S. 44–48.
6. *Ermakova G. A. Hudozhestvennaya filosofija Ajgi // Regionologija.* – 2004. – № 3(48). – S. 227–235.
7. *Markov V. A. Mif. Simvol. Metafora. Modal'naja ontologija.* – Riga : Latvijskaja AN, Institut filosofii i sociologii, 1994. – 347 s.
8. *Salmin A. K. Sistema fol'k-religii chuvashkej.* – SPb. : Nauka, 2007. – 605 s.
9. *Salmin A. K. Tradicionnye obrjady i verovanija chuvashkej.* – SPb. : Nauka, 2010. – 240 s.
10. *Stepanova N. I. Chuvashskij jetnos kak ob'ekt issledovanija v russkoj publicistike XIX veka // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva.* – 2015. – № 2(86). – S. 107–113.
11. *Fateeva N. A. K probleme sub'ektnosti v tvorcestve G. Ajgi // Russian Literature.* – 2016. – T. 79–80. – C. 125–133.
12. *Huzangaj A. Voproskanie o Boge // Novoe literaturnoe obozrenie.* – 2006. – № 79. – S. 217–221.

SOURCES AND MATERIALS

B1 – Beseda Iriny Vrubeľ-Golubkinov s Gennadiem Ajgi «Ja – malevicheanec...» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://zerkalo-litart.com/?p=1746>.

© Nikitina A. V., 2017

Nikitina, Aleksandra Valeryevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Literature and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: dddddasa@mail.ru

The article was contributed on June 16, 2017

УДК 821.512.111-13«Улып»

С. Ю. Поликарпова

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦЫ В СТИЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХВЕДЕРА СЮИНА «УЛЫП. ЧУВАШСКИЙ ЭПОС»

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению значения и функции пословиц в эпическом произведении Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос». В ходе исследования было определено функциональное значение данного малого жанра, выявлены основные формы бытования пословиц, которые становились необходимыми дополнителями образности в тексте. Было отмечено, что самой распространенной формой пословицы является наставление. В исследовании также выявлялись специфичность пословиц и их роль в поэтической системе героического эпоса чувашского народа.

Ключевые слова: героический эпос, чувашский эпос, поэтика, малый жанр, пословица, герой, образ, Улып, язык.

Актуальность исследуемой проблемы. Пословица – элемент поэтики малых жанров чувашского фольклора да и литературы в целом [12]. Она структурна, функционально разнообразна. Данная форма выражения образных смыслов представляется и как отдельное произведение, и как составная часть сюжета в сложных текстах: сказках, рассказах [13]. Так, чувашский эпос «Улып» обогащен множеством пословиц и поговорок. На сегодняшний день специфичность и жанровое многообразие данной формы в чувашской фольклористике и литературоведении изучены недостаточно.

Цель данного исследования – выявление и интерпретация образно-смысловых функций активно употребляющихся пословиц в эпическом произведении Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос».

Материал и методика исследований. Отличительные черты и функциональная значимость пословиц и поговорок в чувашском героическом эпосе выявлены с помощью анализа отдельных песен и целостного исследования самого произведения Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос». В ходе работы для достижения теоретико-методологической полноты выводов и обобщения использованы исследования известных ученых Н. В. Никольского [9], Г. Н. Волкова [3], [4] и др.

Результаты исследований и их обсуждение. Чувашский эпос «Улып» – уникальное творение автора-составителя Хведера Сюина и важнейший памятник духовной культуры чувашей. На сегодняшний день он является единственным произведением, не имеющим анало-

© Поликарпова С. Ю., 2017

Поликарпова Светлана Юрьевна – аспирант кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: shomikovo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2017

гов в чувашской литературе. Эпос включает в себя 40 песен-сказаний, связанных единым сюжетом, ведущая роль в которых принадлежит эпическому герою Улып.

Для эпоса характерны образность, стилистическая разновидность [1], [6], [7], [8]. И в этом «Улып» «вобрал накопленные традицией» [2], [5] крылатые слова, изречения, поговорки. Исследование поэтики чувашского героического эпоса показывает, что в данном произведении активную роль играют пословицы. Они тесно связаны с жизнью народа и судьбой героя. Формы бытования пословиц в чувашском эпосе разнообразны, и в силу своих специфических особенностей они выполняют различные функции. Например, употребляются в качестве:

1) **зачина** песни-сказания, которая имеет оттенок пожелания:

*Картлă-картлă пашалу,
Карчĕ тăрăх çу юхтăр,
Пирĕн юрă-калаçу
Пехилленсе вăй илтĕр.*
[11, с. 78]

Дольками-дольками блины,
Пусть по ним течет масло.
Наши песни-разговоры
Силою благословляются.
(Здесь и далее подстрочный перевод
автора статьи.)

2) **мотива и начала** застольной песни:

*Атте-анне чăн пахи,
Тăван çĕршыв чăн хакли.*
[11, с. 9–10]

Отец и мать незабвенны,
Родина – самое дорогое.

В произведении пословицы служат завязкой отдельных эпизодов сюжета. К примеру, отец Улыпа Услади при вступлении в поединок с Патти-хуном произносит следующие мотивирующие слова:

*Чăваш тĕпĕ тымарлă,
Хĕçĕсем те касавлă,
Харăс тăрса çапăçсан
Тăшман ая тăваймасть!*
[11, с. 18]

Чуваши имеют свои корни,
И сабля у него острая.
Если вместе выйти в бой,
Никакой враг нас не осилит!

Пословицы являются поэтическим средством для образного выражения мысли при характеристике героев. Посмотрим, как передаются красота и достоинство дочери короля:

*Ку ылтăн çĕр – хаклă çĕр,
Юрекке патшан пиллĕхĕ.
Патша хĕрĕ – пиллĕ хĕр,
Çепĕç – сарă чечекрен
Чипер – сарă чечекрен.*
[11, с. 180]

Эта золотая земля – дорогая земля,
Благословленная королем Юрекке.
Дочь короля благословенная,
Милая, как соловей,
Краше любого цветка.

Элемент малого жанра выполняет функции эмоционального обогащения характера, передает различные чувства героя: переживание, печаль, беспокойство, осторожность. Так, мальчик-сирота Селескер чувствует, будто болото тянет его к себе. Он в замешательстве. И вдруг вспоминает наставление одного старого мудрого человека из села:

*Шывайнни пек шурлаһан
Туратти ҙук тытмаиһан.
Каиһи ёҫён майё пур,
Ёҫ пуҫличчен ҙавна туп.
Васкавлә ёҫ – ик хут ёҫ,
Ун пек ёҫрен ял кулө.
[11, с. 207]*

У болота, как и у воды,
Нет веток, чтоб удержаться.
У каждой работы свои подходы,
Перед началом работы найди их.
Работа второпях — двойная работа.
От такой работы деревня усмехается.

Напутствия, советы героям, которые отправляются в поход или в долгий путь, тоже не обходятся без пословиц. Крылатые изречения адресуются молодым из уст старших поколений:

*Вәрҫә ҫулө тикёс мар,
Ача-пәча ваййи мар,
Вәрҫә ёҫне вёренме,
Асна-тәнна үстерме
Эп хуһинне тәватәһ,
Плиһка патне каятәһ.
[11, с. 79]*

Тропа войны не гладка
И не детская игра.
Чтоб научиться искусству войны,
Расширить кругозор,
Сделай, что я скажу,
Иди к деду Плиске.

Важным в формировании здорового мировоззрения и в воспитании молодого героя Улыпа является общение с дедом. Будущий богатырь более семи лет обучается ремеслу жизни. К концу обучения дед дает ему самые важные напутствия: «*Итле ват ҫын сәмахне, / Ан ман эсә вёсене*» (Прислушайся к словам старца / И никогда их не забывай).

*Ватә ҫынсем умёһне
Хывса тәрсам калпакна,
ҫамрәк ҫынсем хуһиһинче
Ан ҫухатсам әтәһнна.
Ват ҫынсемне тәл пулсан,
Халаплама тапратсан
Итлесе лар пуҫ тайса,
Сәмахсене әһнарса.
Ху пәһһинне, илтһинне,
Ху куҫупа курһинне
Персе ан яр пүртешсе,
Ватә ҫынна эс пүлсе.
[11, с. 79]*

Перед старшими
Всегда снимай шляпу,
Перед молодыми
Не теряй голову.
Если встретишь старика,
При разговоре с ним
Слушай внимательно,
В каждое слово вникая.
Если даже что-то знаешь
Или увидел,
Не спорь с ним,
Не перебивай.

Плиһка просит отдать дань уважения старшим и не терять себя среди сверстников, обладать терпимостью и выбирать слова, призывает внука «к благоразумию в поведении, к бодрости духа» [3], [4].

Важно отметить, что в речи Плиһки слышится и авторский голос, который посредством главного персонажа указывает на авторитетность пословицы «*Итле ват ҫын сәмахне*» (Прислушайся к словам старца). Вокруг этих слов сосредоточены другие пословицы, выражающие главную идею.

О характере молодого Улып и его активности, шалостях и удали говорит мудрая мать Улып Чегесь:

*Ун пек сӑмах вакличчен
Шутла пусна ватиччен.
Эс халь ача, пит айван,
Санран тӑшман хӑрамасть.
Тӑшман кулли пуличчен,
Пусна уссӑр ватиччен,
Ачам, выля лашалла
Е чышӑлла, лапталла.*
[11, с. 79]

Чем зря болтать,
Просто думай.
Ты пока очень наивен,
Тебя не боится враг.
Чем быть посмешищем
И зря голову ломать,
Дитя, иди поиграй в коня
Или в лапту.

Как видим, пословицы, поговорки, афоризмы – важнейшие элементы поэтики, образно-стилевой структуры чувашского языка. Малый жанр в силу своей изысканности и лаконичности играет значительную роль и в данном произведении [10], [12]. Четко просматривается, что пословицы выступают как средство воздействия на личность в процессе нравственного воспитания.

Как отмечает известный этнопедагог Г. Н. Волков, старцы нередко использовали крылатые выражения в беседах с детьми: «Умелое комбинирование в беседах с детьми пословиц и поговорок по значению и смыслу превращает их в своеобразные моральные кодексы» [Цит. по: 6, с. 124].

Очень часто пословицы и поговорки в чувашском героическом эпосе употребляют для обрисовки образов как основных, так и второстепенных героев. Следует отметить, что в чувашском эпосе бытуют такие устойчивые формулы, которые в иносказательной форме определяют преклонные годы, старость людей. Кроме того, в эпическом произведении встречаются популярные пословицы. Хотя вышеприведенные изречения и употребляются в тексте в различных вариантах, в них сохраняется основное значение – характеристика непростого времени.

Резюме. Пословицы и поговорки в чувашских героических произведениях имеют свою специфику: распространены такие формы пословиц, как наставления. В произведении Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос» присутствуют три важные категории данного жанра: «поучения, наставляющие детей и молодежь в добрых нравах, поучения, призывающие к благопристойному поведению, и наставления, содержащие советы» [6, с. 64]. В живом бытовании малые фольклорные жанры активно употребляются в речевом обиходе людей старшего поколения. Конспективность их содержания, а также предельная экономность художественно-изобразительных средств способствуют достижению высокой степени концентрации в них человеческой мысли.

Исследование показало, что пословицы находятся во взаимодействии с монументальным фольклорным жанром – героическим эпосом. Лаконичные, но емкие по содержанию образцы поэзии чувашей, становясь в эпическом тексте его структурной частью, не только выполняют определенные функции, но и показывают богатство народного языка, его меткость и афористичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова М. А. Идеи трудового воспитания личности в творчестве В. М. Шукшина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 3(71), ч. 2. – С. 16–20.
2. Белобородова Н. С., Ибулаев А. В. Шұвыр – образец живого фольклора восточных мари // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 4(88). – С. 105–111.
3. Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика : очерки. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1958. – 264 с.
4. Волков Г. Н. Этнопедагогика : учебник для средних и высших педагогических учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Academia, 2000. – 175 с.
5. Жирмунский В. М. Народный героический эпос : сравнительно-исторические очерки. – М. ; Л. : Гослитиздат (Ленинградское отделение), 1962. – 435 с.
6. Канюков В. Я. От фольклора к письменности (ранняя чувашская литература и народное творчество) : очерк литературно-фольклорных отношений / под ред. Г. А. Ефимова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 126 с.
7. Липатов А. Т. «Югорно» как героический эпос и песнь о вещем пути марийского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – № 1. – С. 22–27.
8. Липатов А. Т. Сказ о началах марийского эпоса // Спиридонов А. Я. Югорно. Песнь о вещем пути. Эпос мари. Опыт синтеза. – Йошкар-Ола : Марев, 2002. – С. 5–12.
9. Никольский Н. В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / ред. В. С. Григорьев и др. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 526 с.
10. Пропт В. Я. Фольклор и действительность : избранные статьи / сост., ред., авт. предисл. Б. Н. Путилова. – М. : Наука, 1976. – 325 с.
11. Улӑн: чӑваш эпосӗ / Суйӑн Хӗветӗрӗ пухса сӑвӑланӑ. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 1996. – 573 с.
12. Чувашский фольклор. Специфика жанров : сборник статей. – Чебоксары, 1982. – 188 с.
13. Эктел В. П. Пӗчӗк тӗнче те аслӑ: чӑваш литератури: 20 ӗмӗр вӗсӗ : статьясем, рецензисем. – Шупашкар : Калем, 2002. – 144 с.

UDC 821.512.111-13«Улып»

S. Yu. Polikarpova

**SIGNIFICANCE AND FUNCTION OF PROVERBS IN STYLISTIC STRUCTURE
IN «ULYP. CHUVASH EPIC» BY KHVEDER SYUIN**

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the significance and function of the proverbs in «Ulyp. Chuvash Epic» by Khveder Syuin. The study revealed the functional significance of this small genre. The article presents the main forms of existence of the proverbs that have become the necessary complements of the imagery component in the text. The study also showed the specificity of the proverbs and their role in the poetic system of the heroic epic literature of the Chuvash people.

Keywords: *heroic epic, Chuvash epic, poetics, small genre, proverb, hero, image, Ulyp, language.*

© Polikarpova S. Yu., 2017

Polikarpova, Svetlana Yuryevna – Post-graduate Student, Department of Chuvash Language and Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: shomikovo@mail.ru

The article was contributed on April 5, 2017

REFERENCES

1. *Barkova M. A.* Idei trudovogo vospitaniya lichnosti v tvorchestve V. M. Shukshina // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2011. – № 3(71), ch. 2. – S. 16–20.
2. *Beloborodova N. S., Ibulaev A. V.* Shývyr – obrazec zhivogo fol'klora vostochnyh mari // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – № 4(88). – S. 105–111.
3. *Volkov G. N.* Chuvashskaja narodnaja pedagogika : ocherki. – Cheboksary : Chuvashgosizdat, 1958. – 264 s.
4. *Volkov G. N.* Jetnopedagogika : uchebnik dlja srednih i vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Academia, 2000. – 175 s.
5. *Zhirmunskij V. M.* Narodnyj geroicheskij jepos : sravnitel'no-istoricheskie ocherki. – M. ; L. : Goslitizdat (Leningradskoe otделение), 1962. – 435 s.
6. *Kanjukov V. Ja.* Ot fol'klora k pis'mennosti (rannaja chuvashskaja literatura i narodnoe tvorchestvo) : ocherk literaturno-fol'klornyh otnoshenij / pod red. G. A. Efimova. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1971. – 126 s.
7. *Lipatov A. T.* «Jugorno» kak geroicheskij jepos i pesn' o veshhem puti marijskogo naroda // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. – 2010. – № 1. – S. 22–27.
8. *Lipatov A. T.* Skaz o nachalah marijskogo jeposa // Spiridonov A. Ja. Jugorno. Pesn' o veshhem puti. Jepos mari. Opyt sinteza. – Joshkar-Ola : Marevo, 2002. – S. 5–12.
9. *Nikol'skij N. V.* Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1 : Trudy po jetnografii i fol'kloru chuvashskogo naroda / red. V. S. Grigor'ev i dr. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2004. – 526 s.
10. *Propp V. Ja.* Fol'klor i dejstvitel'nost' : izbrannye stat'i / sost., red., avt. predisl. B. N. Putilova. – M. : Nauka, 1976. – 325 s.
11. *Ulăp: chăvash jeposë / Çujăn Hëvetërë puhsa săvălană.* – Shupashkar : Chăvash këneke izdatel'stvi, 1996. – 573 s.
12. *Chuvashskij fol'klor. Specifika zhanrov : sbornik statej.* – Cheboksary, 1982. – 188 s.
13. *Jektel V. P.* Pëchëk tënche te aslä: chăvash literaturi: 20 ëmër vëçë : stat'jasem, recenzisem. – Shupashkar : Kalem, 2002. – 144 s.

УДК 821.161.1.02:39(282.247.41)«18»

Л. Н. Сарбаш

ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ВОЛГИ

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье анализируется инонациональное направление русской этнографической школы, устанавливаются его содержательно-поэтическое своеобразие и генезис. Иноэтническое течение в развитии литературного процесса XIX в. предстает как типологическая общность в таких составляющих константах, как нерусский персонаж, волжская мифопоэтическая традиция, этнография как христианско-мифологический и универсальный духовный опыт народного бытия, нерусский фольклор.

Нерусская этнографическая линия проявляется в видовой модификации путевого очерка – «путешествии по Волге».

Ключевые слова: инонациональное этнографическое направление, репрезентация полиэтнической Волги, этнографизм.

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из направлений современного сравнительного литературоведения является имагология, занимающаяся исследованием образа «чужого», «другого», «иного». В этом аспекте проблема репрезентации нерусского в русской литературе XIX в. представляется весьма значимой, изучение инонационального направления русской этнографической школы чрезвычайно актуально: оно остается до сих пор не исследованным и требует обстоятельного анализа.

Материал и методика исследований. Идейно-художественное своеобразие инонационального этнографического направления продемонстрировано при помощи сравнительно-сопоставительного анализа репрезентации полиэтнической Волги в русской литературе XIX в. В качестве материала исследования использованы произведения П. М. Кудряшева, Т. С. Беляева, М. И. Невзорова, В. И. Даля, И. С. Аксакова, С. В. Максимова.

Результаты исследований и их обсуждение. Деятнадцатое столетие – время динамичного роста русского самосознания, актуализировавшего и в литературе вопросы дихотомии «своего» и «чужого», русского и инонационального. В русле основной тенденции времени (описание России в историко-экономическом, географическом, культурно-этнографическом плане) русская литература осваивала полиэтнические миры, вводила

© Сарбаш Л. Н., 2017

Сарбаш Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sarbash.lu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-21019

в свое эстетическое поле разнообразные инокультуры. Поволжье как уникальное культурно-конфессиональное соединение разных народностей особенно привлекало внимание художников слова. Писатель Е. Н. Чириков метко определяет Волгу как «Ноев ковчег» России, где живут многочисленные этносы и «их божества»: «великоросс, малоросс, татарин, чуваш, черемисин, мордвин, немец, еврей, персиянин, калмык...» [14, с. 95]. Он отмечает различные вероисповедания: христианство «разных толков», мусульманство, буддизм, тех, кто почитает на Волге Заратустру и «ветхозаветного Иегову», и даже первобытных язычников [14, с. 95]. Е. Чириков акцентирует, что на Волге не только сосуществуют «разноплеменные народы», но и происходит взаимопроникновение их «вековых мирозерцаний»: «Русский Бог» Николай Чудотворец стал «праведным Судьей» для чуваша, а священную гору «калмыка-буддиста Богдо» своею святыней почитает русский мужик [14, с. 96]. Писатель отмечает на Волге уникальную поликультурную российскую корреляцию.

Имагология российской действительности, «этнография психологическая» (Н. И. Надеждин) представлена достаточно полно: в границах литературной этнографической школы происходят становление и формирование направления, обращенного к нерусской народнопоэтической культуре. Новая тенденция эпохи активно заявляет о себе в творчестве В. И. Даля, сочинениях И. И. Лажечникова («Некоторые поверья Мордвы»), П. И. Мельникова-Печерского («Очерки Мордвы»), И. В. Селиванова («Мордва»), В. Зефирова («Рассказы башкирца Джантюри. Из воспоминаний о войне с французами»), А. Ф. Писемского («Татары», «Астраханские армяне», «Калмыки»), Н. Д. Телешова («Сухая беда», «Живой камень»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Ак-Бозат», «Баймаган», «Майя», «Слезы царицы», «Лебедь Хантыгая»), Ф. Д. Нефедова («Зигда», «Ушкуль»), М. В. Авдеева («Горы», «Поездка на кумыс»), С. В. Максимова («Край крещеного света»), Н. Г. Гарина-Михайловского («Зора»), П. И. Добротворского («В глуши Башкирии»), М. Горького («Немой», «Знахарка») и др. Региональные писатели Волги – башкирские Т. С. Беляев, В. Зефиров, П. М. Кудряшев, П. Е. Размахнин, В. С. Юматов, М. В. Лоссиевский, Р. Г. Игнатьев, Н. В. Ремезов, казанские В. А. Сбоев и А. А. Фукс – участвовали в освоении нерусской традиционной культуры.

Описание жизненного уклада, специфики христианско-мифологических представлений народов Волги обнаруживает себя в этнокультурных зарисовках и сочинениях с инациональной тематикой. Репрезентация нерусского в инациональном направлении предстает в нескольких доминантах: иноэтническое как христианско-мифологическая этнография; как типическая характерология времени – социально-общественная этнография; как универсальная константа – духовный, ценностный опыт народа. «Иная» картина жизни создается писателями обращением к национальным архетипам, фольклору, раскрывающему культурно-историческое своеобразие многочисленных народностей Волги. Ее фольклор, русский и инациональный, как уникальное явление поэтического синтеза плодотворно осваивается русскими художниками слова и проявляет в литературных сочинениях разнообразные художественные начала.

Формирование нерусского направления в литературной этнографии обозначено в начале столетия сочинениями П. М. Кудряшева («Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения») и Т. С. Беляева («Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на Башкирском языке одним Курайчем и переведенная на Русский в долинах гор Рифейских, 1809 года», «Песнь Курайча Рифейских гор»).

Лирический цикл П. М. Кудряшева – свободное переложение поэтических народных источников. Писатель, создавая национальный колорит, обращается к реалиям му-

сультманской культуры: это священная книга мусульман «Алкоран», «пророк» Магомет; благословение Аллаха посылается тем, кто ожидает сражения; смерть на поле брани дарует рай, который понимается в кораническом контексте как грядущее наслаждение («гурий девственных лобзанье», их улыбка, взгляд награждают блаженством «храбрых») [5, с. 200]. Русский писатель намечает пути художественного соположения различных культурно-поэтических национальных традиций. Цикл Петра Кудряшева показателен как значимый фактор художественной динамики: в русской литературе начала XIX в. создается произведение, транслирующее иноэтнический российский фольклор и воспроизводящее историческое событие от лица героя-инородца. Важно обращение русского поэта к нерусской традиции: по существу, это было началом собирания башкирского фольклора.

«Песнь Курайча Рифейских гор» Т. С. Беляева, повествующая об участии башкирских воинов в войне 1812 года, также представляет собой яркую фольклорную стилизацию: башкиры определяются в русле этнокультурной традиции как народ, «семью зовущийся родами» (по преданию, на основании царской грамоты башкиры поделили земли на семь родов); Рифейские горы (древнее название Уральских гор) предстают как родина башкир; битва уподобляется свадебному пиру «тую»; встречаются башкирские слова и выражения, которым даются авторские пояснения – «батырь», «туйгун», «туй», «курайча» и др. «Песнь Курайча Рифейских гор» Тимофея Беляева – это мифологическое осмысление важного исторического события, которое трактуется как проявление сил божественных и сатанинских – Аллаха и мусульманского Дадьжала, «ложного мессии», низвергнутого в бездну; это эсхатологическая битва во вселенском масштабе. Певец-курайча объясняет башкирам, обитателям древних Рифейских гор, духовное значение, сакральный смысл 1812 года («весть благую»): русский народ («урус») прогнал поганую рать, в этом ему помогли башкиры – «джигиты», которые, «как снежны бури», налетели, и враг «на Запад» побежал [2, с. 499]. В мифопоэтической традиции башкир Урал трактуется как «страна семи родов», а из исторического испытания рождается «осьмой», «присвоенный род» – новое сообщество, в котором и «семиродцы» – башкиры [2, с. 500].

Основоположником литературной этнографической школы, как известно, был В. И. Даль. А. Н. Пыпин причислял его к особому «народному направлению», определяемому как «общественно-этнографическое», и заслугу писателя видел в отображении жизни и обрядовой культуры русского народа. Однако в русле «нового стиля» Владимир Даль открывает и иноэтническое направление, связанное с осознанием ценностей культуры многочисленных народов Российского государства. В оренбургский период писатель проявляет интерес к мусульманской мифологии: это его восточные переложения «Зюгря, или Происхождение зорницы (мусульманское предание)», «Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка», «Повествование об Аксак-Тимуре», «Повествование потомков шахов Афганских об Афганистане. Из записок Оренбургского старожилы», «Восточные притчи и сказки, переложенные из устных рассказов жителей средней Азии». Занимаясь «живым великорусским языком», Даль интересуется тюркской тематикой: пишет статьи для «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара. Башкирская тема достаточно полно представлена в наследии В. Даля. Будучи чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе В. А. Перовском, писатель изъездил практически весь край, интересуясь жизнью и бытом населяющих его народностей, собрал большой культурно-исторический материал: записал произведения башкирского фольклора, произвел обстоятельное описание всех двенадцати башкирских кантонов. На основе народных преданий, бытописания

башкир и других национальностей Далем были написаны многочисленные статьи и созданы художественные произведения, связанные с жизнью «коренных обитателей» огромной Оренбургской губернии: «О кумысе», «Замечания о башкирцах», «Скачка в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Полунощник», «Осколок льду», «Обмиранье» («Картины русской жизни»), «Рассказ об осаде крепости Герата», «Бикей и Мауляна» и др.

«Башкирская русалка» создается на основе народного поэтического источника: в ее основании, как отмечает М. Г. Рахимкулов, древнее эпическое сказание башкир о Зая-Туляке и Хыу-Хылу [9, с. 462]. Художественным способом создания нерусского является мифологическая характерология: при описании природы Башкирии наблюдается органическое соединение конкретного географического описания местности (топонимов, гидронимов, цифровых параметров пещер) с поэтической башкирской мифологией: архаическими топонимическими и этнологическими легендами. В повествовании конкретные исторические сведения соседствуют, тесно переплетаются и сращиваются с поэтическими преданиями, с многочисленными башкирскими легендами: о каменной собаке в пещере Шуллюгань-таши; о жилище дью-париев, находящихся в подземной мельнице Тименетау; об озере Елкикичкан – царстве падишаха водяных, наградившего Кунгребая косяком лошадей. Аналогичная легенда реализуется и в сказе: отец русалки дает Зая-Туляку на обзаведение табун отличных выплывших из озера коней, от которых произошла, как замечает рассказчик, знаменитая порода димских башкирских лошадей. Характеристика родовых знаков башкир сопровождается поэтическими преданиями о Чингис-хане [3, с. 330–331]. Образы иноэтнической народной культуры в произведениях писателя исследуются нами в статье «Инонациональная мифология в творчестве В. И. Даля» [11].

Инонациональную этнографию в русской литературе продолжает своим творчеством С. В. Максимов. Писатель обратился к осмыслению национального бытия, созданию этнопсихологических образов многочисленных народностей России. В четырех частях цикла «Край крещеного света» он создает целостное литературно-этнографическое изображение Отечества, отмечая ментальные черты и самобытную культуру многонациональной России. Произведение предназначалось для народного чтения, написано простым, доступным языком и в дореволюционной России выдержало более девяти изданий. «Край крещеного света» преследовал и просветительскую цель: знакомство с национально-культурным своеобразием России, приобщение читателя к духовным устоям многонационального Отечества. Все части книги построены по одному сюжетно-композиционному принципу: даются численность народа и ареалы расселения, основное занятие и уклад жизни, этнографическая характеристика, обращается внимание на свойственные тому или иному народу верования и мифологию. С. В. Максимов работает в жанре очерка, отличительная черта которого – достоверность изображения: в основе его произведений, как отмечал сам писатель, лежат только личные наблюдения, «голые факты», целостно взятые из жизни. Сергей Максимов видел большие возможности очерковых форм, позволяющих исследовать разнообразные стороны народной жизни в ее бытописании и «мирочувствовании». Изображая народы Поволжья, писатель отмечает их трудовое, культурно-историческое «присутствие» в огромном мире Российского государства, передает яркие этнические «лица», создавая своеобразную национальную «антологию». Каждой «этнической» главе предпослан эпиграф – русские и нерусские пословицы и поговорки, передающие инонациональные этноконстанты. Черемисы (марийцы) селились в глуши, это лесной народ, и русский мужик находит для них соответствующее определение: «Первого черемиса леший родил, оттого они все в лесу сидят» [7, с. 49].

Писатель привлекает исторический материал, творческий опыт своих предшественников: в повествовании о чувашах используется сочинение В. А. Сбоева, задействован художественный образ его «Исследования об инородцах Казанской губернии (заметок о чувашах)» [13]. Апперцепция литературного образа создает в описании инонационального перспективу: наложение концептов способствует созданию чувашского в этнически-этнографической широте выражения [6]. Этнотип вырастает на почве традиции, национально-культурной идентичности: С. В. Максимов творчески дополняет и развивает этнопсихологический образ, избегая его «переакцентуации» (М. М. Бахтин). Писатель всегда в своих этнических зарисовках выделяет род занятий: среди поволжских народов чуваша – самые «усердные и отличные землевладельцы», издавна любили «разводить хлеб» и отличались особым трудолюбием. С. Максимов не описывает подробно чувашские обряды, связанные с хлебом, он называет их, констатируя как данность, принадлежащую народу: после тяжелой уборки чуваша обращаются к своему древнему языческому обычаю – «чукленью», «молению о хлебе». В характеристике народностей Волги С. Максимов использует сравнительный ракурс сопоставления с русскими и с теми этносами, с которыми тот или иной народ находится в тесном сообществе [4]. Русский писатель неизменно выделяет типологическое сходство: отмечает то национальное, которое является универсальным, сближающим разные народности. Так, в отличие от черемисов, которые любят жить особняком, чуваша, как замечает Максимов, «держатся артели»: «...без товарищей ни пива не пьет, ни в извоз не ходит, и только недавно бросил обычай добывать доса, обычай, который однороден с старинным русским обычаем меняться крестами, чтобы в крестовом брате приобрести себе другого друга» [7, с. 55].

Писатель знакомит русского читателя с огромным поликультурным пространством Волги – укладом жизни, христианско-мифологическими представлениями, обычаями и обрядами поволжских народов, что было чрезвычайно значимо как в общекультурной тенденции XIX в., так и в развитии литературного процесса. Иноэтнический материал актуализировал очерковую форму, прибегающую к новым способам типизации, структурообразующим началом которых являлся этнографизм. Принцип циклизации как характерная особенность произведения Максимова «Край крещеного света» также обусловлен этнической российской типологией.

Нерусская этнографическая установка целенаправленно заявляет себя и в путешествиях «русского по России»: многочисленных путевых записках и обзорах, особенно в такой видовой модификации очерка, как «путешествие по Волге» – оригинальном идейно-структурном образовании XIX в. М. И. Невзоров в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» не только описывает культурно-национальную характеристику казанских татар, но и передает конфессиональную этнографию: мусульманские молитвы и служба в мечети, надписи на надгробиях (эпиграфика), позволяющие говорить об экзистенциальных представлениях мусульманина об Аллахе, мироздании и человеке [8, с. 249–250]. В своеобразном «путешествии по Волге» И. С. Аксакова, в «Письмах из Астраханской губернии» («Письмах из провинции»), создается яркий образ калмыцкого мира Волги в его характерной национальной идентификации: писатель выделяет основные этнокультурные константы – калмыцкие танцы и национальный костюм, борьбу и ястребиную охоту. Детерминантом этнического выступает религия: обстоятельно описываются внутреннее убранство хурула и богослужение калмыков [1, с. 132–133]. Немецкий мир многонациональной Волги (в определении многих писателей это европейский «германский» пласт жизни) предстает в «Путешествии в

полуденную Россию» В. В. Измайлова [12]. Заявленный проблемный аспект – волжский травелог в литературе – актуален, не исследован и может явиться предметом специального рассмотрения [10].

Резюме. Таким образом, исследование показало, что инонациональное крыло этнографической школы, обращающееся к этнической волжской типологии и нерусской религиозно-мифопоэтической традиции, – значимое явление в литературно-исторической динамике XIX в. Иноэтническое течение предстает как типологическая общность: нерусский персонаж, разноуровневая этнография (как общественная константа и как христианско-мифологический универсально-ценностный опыт народа), нерусский фольклор. Фольклорные источники и этнографизм в качестве характерных элементов усложняют идейно-художественную систему литературных произведений. Образ полиэтноконфессиональной Волги – новая содержательно-поэтическая константа нерусской этнографической линии русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Письма из провинции. – М.: Правда, 1991. – 418 с.
2. Беляев Т. С. Песнь Курайча Рифейских гор // Поэты 1790–1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. – Л.: Советский писатель, 1971. – С. 497–503.
3. Даль В. И. (*Казак Луганский*). Полное собрание сочинений. Т. 7. – СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1898. – 367 с.
4. Иванова И. К. История современности: Ю. Буйда и Г. Грасс // Ашмаринские чтения: сборник трудов X Международной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова и А. М. Иванова. – Чебоксары, 2016. – С. 55–56.
5. Кудряшев П. М. Песнь башкирца после сражения // Вестник Европы. – 1828. – № 15. – С. 198–201.
6. Ляпаева Л. В. Функции экфрасиса в произведениях М. Горького, И. Шмелева, Б. Зайцева 1900–1910 годов // Ашмаринские чтения: сборник трудов X Международной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова и А. М. Иванова. – Чебоксары, 2016. – С. 26–29.
7. Максимов С. В. Край крещеного света : в 4 ч. Ч. 3. – СПб.: Общественная польза, 1873. – 75 с.
8. Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. – М.: Унив. тип., 1803. – 269 с.
9. Рахимкулов М. Г. Комментарии к «Башкирской русалке» // Башкирия в русской литературе : в 6 т. Т. 1. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989. – С. 462–463.
10. Сарбаи Л. Н. «Путешествие по Волге» в русской литературе и публицистике XIX века. К постановке проблемы // Ашмаринские чтения: сборник трудов X Международной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова и А. М. Иванова. – Чебоксары, 2016. – С. 11–13.
11. Сарбаи Л. Н. Инонациональная мифология в творчестве В. И. Даля // Образ народной культуры в литературе / под ред. Д. В. Абашевой. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 124–135.
12. Сарбаи Л. Н. Образ Сарепты в «Путешествии в полуденную Россию» В. В. Измайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 2. – С. 25–28.
13. Сарбаи Л. Н. Русские писатели XIX века о религиозно-мифологических верованиях и обычаях чувашей // Вестник Чувашского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 255–269.
14. Чириков Е. Н. Волжские сказки // Собрание сочинений : в 17 т. Т. 16. – М.: Московское книгоиздательство, 1916. – С. 94–120.

UDC 821.161.1.02:39(282.247.41)«18»

L. N. Sarbash

NON-INDIGENIOUS ETHNOGRAPHIC LINE OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY: REPRESENTATION OF THE MULTIETHNIC VOLGA

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the non-indigenous line of the Russian ethnographic school, sets its content and poetic originality and origin. The non-indigenous line for the development of the literary process of the 19th century appears as a typological commonality in components of such constants as the non-Russian character, the Volga mythopoetic tradition, ethnography as Christian mythological and universal spiritual experience of national life, not Russian folklore.

The non-Russian ethnographic line is manifested in specific modifications of travel essay – «The Voyage down the Volga».

Keywords: *non-indigenous ethnographic line, representation of the multiethnic Volga, ethnographism.*

REFERENCES

1. Aksakov I. S. Pis'ma iz provincii. – M. : Pravda, 1991. – 418 s.
2. Beljaev T. S. Pesn' Kurajcha Rifejskih gor // Pojety 1790–1810-h godov / vstup. st. i sost. Ju. M. Lotmana. – L. : Sovetskij pisatel', 1971. – S. 497–503.
3. Dal' V. I. (Kazak Luganskij). Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. – SPb. ; M. : Izd. t-va M. O. Vol'f, 1898. – 367 s.
4. Ivanova I. K. Istorija sovremennosti: Ju. Bujda i G. Grass // Ashmarinskie chtenija: sbornik trudov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. i otv. red. O. G. Vladimirova i A. M. Ivanova. – Cheboksary, 2016. – S. 55–56.
5. Kudrjashev P. M. Pesn' bashkirca posle srazhenija // Vestnik Evropy. – 1828. – № 15. – S. 198–201.
6. Ljapaeva L. V. Funkcii jekfrasisa v proizvedenijah M. Gor'kogo, I. Shmeleva, B. Zajceva 1900–1910 godov // Ashmarinskie chtenija: sbornik trudov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. i otv. red. O. G. Vladimirova i A. M. Ivanova. – Cheboksary, 2016. – S. 26–29.
7. Maksimov S. V. Kraj kreshhenogo sveta : v 4 ch. Ch. 3. – SPb. : Obshhestvennaja pol'za, 1873. – 75 s.
8. Nevzorov M. I. Puteshestvie v Kazan', Vjatku i Orenburg v 1800 g. – M. : Univ. tip., 1803. – 269 s.
9. Rahimkulov M. G. Kommentarii k «Bashkirskoj rusalke» // Bashkirija v russkoj literature : v 6 t. T. 1. – Ufa : Bashk. kn. izd-vo, 1989. – S. 462–463.
10. Sarbash L. N. «Puteshestvie po Volge» v russkoj literature i publicistike XIX veka. K postanovke problemy // Ashmarinskie chtenija: sbornik trudov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. i otv. red. O. G. Vladimirova i A. M. Ivanova. – Cheboksary, 2016. – S. 11–13.
11. Sarbash L. N. Inonacional'naja mifologija v tvorchestve V. I. Dalja // Obraz narodnoj kul'tury v literature / pod red. D. V. Abashevoj. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2016. – S. 124–135.
12. Sarbash L. N. Obraz Sarepty v «Puteshestvii v poludennuju Rossiju» V. V. Izmajlova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 6, ch. 2. – S. 25–28.
13. Sarbash L. N. Russkie pisateli XIX veka o religiozno-mifologicheskikh verovanijah i obyčajah chuvashej // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Serija : Gumanitarnye nauki. – 2010. – № 2. – S. 255–269.
14. Chirikov E. N. Volzhskie skazki // Sobranie sochinenij : v 17 t. T. 16. – M. : Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1916. – S. 94–120.

© Sarbash L. N., 2017

Sarbash, Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: sarbash.lu@yandex.ru

The article was contributed on April 16, 2017

СИСТЕМА ЛОКАЛЬНЫХ СВЕРХТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Аннотация. В статье содержится краткий обзор исследований локальных сверхтекстов русской литературы, дифференцируются базовые понятия и предлагаются дефиниции, рассматривается проблема систематизации локальных сверхтекстов, предлагается типологизация локальных сверхтекстов русской литературы (как и локальных текстов писателей), которые составляют две группы: 1) тексты-конструкты, обозначенные концептами-локусами, соответствующими географическим объектам (петербургский, московский, крымский и др.); 2) тексты-конструкты, обозначенные концептами-топосами, соответствующими социокультурным пространствам, не имеющим географической локализации (усадебный, дачный, городской, провинциальный и др.).

Ключевые слова: *локальный сверхтекст, локальный текст, локальный субтекст, концепт, локус, топос.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования локальных сверхтекстов (текстов) русской литературы обусловлена тем, что социокультурное пространство, в том числе освоенный человеком локус как место жизни, имеет особое значение для человека любой культуры и любого исторического периода, что находит отражение в художественной картине мира как отдельного произведения, так и их совокупности. Вместе с тем в филологии отсутствуют не только полное описание характерных для русской литературы локальных сверхтекстов, но и их систематизация и/или типологизация. Актуальность исследуемой проблемы определяется недостаточной теоретической и методологической разработанностью, в частности необходимо дифференцировать и строго обозначить такие понятия, как локальный сверхтекст, локальный текст, локальный субтекст.

Материал и методика исследований. Материалом исследования являются историко-литературные и теоретические труды, посвященные изучению локальных сверхтекстов (текстов) русской литературы, а также собственно локальные тексты Н. С. Лескова, И. А. Гончарова и др.

Исследование основывается на базовых методологических принципах историчности и объективности. Вместе с тем для нас актуальны методологические принципы системности, иерархичности и актуализма.

При изучении филологических трудов используются научно-аналитический и системный методы. Системный метод актуален и при исследовании локальных текстов и сверхтекстов. Также при исследовании локальных сверхтекстов (текстов) применена комплексная методика, реализующаяся в использовании методов разных научных дисциплин: историко-типологического, сравнительного, структурно-семантического, историко-культурологического, историко-литературного, контекстуального, интертекстуального, метода рецептивной эстетики и др.

© Старыгина Н. Н., 2017

Старыгина Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета, г. Йошкар-Ола, Россия; e-mail: starigina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

Результаты исследований и их обсуждение. «Изучение запечатленных в художественных произведениях освоенных человеком пространств – локусов» [23, с. 176] давно стало заметным направлением современного литературоведения. Оно соотносимо с исследованиями топонимических образов, например Москвы, Петербурга, городских пространств и достопримечательностей в творчестве русских писателей, имеющими давнюю традицию в отечественной филологии. В середине и во второй половине XX в. внимание ученых переключилось на изучение «локальных текстов»: данное понятие прочно вошло в научный лексикон, появились его дефиниции, были предприняты теоретические, историко-литературные и поэтологические исследования на материале творчества русских писателей. В настоящее время интерес филологов к теме локальных свертхтекстов и текстов не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные труды, посвященные изучению пермского [1], таллинского [3], коломенского [4], калининградского [5], кимрского [9], крымского [14], московского [15], петербургского [20], провинциального [18], лондонского [17], провинциально-локального [6], сибирского [19], орловского [2], усадебного [7], дачного [11] и других локальных текстов.

Объяснить интерес к проблеме локальных свертхтекстов/текстов русской литературы можно современной социокультурной ситуацией. Процесс глобализации, определяющий специфику актуальной картины мира, стимулировал стремление русских как сообщества к национальной идентификации, что, в частности, выразилось в желании понять и в понимании русской культуры и ментальности через призму освоенных русским человеком социокультурных пространств. Актуальность изучения локальных текстов обусловлена необходимостью осмыслить и охарактеризовать национальный менталитет русского человека, для которого особое значение имеет его социокультурное пространство, в том числе освоенный им локус как место жизни. При этом содержание и поэтика русской литературы также во многом определяются особенностью хронотопического мышления авторов. Масштабность и перспективность исследований локальных свертхтекстов/текстов соответствуют бесконечности географических пространств, осваиваемых русским человеком в исторической перспективе.

Конечно, эффективность исследований локальных свертхтекстов литературы зависит от уровня теоретического осмысления проблемы, от разработанности методологии и методики анализа, от формирования массивов художественных текстов, образующих тот или иной свертхтекст, от тщательности и полноты проработки каждого текста, от уровня научных обобщений.

1. Понятия «локальный свертхтекст», «локальный текст», «локальный субтекст».

Понятия «локальный текст» и «локальный свертхтекст» часто используются современными исследователями как синонимичные. При этом обычно при обозначении предмета исследования – локального текста в творчестве писателя или сконструированного на основе произведений разных авторов – применяется словосочетание «локальный текст» с соответствующими определениями (петербургский текст Достоевского, крымский текст и др.). Поэтому целесообразно, на наш взгляд, дифференцировать термины и уточнить дефиниции, которыми мы будем пользоваться в нашей работе: «локальный свертхтекст», «локальный текст» и «локальный субтекст».

Отметим, что понятие «свертхтекст» распространяется на именные, событийные и локальные свертхтексты литературы. Современными литературоведами изучаются такие именные свертхтексты/тексты, как «пушкинский», «гоголевский», «замятинский» и др. Активно исследуются локальные тексты: петербургский, провинциальный, усадебный и

т. д. В меньшей степени внимание ученых-филологов привлекли событийные сверхтексты, то есть тексты, сформированные вокруг исторически, социально и культурно значимых событий, таких как Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 года, восстание декабристов и др.

Исследователи понимают под сверхтекстом «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [16, с. 21] (см. также [10, с. 215], [12, с. 102]). Сверхтекст является результатом восприятия читателем художественной литературы в процессе научных обобщений (читатель-исследователь) или осознанного и грамотного чтения художественных произведений (читатель-любитель). Сверхтекст конструируется на основе авторских текстов. Например, петербургский сверхтекст русской литературы представлен петербургскими текстами А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, А. А. Блока и других писателей. Повторяющиеся в них образы (символы, эмблемы, детали), мотивы, концепты формируют универсальное семантико-семиотическое пространство петербургского сверхтекста.

Авторский локальный текст конструируется на основе всего массива субтекстов, вычленяемых из произведений писателя, то есть из всех текстуальных элементов, содержательно и поэтологически соответствующих смысловой доминанте конструируемого текста и/или сверхтекста. Такова, по нашему мнению, логика формирования литературных сверхтекстов и авторских текстов.

Локальный сверхтекст, как сказано выше, является разновидностью сверхтекстов русской литературы. Локальный сверхтекст понимается нами как смыслопорождающая структура, конструируемая исследователем (читателем) из авторских локальных текстов на основе инвариантных характеристик социокультурного пространства, а также универсальных содержательных и поэтических признаков его изображения в литературных произведениях.

Авторский локальный текст также является текстом-конструктом, сформированным исследователем с учетом базовых параметров социокультурного локуса и объективированного в текстах пространственного мышления автора. Авторский локальный текст актуализируется исследователем, включающим его в изучаемый локальный сверхтекст.

Минимальной единицей авторского локального текста является локальный субтекст, представленный совокупностью текстовых элементов (образа, мотива, хронотопа, концепта и др.), и/или относительно законченным фрагментом текста, и/или произведением. При этом художественное произведение может участвовать в формировании различных авторских локальных текстов и/или сверхтекстов русской литературы.

Например, в романе Н. С. Лескова «На ножах» вычленяются субтексты, актуальные для конструирования таких авторских (лесковских) текстов, как петербургский, провинциальный, усадебный, дачный. Они, в свою очередь, могут быть активизированы при формировании соответствующих локальных сверхтекстов русской литературы. Даже в таких жанровых разновидностях русского романа, как усадебный роман И. С. Тургенева, присутствуют фрагменты текста, которые исследователь может рассматривать как локальный субтекст, важный для образования тургеневского провинциального или столичного текста (не только усадебного). Даже небольшие по объему произведения (повести, рассказы) могут содержать различные локальные субтексты, привлекаемые исследователями для описания того или иного авторского локального текста. Так, в святочном рассказе Н. С. Лескова «Зверь» содержатся фрагменты текста, которые необходимо учиты-

вать при характеристике усадебного, провинциального и орловского текстов в творчестве писателя и сверхтекстов в русской литературе.

Приведенные примеры убеждают, что локальный сверхтекст литературы (как и любой другой сверхтекст литературы) образуется совокупностью авторских локальных текстов, которые, в свою очередь, конструируются из локальных субтекстов. Таким образом, локальный сверхтекст представляет собой сложную структуру из локальных текстов разных авторов, при образовании которых актуализируются авторские локальные субтексты. В данной структуре устанавливаются и функционируют горизонтальные и вертикальные, иерархические и равноправные, синхронные и диахронные, контекстуальные и интертекстуальные, содержательные и поэтические отношения и связи между всеми элементами, что и приводит к рождению нового смыслового пространства.

В настоящее время ни один из локальных сверхтекстов русской литературы не получил окончательного оформления и не описан как текст-конструкт, включающий все локальные (авторские) тексты. Более того, пока существует литература, это невозможно осуществить: сверхтекст является открытой и пополняющейся структурой. При этом вполне вероятно конструировать локальные тексты того или иного историко-литературного периода, что открывает новые перспективы изучения социокультурных пространств и их освоения человеком, дает возможность обозначить доминирующие в общественном и художественном сознании те или иные локусы и топосы, что характеризует как надындивидуальную, так и личные картины (модели) мира в соответствующий исторический период развития России. В настоящее время интенсивно изучаются авторские локальные тексты (например, петербургский текст Ф. М. Достоевского, усадебный текст А. А. Фета и др.), однако и в данном направлении еще много неисследованного.

На наш взгляд, для повышения эффективности изучения локальных сверхтекстов русской литературы и локальных текстов русских писателей необходимо: а) систематизировать локальные сверхтексты и локальные тексты; б) разработать адекватные методики их исследования. Решив эти задачи, мы сможем приблизиться к созданию обобщающих исследований, формирующих полное и адекватное представление о разнообразии и богатстве русской картины мира, отображенной в художественном творчестве.

2. Систематизация и типологизация локальных сверхтекстов.

Наиболее простой подход к систематизации локальных сверхтекстов основывается на категории имени (именования), поэтому условно его можно назвать именовым. Такой подход реализуется в виде перечисления локальных сверхтекстов. Прежде всего можно перечислить по возможности все локальные сверхтексты русской литературы, образующиеся вокруг названий стран (французский, английский, итальянский), регионов (крымский, сибирский), городов (Петербург, Москва, Париж, Венеция, Орел, Кострома, Кимры), деревень, иных географических объектов. Такого рода систематизация основывается на принципе территориального масштаба: от большего к меньшему или наоборот. Но в данную классификацию не вписываются локальные сверхтексты литературы, сформированные вокруг условного пространства, не обозначенного географически, не локализованного территориально, например усадебный текст. Несмотря на то что писатель может изображать конкретную и географически обозначенную территорию, в контексте русской культуры и литературы усадьба понимается как социокультурное пространство.

На уровне авторских локальных текстов систематизацию можно осуществить, соотнеся тексты с их главными творцами – авторами: усадебный текст Тургенева, дачный текст Лескова, петербургский текст Пушкина, провинциальный текст Шукшина и т. д. В этом случае можно перечислить всех (по возможности) авторов, локальные тексты ко-

торых актуализируются при образовании локальных свертхтекстов русской литературы. Так, например, в усадебный свертхтекст русской литературы середины и второй половины XIX в. будут включены усадебные тексты И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, В. А. Слепцова, А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, А. А. Фета, А. Н. Толстого, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других авторов. Подобного типа систематизация может дать представление о масштабе локальных свертхтекстов. Например, в формировании петербургского свертхтекста литературы участвуют многочисленные авторские локальные тексты, а к образованию локального свертхтекста какого-либо провинциального города привлекается ограниченное количество авторских локальных текстов (так, конструируя орловский свертхтекст русской литературы, исследователь обратится прежде всего к творчеству писателей-орловцев и тех писателей, в произведениях которых присутствуют соответствующие локальные субтексты). На основании такой систематизации логично сделать выводы о функциональности определенного локального свертхтекста в русской литературе в тот или иной период ее развития.

Мы предлагаем взглянуть на локальные свертхтексты под иным углом зрения. На наш взгляд, адекватна типологизация локальных свертхтекстов литературы и авторских локальных текстов на основе дифференциации двух понятий (категорий) – «локус» и «топос», соотнесенных с соответствующими концептами. Такой подход позволит создать многоступенчатую и иерархическую систему, включающую все многообразие локальных свертхтекстов русской литературы.

В переводе с латинского языка *локус* – «место», в дальнейшем понятие стало указывать на место локализации, то есть фиксированное положение какого-либо явления. Заметим, что слово «локальный» (от лат. *localis* – «местный») означает «свойственный только определенному месту».

Таким образом, соединив понятие «локус» и концепт, выраженный топонимом (имя, обозначающее собственное название географического объекта), мы получим название конкретного локального свертхтекста. В качестве концепта могут выступать такие разновидности топонимов, как хоронимы (названия областей, регионов), ойконимы (названия населенных мест), астионимы (названия городов), комонимы (названия сельских поселений), потамонимы (названия рек) и др. Вокруг концепта-локуса (термин Н. Е. Меднис), обозначенного «топонимом высокой культурной значимости» [22, с. 252], формируются такие локальные свертхтексты русской литературы, как петербургский, московский, крымский, сибирский и т. д. Данные свертхтексты (как и авторские локальные тексты) можно систематизировать по их принадлежности к разновидностям территорий – географических объектов: страна, регион страны, город, сельское поселение, река (например, волжский свертхтекст русской литературы) и др.

«Топос», как известно, с греческого языка переводится также как «место». Но есть смысловые нюансы, которые заставляют различать два близких понятия: *локус* и *топос*. Со временем слово «топос» стало употребляться в переносном значении и указывать на тему, аргумент, общее место и др. Поэтому этим термином в контексте нашего подхода к систематизации и изучению локальных свертхтекстов мы указываем на место жизнедеятельности россиян как социокультурное пространство, обозначенное концептом, например провинция, столица, город, деревня, усадьба, дача, дом, монастырь, баня и др. Локальные свертхтексты, образованные вокруг таких пространств, также можно систематизировать, например, основываясь на критерии территориального масштаба. Так, внутри провинциального свертхтекста можно рассматривать свертхтексты провинциальных городов, деревенский

сверхтекст, усадебный сверхтекст и т. д. Усадебный сверхтекст конструируется из усадебных текстов И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. А. Фета и других русских писателей. При образовании дачного сверхтекста отечественной литературы следует учитывать влияние городских сверхтекстов и текстов столичных (петербургского и московского).

В какой-то мере адекватность предлагаемой типологизации сверхтекстов подтверждается историографией исследования локальных сверхтекстов. Напомним, изучение локальных сверхтекстов начинается с трудов В. Н. Топорова, который ввел понятие «петербургский текст», рассматривал его как «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели», считал его главными признаками единство и семантическую связность [21]. Затем исследователи выделили многочисленные локальные сверхтексты русской литературы, сформированные вокруг концептов-локусов: московский, пермский, орловский, коломненский и др. Параллельно изучаются локальные сверхтексты, образованные вокруг концептов-топосов: городской, столичный, провинциальный, что обозначило интерес литературоведов к обобщающим исследованиям, согласно которым сверхтекст литературы отражает какое-либо социокультурное пространство как место и образ жизни людей (город, столица, провинция). Активно изучаемыми становятся усадебный сверхтекст и усадебные авторские тексты, дом как социокультурное пространство и т. д. (см. исследования В. Г. Щукина, Т. М. Жапловой, М. В. Глазковой, В. С. Турчина, О. А. Богдановой, Е. Е. Дмитриевой, О. И. Купцовой, В. А. Лепина, А. Г. Разумовской, А. М. Сакимовой, В. А. Доманского, О. С. Евангуловой, С. В. Кулешовой, Т. Ю. Колягиной, Н. А. Корзиной и др.). Локальный сверхтекст рассматривается как «символически целостное пространство культуры» [8, с. 3].

В литературоведении оформились два подхода к изучению локальных сверхтекстов. Первый заключается в поиске, систематизации и комментировании разного рода упоминаний о локусе в литературных и художественно-документальных произведениях. Подобные исследования основываются на методиках анализа произведений, комментирования текстов, литературно-краеведческого поиска, используют историко-литературные и литературно-краеведческие методы исследования. Второй подход предполагает собственно филологический анализ локального сверхтекста как «системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом» [13].

Резюме. Таким образом, локальные сверхтексты русской литературы (как и локальные тексты русских писателей) располагаются вокруг двух знаковых явлений российского пространства: географических объектов, имеющих «высокую культурную значимость» и обозначенных концептами-локусами, и социокультурных пространств, обозначенных концептами-топосами. Предлагаемая нами типологизация локальных сверхтекстов и локальных текстов позволяет исследователям ориентироваться в выборе не только предмета и объекта исследований, но и методики научного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. *Аишхмина Е. Н.* Н. С. Лесков в Орле. – Орел : ОГУ, 2010. – 215 с.
3. *Балтийский архив.* Русская культура в Прибалтике. Т. XI : «Таллинский текст» в русской культуре. – Таллин, 2006. – 435 с.
4. *Викторович В. А.* Коломенский текст русской литературы: к определению понятия // Коломна и Коломенская земля: история и культура : сборник статей / сост. А. Г. Мельник, С. В. Сазонов. – Коломна, 2009. – С. 336–345.

5. Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 6. – С. 75–83.
6. *Геопанорама* русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.
7. Глазкова М. В. «Усадьбный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2008. – 18 с.
8. *Диалог культур*: поэтика локального текста : материалы IV Международной научной конференции / под ред. П. В. Алексеева. – Горно-Алтайск, 2014. – 338 с.
9. Коркунов В. В. Локальный текст как предмет исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.online-science.ru/userfiles/file/qksm5vcohezbjts-uaqgy.
10. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1994. – С. 214–233.
11. Ловелл С. Дачный текст в русской культуре XIX века // Вопросы литературы. – 2003. – № 3. – С. 34–73.
12. Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 100–109.
13. Лурье М. Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruthenia.ru/folklore/.
14. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе. – СПб. : Алетейя, 2003. – 314 с.
15. Люсый А. П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры. – М. : Вече ; Русский импульс, 2013. – 320 с.
16. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2003. – 170 с.
17. Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Томск, 2005. – 21 с.
18. *Русская провинция*: миф – текст – реальность. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – 492 с.
19. *Сибирская идентичность в зеркале литературного текста*: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия : Универсалии культуры. Вып. VI / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 384 с.
20. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // В. Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – С. 259–367.
21. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб. : Искусство, 2003. – 614 с.
22. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М. : Академия, 2009. – 336 с.
23. Щукин В. Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. – М. : РОССПЭН, 2007. – 610 с.

UDC 821.161.1*42

N. N. Staryghina

SYSTEM OF LOCAL SUPERTEXTS OF RUSSIAN LITERATURE

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. The article contains a brief overview of the research works devoted to the local supertexts of the Russian literature, differentiates the basic concepts, provides the definitions, considers the problem of

© Staryghina N. N., 2017

Staryghina, Natalya Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia; e-mail: starigina@yandex.ru

The article was contributed on April 10, 2017

systematization of local supertexts, proposes a typology of local supertexts of Russian literature (and local texts of writers) that make up two groups: texts-constructions with loci-concepts of some geographical objects (St. Petersburg, Moscow, Crimea, etc.) and texts-constructions with topoi-concepts of some social and cultural objects that do not have any geographical location (country estate, dacha, city, province, etc.).

Keywords: *local supertext, local text, local subtext, concept, locus, topos.*

REFERENCES

1. *Abashev V. V.* Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka. – Perm' : Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
2. *Ashihmina E. N.* N. S. Leskov v Orle. – Orel : OGU, 2010. – 215 s.
3. *Baltijskij arhiv.* Russkaja kul'tura v Pribaltike. T. XI : «Tallinskij tekst» v russkoj kul'ture. – Tallin, 2006. – 435 s.
4. *Viktorovich V. A.* Kolomenskij tekst russkoj literatury: k opredeleniju ponjatija // Kolomna i Kolomenskaja zemlja: istorija i kul'tura : sbornik statej / sost. A. G. Mel'nik, S. V. Sazonov. – Kolomna, 2009. – S. 336–345.
5. *Gavrilina L. M.* Kaliningradskij tekst v semiotičeskom prostranstve kul'tury // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija : Gumanitarnye i obščestvennye nauki. – 2011. – № 6. – S. 75–83.
6. *Geopanorama* russkoj kul'tury. Provincija i ee lokal'nye teksty / otv. red. L. O. Zajonc. – M. : Jazyki slavjanskaj kul'tury, 2004. – 672 s.
7. *Glazkova M. V.* «Usadebnyj tekst» v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2008. – 18 s.
8. *Dialog kul'tur: pojetika lokal'nogo teksta : materialy IV Meždunarodnoj nauchnoj konferencii / pod red. P. V. Alekseeva.* – Gorno-Altajsk, 2014. – 338 s.
9. *Korkunov V. V.* Lokal'nyj tekst kak predmet issledovanija [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : www.online-science.ru/userfiles/file/qksm5vcohezbtjs-uaqgy.
10. *Kupina N. A., Bitenskaja G. V.* Sverhtekst i ego raznovidnosti // Čelovek – tekst – kul'tura / pod red. N. A. Kupinoj, T. V. Matveevoj. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1994. – S. 214–233.
11. *Lovell S.* Dachnyj tekst v russkoj kul'ture XIX veka // Voprosy literatury. – 2003. – № 3. – S. 34–73.
12. *Loshakov A. G.* Sverhtekst: problema celostnosti, principy modelirovanija // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2008. – № 66. – S. 100–109.
13. *Lur'e M. L.* Jelementy lokal'nogo teksta: metodika kontekstnogo analiza [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : www.ruthenia.ru/folklore/.
14. *Ljusyj A. P.* Krymskij tekst v russkoj literature. – SPb. : Aletejja, 2003. – 314 s.
15. *Ljusyj A. P.* Moskovskij tekst: tekstologičeskaja koncepcija russkoj kul'tury. – M. : Veche ; Russkij impul's, 2013. – 320 s.
16. *Mednis N. E.* Sverhteksty v russkoj literature. – Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2003. – 170 s.
17. *Prohorova L. S.* Londonskij gorodskoj tekst russkoj literatury pervoj treťi XIX veka : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Tomsk, 2005. – 21 s.
18. *Russkaja provincija: mif – tekst – real'nost'.* – M. ; SPb. : Tema, 2000. – 492 s.
19. *Sibirskaja identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyje formy XIX–XXI vekov.* Serija : Universalii kul'tury. Vyp. VI / otv. red. N. V. Kovtun. – M. : Flinta ; Nauka, 2015. – 384 s.
20. *Toporov V. N.* Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» (vvedenie v temu) // V. N. Toporov. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo. Izbrannoe. – M. : Progress ; Kul'tura, 1995. – S. 259–367.
21. *Toporov V. N.* Peterburgskij tekst russkoj literatury. Izbrannye trudy. – SPb. : Iskusstvo, 2003. – 614 s.
22. *Tjupa V. I.* Analiz hudožestvennogo teksta. – M. : Akademija, 2009. – 336 s.
23. *Shhukin V. G.* Rossijskij genij prosveshhenija: issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej. – M. : ROSSPJeN, 2007. – 610 s.

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА И КОНФЛИКТ В ДРАМЕ Н. УГАРИНА «ПЕРЕД ПАСХОЙ»

¹Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия

²Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка системного анализа остроконфликтного произведения современного чувашского драматурга Н. В. Угарина «Мӑнкун умӑн» (Перед Пасхой). Конфликт в драме затрагивает целый клубок проблем, со всей остротой обнажившихся в сегодняшнем обществе. Гражданская позиция автора отчетливо выражена в философско-психологическом осмыслении античеловечной сущности войны и ее последствий. Герои Угарина, как правило, молодые люди, неизбежно приходят к трагическому исходу, но не исключительно по своей вине. Окружающие, зачастую это их близкие, предопределяют трагическую судьбу молодых людей [2]. Поэтому пьеса «Мӑнкун умӑн» (Перед Пасхой) обнажает всю суть подобных отношений, где из-за прошлых грехов одних приходится жертвовать другим. А жертва обязательно будет, не случайно драматург обращается к библейскому мотиву очищения.

Ключевые слова: Н. Угарин, современная драма, Пасха, духовная ценность, герменевтика, психологизм, традиция, конфликт.

Актуальность исследуемой проблемы. До настоящего времени не было серьезных работ, посвященных всестороннему анализу пьесы «Мӑнкун умӑн» (Перед Пасхой). Сегодня, в связи с переосмыслением ценностно-смысловых ориентиров общества большая роль начинает отводиться идеям этнокультурной обусловленности социально-личностного развития. В связи с этим видятся актуальными рассмотрение и анализ данного произведения. Цель статьи – выявить природу конфликта и своеобразие характеров в драматургии Н. Угарина на примере анализа одной драмы, где предельно обнажены взаимоотношения людей внутри одной семьи, которая является моделью сегодняшнего общества.

Материал и методика исследований. Материалом исследования является драма Николая Угарина «Мӑнкун умӑн» (Перед Пасхой). Применены герменевтический, общенаучный и аналитический методы, контекстуальный анализ.

© Трофимова С. В., Якимова Е. Р., 2017

Трофимова Светлана Валерьевна – аспирант кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: svetlanavalerjevna91@gmail.com

Якимова Екатерина Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: katya-af@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.04.2017

Результаты исследований и их обсуждение. Чувашская литература всегда была тесно связана с нравственными исканиями народа. Лучшие писатели постоянно поднимали вопросы добра и зла, совести, человеческого достоинства, справедливости. Широкий резонанс получают произведения, включающие в себя проблемы нравственности человека в рамках существующих традиций народа [11]. Одна из причин обращения современных писателей к темной стороне жизни в своих произведениях – бесхребетность добра перед злом. Освоение «жизни духа» в пьесах происходит за счет погруженности в культурно-историческую традицию чувашского народа [3]. Одним из писателей, который искренне болеет за нравственность общества, является Николай Васильевич Угарин. «С каждым последующим проникновением в глубины души героя я поднимаюсь на новый уровень», – говорит драматург, отвечая на вопрос о своем творчестве. С каждой очередной пьесой талант писателя замечают и читатели. Для драматурга в первую очередь важны сильные герои с глубоким характером. «Ныне хвалят за созданные характеры, а характеры они хвалят за то, что это “подлинные, живые люди”, “люди, в реальность которых веришь”» [4]. Поверхностное описание поступков героев удается многим, но глубокое раскрытие душевных смятений персонажей, причин их поступков, социальных отношений без развернутого повествования – характерная черта талантливого драматурга. Своеобразие стиля писателя связано с психологизмом, введением образов-символов, подтекстового начала, наличием смысловых пауз [4, с. 21].

Николай Угарин подчеркивает, что у него «есть свой путь», по которому он идет. «Чем глубже буду познавать душу человека, тем выше буду подниматься профессионально. А может, вовсе ничего толкового не напишу. Я себя не знаю, однако цель светла – это ценно, и есть мысль. Для меня большая радость – затронуть струны души человеческой», – пишет драматург.

В произведениях Угарина сосредоточивается духовная жизнь, которая определяется узами, связывающими автора и нас, интерпретаторов, с традициями народа [10], что проявляется уже в названиях пьес: «Мя́нкун умён» (Перед Пасхой), «Юнланнӑ пёркенчӑк» (Окровавленная фата). Кроме того, он, не ожидая от читателей ни похвал, ни критики, освещает животрепещущие проблемы современного общества: непристойность поведения, сложные взаимоотношения отцов и детей, неравноправие в обществе, двуличность поведения и др.

Сюжет своих произведений Угарин всегда строит обдуманно, основываясь на фундаменте жизненных фактов [2]. При анализе произведений драматурга создается связь между пониманием его частей через целое и целого – через постижение частей [3]. Он отличается умением показать стремление героев к моральной чистоте, несмотря на их злополучную судьбу.

Пьеса «Перед Пасхой» – это философское осмысление «правильного» поведения в жизни через обращение к традициям, которые основаны на вопросах морали. В художественном пространстве Н. Угарина обнажается «безысходность создавшегося духовно-нравственного положения не столько в судьбе одного человека, сколько всей нации» [8, с. 142].

Тема праздника невидимой нитью проходит через все произведение, наполняя его особым культурно-национальным колоритом (смыслом). Пасха для чувашского народа, который живет и кормится земледелием, – один из главнейших праздников. В пасхальные дни провожали старый год и встречали новый. В это время шла подготовка к полевым работам. Новый год начинал исчисляться именно с этого праздника [7, с. 92]. До Пасхи, в чистый четверг, как правило, занимались уборкой в домах: избавлялись от не-

нужных вещей, приводили себя в надлежащий вид: подстригали волосы, усы и бороды, надевали чистую, опрятную одежду.

Так, Отец (Ашшё) в драме подмечает, что «не только дом, но и все хозяйство надо приводить в порядок» (*Пурте сес мар, пётём кил-сурта тасатаş йна*). И герои действительно больше обеспокоены чистотой дома, нежели себя. Недостаточно убрать грязь в доме, где все люди запачканы ею, «толк от этой уборки», как говорит Никита, «вместо дома души бы очищали». Только в этом случае будет польза. (*Усси тасатни! Сурт тасатиччен чунсене тасатасчё*) [1, с. 292]. Будут чистыми души – будет и порядок, и гармония в доме, который пока наполнен злобой, недопониманием близких, непристойным поведением героев. Все это отпугивает Бога от семьи, а остаться без покровительства Всевышнего считалось у чувашей худшим наказанием. Не зря в деревнях говорят: «На Пасху не ругаются» (*«Майкунта вёрсмаşсё»*) [9, с. 81].

Накануне праздника прибывает сын из армии. Надежда на лучшую жизнь после его возвращения домой наполняет сердце матери парня и его любимой девушки теплом и счастьем. Ване пришлось быть участником чеченской войны, и по возвращении к мирной обыденности у него не получается реализовать свой потенциал и направить его в правильное русло. Он все измеряет войной, характеризуя свою жизнь как сплошное поле боя (*«Пурнйсаймра çапйсу кйна, чунра – пушиех»*) [1, с. 318].

Чеченская война, наряду с афганской, погубила большое количество чувашских парней не только физически, но и психологически, а последствия продолжают порождать остальные проблемы, мешают нормально жить, более того, губят, разрушают жизнь. На войне у Вани произошла сложная трансформация эмоций, самочувствия, деятельности, устремлений, образа мыслей, человеческих взаимоотношений. Вернувшись с войны, он хочет быть полезным и себе, и другим, но не умеет быть «мирным взрослым». Война пробудила в парне энергию, но не научила борьбе с житейскими трудностями, преодолению нудных и скучных жизненных преград. Очень вероятно возникновение у Вани тяжкого психического состояния – «вторичного военного стресса» [6] или отчуждения от общества, если не помочь ему в мирном жизненном обустройстве.

Дома Ваня видит разруху в первый же день своего пребывания: отец неадекватен, пьет до состояния психических изменений; мать обременена житейскими заботами, постарела; сестра с мужем – ни дня без ругани. Парень же отчужден от всего этого. «Нынче вся жизнь – война», – отвечает он своему другу Антону [1, с. 294]. Прошлая мирная жизнь кажется главному герою такой далекой, будто ее не было, потому что она несравнима с ужасом сражений. Потом в боях возникал «порочный круг» – страшная картина множества убитых и раненых способствовала нарушению психики. И здесь, на родине, он еще не готов к бытовым делам. Мыслей о будущем у Вани нет, он боится его, так как впереди, по его мнению, всех ждет только смерть. «Засохший молодой дуб» (*«хйрнй çамрйк юман»*), встретившийся в начале произведения, был предвестником трагической судьбы Вани. Это его дерево, проросло в год его рождения. Дуб, как другие деревья, не спешит распускаться по весне (*«Пур йывйссем те папкасем сара пусларёс, юман васкамасть»*) [1, с. 295]. Автор рисует противоположный образ дуба – дерева, характеризующегося стойкостью, непроницаемостью, долголетием. У чувашей «дуб-батюшка» – символ народа. В данном случае это знак судьбы Вани, предзнаменование трагического развития событий в его жизни. Однако этот знак всерьез не воспринимается, люди преступают грани дозволенного, не все придерживаются народных традиций.

С самого начала мы узнаем, что Ваню в деревне ждет любимая девушка Соня с ребенком. Но читателю не ясно, будут ли молодые люди вместе? Как встретят Ваню его любимые? И как поведет себя он с ними? «Чем могу быть полезен ребенку, если судьба предписана на погибель», – вот его позиция по отношению к тем, кто все время ждал его с войны. Надежды на счастливую семейную жизнь у Сони рассеиваются. Любовь переходит в злость, накапливается и выливается: «Почему дотянул до этого? Нужно было сразу сказать о том, что не любишь, что я тебе не нужна. С другой стороны, ты это сказал в первый же день приезда. Объяснил не словами, без слов» (*«Ма халиччен тэсса татан? Түрех каламаллаччэ тек юратмастан тесе, эс мана кирлэ мар тесе. Тепёр тесен, каларан-ске чапла килнэ кунах. Сямахна мар, сямахсарах аялантартан»*) [1, с. 312]. Ваня не находит слов в свое оправдание, он хочет объясниться перед Соней, однако ничего, кроме «прости-те меня», не может выжать из себя. С одной стороны, читатель готов осуждать и клеймить главного героя за отречение от семьи, за черствость, за плотскую связь с другой женщиной (с Таней), с другой стороны, Ване, как и многим, счастье видится в здоровье детей и чистоте души (*«Чун таса пултэр, тата ача сыва пултэр»*) [1, с. 314]). Из-за невозможности впустить в себя счастье и радость, обеспечить семью ни тем ни другим он отказывается от них.

Так, надежды на счастливое будущее рассеиваются в самые трудные минуты, неожиданные горе-ситуации беспрестанно ломают крылья молодых людей. Эти разочарования всегда связаны с невзвешенными поступками окружающих людей [10], [11]. Основой сюжета и конфликта, который развивается на сумятице, становится то, что молодые не могут свернуть в сторону от проложенной судьбой тропы. Это, как говорит Фаина, сестра Вани, «на бумаге можно нарисовать что угодно. Рисунок жизни же совсем иной» [1, с. 290]. Рисунок настоящей жизни заполняется обыденными делами, руганью и ссорами, злословием. Одних раздражает жизнь, других – искусство, третьих – и то и другое [4]. В пьесе нет ни одного счастливого героя. Ни дня без ссор и у Фаины с Никитой. Фаина как женщина, должная олицетворять продолжение рода, выступает символом разрушительного начала. «Какая польза от жизни с тобой?» – выпаливает она мужу в одной из ссор. Злость и зависть сидят в ней. Она и сама понимает, что зря тратит мирскую энергию на свое существование (*«...сут тёнчене сая ярса пуранны сес»*) [1, с. 290]). Семья на грани развода: нет детей, не желают понять друг друга. Их души лживые и злые. Вся их внутренняя злость вымещается на окружающих. Так и Антон, студент-художник, удобно расположившийся для рисования церкви, попадает под горячую руку семейной пары. Никита вовсе разрывает его холст, осуждает за изображение церкви и нечистоту души. Антон в общей картине пьесы предстает одним из морально устойчивых и здравомыслящих людей, не поддающихся искушениям и порокам. Более того, он единственный человек, понимающий трудности другого человека и старающийся всеми силами сопутствовать разрешению чужих проблем. Не сами ли осуждающие более чем порочны, «они живут рядом с церковью, но не имеют туда дороги, могут ли они знать о существовании греха?» (*«Чиркү сумёнче пуранса чиркү тёлне пёмеçсё те вёсем, сылах пулнине пёлеçсё-и?»*) [1, с. 288]).

«Разрушительное» берет начало от родителей. Нет гармонии и взаимоуважения между Матерью и Отцом, которые испокон являлись мерилем благополучной семейной жизни. Постоянные ссоры и ругань сказываются на климате семьи. «Для жизни с тобой необходимо иметь каменное сердце», – говорит Мать Отцу (*«Санпа юнашар пуранма чул чёре кирлэ»*) [1, с. 292]).

Драматургу важно, чтобы герои выходили из всех трудностей более сильными, «чис-тыми», к чему и пытается подвести своих героев. Каждый герой Угарина в произведении

имеет свое место и решающее значение в раскрытии сюжетной основы. Действия в пьесе протекают вокруг душевно больных людей, «и горе, и счастье» которых зависят от них самих, «нет повода перекладывать на других» («*Антон. Телей те хамъртан килет, инкек тўсни те хамъра пула, теприн сине йăвантармалли сук*» [1, с. 291]). Что для героев счастье? «Как ответить, если не ведаешь, что такое счастье» и не можешь впустить его к себе в душу?

Лишь большое горе (смерть Вани от руки Отца) приводит героев к мысли об истинных ценностях и правильных отношениях друг с другом. На данную ситуацию нельзя не обратить внимания, так как она наглядно демонстрирует своеобразие традиционной для драматургии Н. Угарина развязки конфликта.

И в контексте Пасхи, традиции которой не соблюдаются героями, лишь усиливается идея автора. Светлый праздник очерняется грубыми, «грязными», необдуманными поступками всех участников. Хочется надеяться, что Пасха – главный православный праздник, несущий свет и радость целым народам, в семьи и душу каждого верующего, – принесет в души героев Угарина мир и лад.

Резюме. Пьеса примечательна захватывающим художественным развитием. Сложные межличностные отношения в семье, постоянные ссоры, душевное неравновесие – все это приводит к тому, что злость накапливается и выливается на окружающих. Следовательно, выхолащиваются человеческие отношения. Существующая действительность довлеет над поведением человека. В поступках главного героя заложено все то, что определяет развязку действия [5, с. 143].

Таким образом, в художественном пространстве Николая Угарина предстает безысходность создавшегося духовно-нравственного положения в судьбе всей нации. Обращает на себя внимание мастерство драматурга в создании характеров. В рассмотренной нами драме «Мăнкун умён» (Перед Пасхой) предельно обнажены девиантные взаимоотношения людей современного общества, вынужденных приспосабливаться к новым реалиям жизни. В реальность персонажей, созданных драматургом, не только веришь, но и всячески соучаствуешь в их судьбе. У читателя появляется нескончаемое желание помочь им, направить на правильный путь, остановить перед трагедией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аста эс, сăлăнăç?..* Пьесăсем. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. – 320 с.
2. *Афанасьева Е. Р.* Типология жанров чувашской драматургии 1970–1990-х годов : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Чебоксары, 2000. – 145 с.
3. *Бедзир Н. П.* Лекции по методологии литературоведческих исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nataliabedzir.com/2013/12/11/лекции-по-методологии-литературоведч/>.
4. *Бентли Э.* Жизнь драмы. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 191 с.
5. *Бояринова Г. Н.* Типология конфликта в драматургии К. Коршунова // Марийская драматургия второй половины XX – начала XXI века : сборник статей / сост. Т. Н. Беляева; науч. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 142–145.
6. *Китаев-Смык Л. А.* Психология боевого стресса. – М. : Наука, 1983. – 368 с.
7. *Моргаушский район.* Традиции, обряды, праздники. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 319 с.
8. *Мышкина А. Ф.* Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 276 с.
9. *Чăваш халăх пултарулахе.* Пилсемпе кĕлĕсем. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. – 446 с.
10. *Якимова (Афанасьева) Е. Р.* Зарождение жанра исторической трагедии в чувашской драматургии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1(81). – С. 85–88.

11. Якимова (Афанасьева) Е. Р. Паянхи чăваш драматургийĕн кун-çулĕ // Ашмаринские чтения : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. А. М. Иванова. – Чебоксары, 2014. – С. 293–295.

UDC 821.512.111.09-21Угарин«19»

S. V. Trofimova¹, E. R. Yakimova²

CHARACTER AND CONFLICT IN DRAMA «BEFORE EASTER» BY N. UGARIN

¹I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

²I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The authors make an attempt of systematic analysis of an acute work of the modern Chuvash playwright, N. Ugarin. The conflict in the drama involves a whole tangle of problems, acutely exposed in today's society. The civil position of the author of the drama is clearly expressed in the philosophical-psychological understanding of anti-humane nature of war and its consequences. The characters in the drama are generally young people, who inevitably come to a tragic outcome, but not particularly through their own fault. The people surrounding them, who are primarily their relatives, predetermine the tragic fate of young people [2]. Therefore, the play «Before Easter» reveals the whole essence of such relationship, in which due to the wickedness of some people, some other people have to be responsible for this. And the sacrifice is bound to be, it is no accident that the playwright turns to the Biblical motif of purification.

Keywords: N. Ugarin, modern drama, Easter, spiritual value, hermeneutics, psychology, tradition, conflict.

REFERENCES

1. *Аçта* jes, çălănăç?.. P'esăsem. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 2005. – 320 s.
2. *Afanas'eva E. R.* Tipologija zhanrov chuvashskoj dramaturgii 1970–1990-h godov : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Cheboksary, 2000. – 145 s.
3. *Bedzir N. P.* Lekcii po metodologii literaturovedcheskih issledovanij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://nataliabedzir.com/2013/12/11/lekcii-po-metodologii-literaturovedch/>.
4. *Bentli Je.* Zhizn' dramy. – M. : Ajris-Press, 2004. – 191 s.
5. *Bojarinova G. N.* Tipologija konflikta v dramaturgii K. Korshunova // Marijskaja dramaturgija vtoroj poloviny HH – nachala HHI veka : sbornik statej / sost. T. N. Beljaeva; nauch. red. R. A. Kudrjavceva. – Joshkar-Ola, 2012. – S. 142–145.
6. *Kitaev-Smyk L. A.* Psihologija boevogo stressa. – M. : Nauka, 1983. – 368 s.
7. *Morgaushskij rajon.* Tradicii, obrjady, prazdniki. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2004. – 319 s.
8. *Myshkina A. F.* Chuvashskaja hudozhestvenno-filosofskaja i hudozhestvenno-publicisticheskaja proza vtoroj poloviny XX veka. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2005. – 276 s.
9. *Chăvash* halăh pultarulăhĕ. Pilsempe kĕlĕsem. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 2005. – 446 s.
10. *Jakimova (Afanas'eva) E. R.* Zarozhdenie zhanra istoricheskoi tragedii v chuvashskoj dramaturgii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2014. – № 1(81). – S. 85–88.

© Trofimova S. V., Yakimova E. R., 2017

Trofimova, Svetlana Valeryevna – Post-graduate Student, Department of Chuvash Language and Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: svetlanavalerjevna91@gmail.com

Yakimova, Ekaterina Romanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: katya-af@yandex.ru

The article was contributed on April 17, 2017

11. *Jakimova (Afanas'eva) E. R.* Pajanhi chăvash dramaturgijën kun-çulě // *Ashmarinskie chtenija : sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii / sost. i otv. red. A. M. Ivanova.* – Cheboksary, 2014. – S. 293–295.

УДК 821.512.111.09-14Семендер

Т. Н. Филиппова

ПРИРОДА КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ В ЛИРИКЕ ЮРИЯ СЕМЕНДЕРА

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению лирики природы в творчестве чувашского поэта Ю. С. Семендера. С этой целью проанализированы произведения из сборников «Аван-и, салтак» (Здравствуй, солдат), «Чётёрлĕ кĕпер» (Узорчатый мост), «Усланкăри палан» (Калина на опушке), «Хурапа шурă» (Черное и белое). Выявляется, что природа для поэта – это центральный образ, раскрываемый посредством изображения леса, родника, неба, поля и т. д. Через образы родной природы Ю. Семендер воспринимает события жизни человека, передает свое душевное состояние. Для этой цели он привлекает простые сравнения с жизнью природы. Поэт стремится показать ее красоту, восхищение, вдохновение ею, любовь к своей малой родине.

Ключевые слова: поэзия, лирика природы, образ, поэтика, вдохновение, национальный характер.

Актуальность исследуемой проблемы. Родина, родные просторы, природа – все это знакомо человеку с детства. «Тăван сĕрĕн тусанĕ те тăван, пылчăкĕ те пылак» (У родной земли и пыль родная, и грязь сладкая), – говорили чуваша издавна [1, с. 36].

Тема природы всегда являлась актуальной. В XXI в. – веке технического прогресса – проблема природы занимает одно из главных мест. В целях повышения ее значимости, сохранения ее даров обращение к данному вопросу вполне оправданно.

Практически каждый писатель или поэт в своих произведениях описывает близкие сердцу родные просторы, красоту природы. В творчестве Ю. Семендера лирика природы также занимает одно из почетнейших мест.

В связи с недостаточной изученностью данной проблемы в статье была поставлена цель – раскрыть, насколько важна для лирического героя Ю. Семендера природа.

Материал и методика исследований. Материалы исследования составили тексты лирических произведений Ю. Семендера 80-х гг. XX в. – 2010-х гг. В работе применялись такие методы и приемы литературоведческого исследования, как анализ, сопоставление, сравнение.

Результаты исследований и их обсуждение. Лирика Юрия Семендера очень разнообразна. В своем творчестве он затрагивает многие темы: труда, дружбы, любви. Родившемуся и выросшему в деревне Семендеру также очень близка тема природы.

Многие художники и поэты стремятся воспеть в своих произведениях красоту природы. Действительно, в каждую пору года она прекрасна по-своему. Будь то весна, лето, осень или зима. Особенно красива природа на рассвете и на закате. Именно в эти минуты ощущаешь какое-то волшебство, словно природа раскрывает всю свою душу:

© Филиппова Т. Н., 2017

Филиппова Татьяна Николаевна – аспирант кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tanjuschka_ya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2017

*Çёнёрен шуçайсем çёкленеççё,
Çён кавир эреилет çуркунне.* [5, с. 265]

*Çап-çутай сывлăмлай ирсем,
Ялан çынна
Ыр сунакан,
Юна-чуна
Вай хушакан
Таса ирсем, шупка ирсем,
Кам çуратать сире, ирсем?
Кам вăратать сире, ирсем?* [8, с. 34]

Поднимаются рассветы заново,
Разрисовывает весна новый ковер.
(Подстрочный перевод автора статьи.)
Утро с чистой-чистой росой,
Желающее людям
Добра,
Дающее силу
Душе и телу,
Светлое утро, розовое утро,
Кто вас рождает, утро?
Кто вас будит, утро?
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Образ природы, природных явлений в лирике Юрия Семендера разнообразен и многолик. Так, первое стихотворение, написанное в 1957 г., было посвящено ели. Начинающий поэт чувствует природу сердцем:

*Йёплё чăрăш шевёр тăррине
Кармашать çўле, хёвел енне.
Çуркуннен ем-ешёл тумёне
Вăл сулла, хёлле е кёркунне.* [6, с. 21]

Игольчатая ель своей макушкой
Тянется ввысь, к солнцу.
Но в весеннем зеленом наряде
Стоит она летом, зимой и осенью.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

В каждом явлении природы поэт видит особую красоту. Наделяя дерево человеческими качествами, Семендер стремится показать, что способность жить, любить и чувствовать присуща не только людям, но и растениям:

*Ешёл чăрăш ыталанă
Йăрăс пўллё хурăна,
Тёл пулмасăр тунсăхланăн,
Тем калать, калать а́на.* [6, с. 80]

Зеленая ель обняла
Стройную березу.
Как будто скучала по ней,
Рассказывает что-то ей.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Человек и природа тесно связаны друг с другом. Она создает все условия для жизни человека, поэтому так важно жить с ней в гармонии.

Чуваши издавна были близки к природе, они и сейчас стремятся сохранить равновесие во взаимоотношениях с природными явлениями. Исследователь чувашской литературы О. В. Скворцова верно отмечает, что «смысл жизни чуваша видят в согласии с природой» [10, с. 67].

Лирический герой Ю. Семендера также с малых лет близок к природе. Он чувствует ее глубоко, живет с ней в согласии, как правильно отмечают исследователи, «в гармонии с природой» [2, с. 289], что характерно для чувашского национального характера. Лирический герой ощущает эту связь, поэтому одушевляет ее: *ту ачаларё* (гора ласкала), *вăрман хулен кăна пуç тайрё* (лес медленно поклонился), *шив хумханчё* (вода заволновалась), *сăрханать сар хёвел пайăрки* (просачивается луч золотого солнца).

В лирике поэта природные цвета *сарă* (желтый), *ылтайн* (золотой) – ведущие. Они олицетворяют радость, счастье. Это цвет солнца, которое дарует жизнь всему на земле. «Известно, что в чувашском фольклоре желтый (солнечный) цвет “сарă” относится к миру Прекрасного. С помощью эпитета “сарă” народ подчеркивает совершенство упоминаемого объекта и свое благорасположение к нему. Так, о красивой девушке говорят “сарă хёр”, о цветке – “сар чечек”, о меде – “сарă пыл”, о певчей птичке – “сарă кайăк”», – подчеркивает литературовед Е. Ю. Иванова [3, с. 64]. Через цвет *сарă* поэт показывает хорошее настроение лирического героя, его гармоничное восприятие жизни. Следует также отметить, что золото в контексте стиха Ю. Семендера – это добро, богатство души, внутреннего мира человека, справедливость, красота, сила.

Картины природы часто наводят поэта на философские размышления о смысле жизни:

*Типтере вёреннĕ тинĕс
Ярĕ-и сая çиле:
Хайĕн йăлтăр-йăлтăр симĕс
Виткĕçне пĕрмай силлет.
Сăнаса пăхсамăр лайăх:
Тинĕс – шутсăр пысăк кайăк.
Çунатне сулат, сулат,
Хай вĕçет, çыран юлат. [9, с. 186]*

Если в раздоре
Ветер и море,
Терпит волна
Горе сполна.
С берега, друг, примечай-ка:
Море – огромная чайка –
Крыльями машет оно,
Только взлететь не дано. [9, с. 187]
(Перевод А. Дмитриева и В. Кочеткова.)

Мастерство Семендера без преувеличения поражает читателя. Он умеет найти в самых обыкновенных природных явлениях то, что служит точным, зеркальным отображением красоты, и описать это простым языком:

*Курсам, епле хитре паян тавралăх,
Епле хитре, епле таса тĕнче,
Хёрсен карти пек ытарми йăмралăх
Шап-шур эрешлĕ нас ялтравĕнче...
<...>
Эс хурăнсем патне пырса пăхсамчĕ:
Кашни турат çинче – пин-пин ахах,
Пире парне кĕресшĕн хĕл-асамçă,
Ун çинелле эс сиввĕн ан пăхах... [9, с. 20]*

Какую сказку дарит нам природа!
Как первозданна белизна, смотри:
Вот в платьях подвенечных хороводом
Кружатся ветлы в отблесках зари.
<...>
Зима к березам тоже благосклонна,
На каждой ветке – жемчуга горят.
Пусть душу освежат деревьев звоны,
От немощи ее освободят. [9, с. 21]
(Перевод Л. Симоновой.)

И каждое такое явление, будь то щебетание птиц, восход солнца, дождь или снегопад, раскрывается поэтом во всей красе и притягательности. Также следует отметить, что картины природы, изображенные поэтом, реалистичны и полны жизненного напора. Нам встречается лес (*сёрлет вăрман* (шумит лес)), или поле (*хирсем хумханаççĕ* (колышется поле)), или родник (*шăнкăр-шăнкăр çăлкуç* (родник журчит)), или солнце (*çурхи хĕвел* (весеннее солнце)), это значит, что именно такими увидел их Семендер и, наделив свойствами живых существ, показал читателю красоту и колоритность природы.

Услышать пение жаворонка или соловья, увидеть, как шумит пшеница в поле, вдохнуть ароматы леса или цветущего луга, прильнуть губами к свежему, прохладному роднику – это ли не самая большая радость в жизни человека, величайший подарок, который дарит нам природа:

*Хуллен хявалъха ансан,
Илтен сълкусъл
Шянкър сассине.
Ик хулупа сѣре ыталаса
Аш каниччен
Ёсен сѣр сѣткенне. [4, с. 27]*

*Сълте-сълте, пуз тўпинче,
Вър саврәнса вѣсет тѣри,
Хѣвел патне каять юрри... [7, с. 22]*

*Сѣмѣртсем сурълсан,
Кѣмѣл уйѣх тухсан,
Шяпчаксем шярататчѣс юрра. [5, с. 90]*

Спускаешься ли медленно в ивняк,
Услышишь скоро звонкое
Журчанье родника.
Обнимая руками землю,
Досыта
Пьешь этот сок земли.
(Подстрочный перевод автора статьи.)
Высоко-высоко в небе над головой
Кружится, летает жаворонок,
И песня его поднимается к солнцу...
(Подстрочный перевод автора статьи.)
Когда зацветут черемухи
И появится в небе серебристая луна,
Заливаются песнею соловьи.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Как же приятно отдохнуть вечером под открытым лунным небом, любоваться звездами рядом с милой: «Уйѣх – ылтѣн кимѣ – ерипен шявать» (Месяц – золотая лодка – медленно плывет), «Съл тўпери сълтѣрсене / Каша хирѣс чѣтрѣмѣр» (Звезды на небе / Зажгли мы к вечеру) [7].

Удивительно при этом, что Ю. Семендер изображает не какие-то особенные или эффектные картины, а самые обыденные явления. Однако они пропитаны радостью, и в них открывается тайна круговорота самой жизни. Образы природы у поэта ощутимы, конкретны, полны деталей, звуков и даже запахов:

*Капансенче –
Июнь шяришилѣ утѣ. [8, с. 31]*

*Мѣнпур тавра юрлатъ,
Чѣре юрлатъ хаваслѣн
Сурхи садри телейлѣ шяпчакла. [8, с. 97]*

В копнах –
Сено, пахнущее июнем.
(Подстрочный перевод автора статьи.)
Поет вся округа,
И сердце поет заодно,
Как счастливый соловей в весеннем саду.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Часто встречающиеся образы у поэта – лес, поле, родник, которые составляют богатство лирического героя. Они дают ему силу жить, радоваться, чувствовать саму природу, быть в согласии с родиной. В своих стихотворениях Ю. Семендер показывает, «что человек силен родиной с ее родниками, полями, лесами, песнями, поэтому лирический герой славит ее – родину – святое место человека земли» [2, с. 290]:

*Укълчаран тухса чупса анам-и
Лаштра йѣмраллѣ Шетмѣ хѣррине,*

Выйду ли я за околицу
К берегам Шатьмы, к ветлам,

*Шур чул сине тӑрса тӑр шыв ӑсам-и,
Ӑсам-и сар хӗвелӗн шевлине?*

*Иркӗлӗм ансӑр сукмакпа каям-и
Сут сывӑм сыпӑн уӑх варрине,
Савни парни пек сӗклесе пырам-и
Умра кӗрен чечекӗн сыххине?*

*Ачалӑхри пек савӑнса кӗрем-и
Кукук сассилӗ хурӑн катине,
Пулас кунсӗлӑма курса итлем-и
Сӗршывӑмӑн кӗрнеклӗ кӗввине? [7, с. 15]*

Почерпну ли я чистой воды, стоя на белом камне,

Почерпну ли луч солнца золотого?
Пойду ли я ранним утром тропинкой узкой
На середину заливного луга с чистой росой,

Понесу ли я в руках, как подарок возлюбленной,

Букет розовых цветов?
Пойду ли я, радостный, как в детстве,
В березовую рощу с пением кукушки,
Увижу ли я грядущие мои года и
Послушаю ли я величественные мелодии
моей страны?

(Подстрочный перевод автора статьи.)

Задавая читателю риторические вопросы, лирический герой прекрасно понимает, что детство и молодые годы позади. Повествователь желает хотя бы на какое-то время вернуться туда, однако знает, что это невозможно. Поэтому он всегда помнит о родной природе, часто ее вспоминает:

*Тухаймӑн эп, ытарайми кӗтесӗм,
Хӗлхем пекех хӗрӗ ытамӑнтан,
Вӗссе сӗрет-сӗке шухӑшӑм-чӗкесӗм,
Суралӑн яӑм, сан тавра ялан. [7, с. 15]*

Не смогу я выйти, родной мой уголок,
Из твоих жарких объятий,
Все летает моя мысль-ласточка,
Всегда вокруг тебя, деревня моя родная.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Родная природа в лирике поэта изображается в разные времена года, но больше всего в стихотворениях встречается образ весны. Ее приход воспринимается лирическим героем как воскресение, поэтому он ожидает ее с нетерпением. Весна придает поэту сил, в нем просыпается жажда жизни, одновременно с этим он преклоняется перед ее вечной, постоянно возрождающейся красотой:

*Чун сисет: кӗсех юр кайӗ,
Ларӗ сескене тавра,
Инсӗтрен килсе сар кайӑк
Юрӑ юрлӗ пӗр савра... <...>
Сӗн вай-хал кӗрен хыпарӑн
Йышӑнар кашни куна,
Ӗмӗт тӗнчине хӑпарӑн
Кӗтӗр савӑнӑс чуна. [6, с. 238]*

Душа чувствует: скоро снег растает,
Зацветет кругом листва,
Иволга, прилетев издалека,
Запоеет свою песню... <...>
Дающие вдохновение новости
Примем каждый день,
Пусть порадуется душа,
Взмывая в мир мечты.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Каждое время года у поэта ассоциируется с определенными эмоциями и ритмом жизни. Осень, например, вызывает у лирического героя некую тоску, негу и эмоциональность:

Çул тӳпӳре хур кайаксем ял урлӳ
Ашӳ енне вӳсетчӳ кӳркунне.
Каяс килмен пек йывӳррӳн, салхуллӳн
Вӳсем сулатчӳ сунаттисене. [4, с. 15]

На небе лебеди через деревню
Летели осенью в теплые края.
Тяжело и нехотя, с грустью
Махали они крыльями своими.
(Подстрочный перевод автора статьи.)

Резюме. Итак, тема природы в лирике Ю. Семендера всегда связана с внутренним миром поэта. При этом вся сила его стихов заключена в эмоциональном, поэтическом изображении пейзажей, явлений природы, содержания Прекрасного через светлые, теплые тона и краски. Ю. Семендер очень любит родную природу, ценит ее. Она вдохновляет поэта на создание новых прекрасных произведений, стихотворений-размышлений о жизни, о месте человека в этом мире, о его взаимодействии в согласии и гармонии с природой, о вечности жизни и о неповторимости природы. Новизна статьи заключается в системном осмыслении психологических и художественных особенностей лирики Юрия Семендера. Это позволило автору статьи по-новому оценить место и значение его поэзии в чувашской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Г. Н. Кил илемӳ : калавсем, юмахсем, очерксем. – Шупашкар : Чӳваш кӳнеке изд-ви, 2007. – 127 с.
2. Ермакова Г. А., Иванов В. А., Хабибуллина Э. Х. Картина мира этноса через семиотику языковых единиц лирического произведения Я. Ухся «Полюбил я, поля, вас» // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 289–292.
3. Иванова Е. Ю. Художественно-философская концепция счастья в поэзии Алексея Воробьева в контексте национально-культурных традиций // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1(77), ч. 1. – С. 60–70.
4. Сементер Ю. С. Аван-и, салтак : сӳвӳсем. – Шупашкар : Чӳваш кӳнеке изд-ви, 1981. – 100 с.
5. Сементер Ю. С. Кӳрхи вӳсев : сӳвӳ-юрӳ, поэмӳсем. – Шупашкар : Чӳваш кӳнеке изд-ви, 2010. – 318 с.
6. Сементер Ю. С. Сӳвӳсем. Сӳрнисен пуххи. Пӳрремеш том. – Шупашкар : Сӳнӳ вӳхӳт, 2015. – 452 с.
7. Сементер Ю. С. Усланкӳри палан : сӳвӳсемпе поэма. – Шупашкар : Чӳваш кӳнеке изд-ви, 1987. – 95 с.
8. Сементер Ю. С. Чӳнтӳрлӳ кӳпер : сӳвӳсемпе поэма. – Шупашкар : Чӳваш кӳнеке изд-ви, 1984. – 128 с.
9. Сементер Ю. С. Черное и белое (Хурапа шуӳ) : стихи и поэмы. – Чебоксары : Чувашия, 1998. – 308 с.
10. Скворцова О. В. Поэзия В. Эндипа как пространство представления ведущих философских идей чувашского этноса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1(81). – С. 65–70.

UDC 821.512.111.09-14Семендер

T. N. Filippova

NATURE AS A SOURCE OF INSPIRATION IN THE LYRICS OF YURI SEMENDER

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the lyrics of nature in the works of Yuri Semender. The author analyzes the works from the collections of «Hello, soldier», «Patterned bridge», «Kalina on the edge», «Black and white». The article also reveals that nature is the central image disclosed through the image of forest, spring, sky, field, etc. Through the images of mother nature, Semender perceives the events of human life, conveys his state of mind. For this purpose, it draws easy comparisons with the life of nature. The poet seeks to show the beauty of nature, admiration, inspiration, love for his Homeland.

Keywords: *poetry, lyrics of nature, image, poetics, inspiration, national character.*

REFERENCES

1. Volkov G. N. Kil ilemë : kalavsem, jumahsem, ocherksem. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 2007. – 127 s.
2. Ermakova G. A., Ivanov V. A., Habibullina Je. H. Kartina mira jetnosa cherez semiotiku jazykovyh edinic liricheskogo proizvedeniya Ja. Uhsaja «Poljubil ja, polja, vas» // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 289–292.
3. Ivanova E. Ju. Hudozhestvenno-filosofskaja koncepcija schast'ja v poezii Alekseja Vorob'eva v kontekste nacional'no-kul'turnyh tradicij // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2013. – № 1(77), ch. 1. – S. 60–70.
4. Sementer Ju. S. Avan-i, saltak : sävāsem. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 1981. – 100 s.
5. Sementer Ju. S. Kërhi vëçev : sävā-jurā, poemāsem. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 2010. – 318 s.
6. Sementer Ju. S. Säväsem. Çyrnisen puhhi. Përremesh tom. – Shupashkar : Çënë vâhât, 2015. – 452 s.
7. Sementer Ju. S. Uçlankâri palan : sävāsempe poemā. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 1987. – 95 s.
8. Sementer Ju. S. Chëntêrlê këper : sävāsempe poemā. – Shupashkar : Chăvash këneke izd-vi, 1984. – 128 s.
9. Sementer Ju. S. Chernoe i beloe (Hurapa shurā) : stihi i poemjy. – Cheboksary : Chuvashija, 1998. – 308 s.
10. Skvorcova O. V. Pojezija V. Jendipa kak prostranstvo predstavleniya vedushhih filosofskih idej chuvashskogo jetnosa // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2014. – № 1(81). – S. 65–70.

© Filippova T. N., 2017

Filippova, Tatyana Nikolaevna – Post-graduate Student, Department of Chuvash Language and Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanjuschka_ya@mail.ru

The article was contributed on April 16, 2017

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются высказывания с семантикой мотивации «от противного». Отмечается, что существенную роль в них играют прагматические характеристики, которые детерминируют выделение семантических разновидностей мотивационных предложений. Побудительная семантика, выражаемая в секвентной части глаголами в повелительном наклонении, является мотивирующим фактором для исполнения действия с целью предотвращения возможной неблагоприятной ситуации. Подробному анализу подвергаются императивные глагольные формы совершенного и несовершенного видов. Автор приходит к выводу, что в рассмотренных высказываниях глаголы с императивным значением представляют действие как конкретный или обобщенный факт.

Ключевые слова: *предостережение, императив, конкретно-фактическое значение, общефактическое значение.*

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время изучение функционирования глагольных форм в тексте включается в разработку актуальных проблем, которые связаны со всесторонним анализом аспектуально-темпоральных особенностей высказываний мотивационного типа, с межкатегориальным взаимодействием, с вопросами функционирования единиц языка в художественном произведении. Подробный языковой анализ модальных, аспектуальных, темпоральных особенностей семантики предостережения в сочетании с логическими и прагматическими факторами позволяет применить комплексный подход при исследовании мотивационных высказываний с такой семантикой. Целью исследования является характеристика аспектуальных свойств высказываний с семантикой предостережения на основе контекстного анализа.

Материал и методика исследований. Материалом для изучения послужили высказывания из текстов русской художественной литературы, выражающие значение предостережения и содержащие в секвентной (интенциональной) части императивные глагольные формы. Исследование ориентировано на проблемы современной лингвистики, опирается на функциональную грамматику и когнитивистику, привлекаются логические и прагматические составляющие композиционного анализа. Используются описательно-аналитический, структурно-семантический, контекстуально-логический методы; приемы

© Юркина Т. Н., 2017

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2017

наблюдения, толкования, структурного исследования; элементы трансформационного и контекстного анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. Учет прагматических особенностей функционирования языковых средств в тексте позволяет выделить следующие семантические разновидности конструкций мотивационного типа: «подтверждение предположения», «опасение/предостережение», «обоснование оценки» [7, с. 36]. При выражении предостережения секвентная (мотивационная) часть выражает интенциональность, которая понимается как «связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания быть одним из элементов речевого смысла» [2, с. 29] (интенциональность описывается также в других источниках [3, с. 141], [5, с. 453–455]). Поэтому при характеристике секвентной части мы можем использовать термин «интенциональная часть».

Высказывания с семантикой предостережения состоят из двух самостоятельных предикативных частей и строятся по модели «А, а то Б». Исследователь высказываний с отношениями обусловленности Л. Н. Оркина пишет о том, что при анализе таких двухкомпонентных высказываний важно учитывать скрытую невербализованную часть, по значению противоположную части А. Поэтому высказывание с моделью «А, а то Б» можно развернуть как «А, потому что (так как) если не А, то Б»: если А, то не Б; если не А, то Б. Ср.: *Закрой окно, а то простудишься; Закроешь окно – не простудишься; Не закроешь окно – простудишься* [7, с. 35].

Таким образом, для структуры анализируемых высказываний характерно специфическое построение. В секвентной части выражается оправдание императивной ситуации, заключающееся в предъявлении «такой причинной мотивации, которая базируется на отношениях необходимой обусловленности между составляющими макроситуацию микроситуациями, обладающими признаками фактообразующего (пропозитивного) свойства» [7, с. 43].

Далее мы проведем анализ высказываний, содержащих в части А формы синтаксического императива. В высказываниях с формами повелительного наклонения (в интенциональной части) говорящий побуждает адресата к определенному действию, сам же отстраняется от сферы его деятельности. В прагматико-мотивационном типе предостережения говорящий с помощью императивных форм «прибегает к аргументации необходимости совершения действия посредством предъявления угрозы наступления неблагоприятной для адресата ситуации в случае его неповиновения» [7, с. 42]: *Положите его в больницу, а то он умрет!* (М. Глушко. Мадонна с пайковым хлебом); *Дай мне адрес, а то потеряешь* (А. Алексин. Коля пишет Оле, Оля пишет Коле); *И встань, и сядь с приметой, не то свекровь обидится...* (Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). В приведенных высказываниях контекст секвентной части дополняется модальным значением вынужденности действия. Можно предположить, что в рассматриваемых конструкциях именно предостережение служит тем определяющим фактором и мотивом, который стимулирует адресата повелительной ситуации к выполнению желательного действия. Императивное действие передается говорящим как одна из разновидностей директивного акта – просьбы, требования, приказа, предложения, совета (см. подробнее об апеллятивном употреблении императива и его иллокутивных функций в [9, с. 90], о фактивных предложениях и их семантических интерпретациях в [10, с. 202–207]):

– простое побуждение: *Нюра, **проводи**, а то я не найду тут* (Б. Шимаев. Шрамы);

– приказ: *А ну, **вверх руки, вверх!** А то всю очередь выпущу в живот* (Ю. Бондарев. Выбор);

– запрет: ***Не спрашивай**, Остап, не то посеешь* (Н. Гоголь. Заколдованное место);

– просьба: ***Возвращайся** поскорей... А то я побегу по твоему следу* (В. Дудинцев. Белые одежды);

– совет: *Полегче **топай**, Анисимович, а то пол провалится!* (В. Стрекач. Глубинка);

– приглашение: ***Угощайтесь**, товарищи лейтенанты, пока мы богаты. А то одни воспоминания останутся* (Ю. Бондарев. Выбор).

Необходимо отметить, что использование императивных конструкций в анализируемых нами высказываниях является естественным и логичным отражением логико-семантической структуры речевого акта угрозы [4, с. 289–290].

В выражении побудительной ситуации, которая осуществляется говорящим с целью предотвратить возможное нежелательное действие, принимают участие также различные конструкции с императивной семантикой:

– конструкции с формами разветвленной императивной парадигмы [4, с. 464–470]:

***Оставим** этот разговор <...> а то опять <...> на стену полезем, чуть не до драки* (И. Гончаров. Обрыв); ***Убери** их <...> или **придержи** руками, а то они у тебя наземь упадут* (М. Шолохов. Они сражались за Родину); ***Пусть принесут** сюда, а то он еще харкнет в общий котел* (А. Платонов. Усомнившийся Макар); ***Давай** <...> завтра же **распишемся**, а то что-нибудь случится* (А. Жуков. Судить Адама);

– инфинитивные конструкции:

*Сейчас же **затворить** все двери!.. А то <...> моментально удерем в «Вавилон»!* (Л. Андреев. Признаки);

– побудительные безглагольные конструкции [6, с. 93]:

За работу, живо!** Не то перестреляю всех!* (С. Ярославцев. Экспедиция в преисподнюю); ***Вон! Вон**, а то всех перешибу!* (Б. Лавренев. Седьмой спутник); ***Нет, сперва в кухню, а то завтрак пропустим! (В. Каверин. Два капитана);

– транспозитивные формы:

***Поехали**, а то <...> ногу отморозишь* (Б. Екимов. За теплым хлебом); ***Пошли**, <...> не то и в самом деле заберут* (Б. Можаяев. Мужики и бабы).

В ситуациях с императивными глагольными формами выражается призыв говорящего к необходимому и желательному изменению существующего положения дел, которое может привести к негативному результату. Анализ лексического наполнения рассматриваемых конструкций показывает, что императивная ситуация часто поддерживается и дополняется лексемами с соответствующей семантикой. Побуждение к действию может представляться говорящим как нетерпеливое, в предложении появляются слова *сейчас, скорее*: ***Сейчас же залазь!** А то мужика побужу, он тебе всыплет* (Н. Надеждина. Партизанка Лара); *А полиции **заяви** <...> **скорее!** А то она подумает – убил ты бабу* (М. Горький. На дне). Часто призыв к императивному действию выражается также как возможный выбор между двумя императивными ситуациями, при этом в секвентной части функционирует лексема *лучше*: *Алеша, ты **лучше** его **разбуди**. А то он разоспится <...> не поднимешь* (М. Булгаков. Белая гвардия); *Знаете, **лучше вознаградите** меня за марку, а то я что-нибудь <...> придумаю и вам сделаю* (Н. Федорова. Семья).

Функционирование глагольных видовых форм в императиве часто дополняется выражением модального значения. Категория вида в повелительном наклонении выполняет две функции: «собственно аспектуальную (создающую качественную характеристику действия)

и модальную (передача модально-экспрессивных оттенков волеизъявления)» [1, с. 4]. Если императивные конструкции используются прежде всего для выражения побуждения к реализации целостных и нецелостных действий, то модальная экспрессивность категории вида является итогом взаимодействия видовой семантики с семантикой императива.

Далее рассмотрим функционирование глагольных форм сначала в секвентной части, содержащей императивную ситуацию, затем – в антецедентной, демонстрирующей возможную негативную ситуацию.

Основная функция глаголов совершенного вида (СВ) в тексте – информирующая. Императивные формы глаголов СВ без отрицания, функционирующие в секвентной части, выражают мотивированное предостережением требование совершить должное действие результата или пресечь совершение действия адресатом: *Отойди, а то стопчу!* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Отпусти! Не то вон сейчас Ефрему и крикну!* (С. Залыгин. Соленая Падь); *Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь* (А. Островский. Бешеные деньги). Глаголы СВ используются в конкретно-фактическом значении (*отпусти, отойди, замолчи*).

Основная функция глаголов несовершенного вида (НСВ) – сигнализирующая. Действие, выражаемое глаголом НСВ, обычно подразумевается ситуацией, обусловлено ею, является само собой разумеющимся. В соответствующем контексте возможна видовая конкуренция глагольных форм: глаголы СВ в конкретно-фактическом значении легко заменяются глаголами НСВ в обобщенно-фактическом значении: *Так дайте* (ср.: давайте) *мне билеты-то, а то без билетов не пустят* (А. Островский. Таланты и поклонники); *Закройте* (ср.: закрывайте) *окно, а то налетит серая дрянь* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Отвори* (ср.: отворяй), *а то я дверь выломаю* (А. Чехов. Палата № 6); *Уйди* (ср.: уходи), *говорю, а то ушибу!* (Е. Носов. Варька).

Глагольная форма СВ более категорична, информативна и модально окрашена, а глагол НСВ только усиливает побуждение к действию, не выражая при этом новую информацию.

Наблюдения В. С. Храковского показали, что в императивных конструкциях глагольная форма НСВ используется в общефактическом значении [10, с. 219–227]. Е. В. Падучева пишет: «Можно подумать, что основное значение НСВ, которое реализуется в императиве, – это общефактическое» [8, с. 69]. Это значение обусловлено разными точками отсчета: *Ешь, а то опьянеешь* (А. Жуков. Судить Адама); *Да ты говори, а то уйду* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Убирайтесь из школы! А то сына сделаем калекой* (Огонек. 1988. № 47); *Лучше смотри под ноги, а то поскользнешься* (В. Катаев. Отче наш); *Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!»* (А. Островский. Таланты и поклонники). Глагольная форма НСВ содержит нейтральное побуждение, и все внимание говорящего сосредоточивается на самом действии. По мнению исследователя Е. В. Падучевой, основное значение императивной формы глагола НСВ складывается из трех основных компонентов: «внимание на начальной фазе», «немедленно» и «обусловленность действия ситуацией» [8, с. 68–75].

В секвентной части в условиях видовой конкуренции глаголы НСВ в общефактическом значении легко заменяются глаголами СВ в конкретно-фактическом значении: *Заполняй* (заполни) *новые, а то не успеем* (А. Жуков. Судить Адама); *Скорее окунайся* (окупись), *а то утоплю* (М. Шолохов. Они сражались за Родину); *Миленькие, поторавливайся* (поторопись), *не то мужики нас обгонят* (М. Алексеев. Вишневый омут); *Подписывай* (подпиши), *а то в отделение сведу!* (А. Жуков. Судить Адама); *Сдавайся* (сдайся) *на милость. А то возьму за ноги и окуну в воду* (Б. Лавренев. Большая Земля).

При употреблении глагола НСВ вместо СВ побуждения к немедленному действию заменяется побуждением без каких-либо временных ограничений. Е. В. Падучева также отмечает предпочтительность глагола НСВ в побудительных речевых актах с основным компонентом: «Говорящий представляет действие, к которому он побуждает адресата, как само собой разумеющееся в данной ситуации, т. е. мотивирует свое побуждение ссылкой на внешнюю ситуацию, а не на свой авторитет – желание, интересы адресата или какие-то другие прагматические аргументы» [8, с. 76].

Как мы уже отметили, antecedentesная часть анализируемых нами высказываний содержит предостережение, являющееся мотивирующим фактором для императивной ситуации секвентной части. Здесь употребляются глагольные формы СВ и НСВ в будущем времени, также формы инфинитива со значением предстоящей ситуации: *Мужьям пятачки не давайте, <...> поминутно и точите, <...> а то **обленятся**, потом сами **плакать** будете* (А. Островский. Доходное место); *Посоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то **не избежат** им лютой казни* (А. Пушкин. Капитанская дочка); *Распределите обязанности и не спорьте, а то **вызову** редактора* (А. Жуков. Судить Адама).

Глагольные формы СВ в antecedentesной части выражают значение конкретного негативного факта: *Да разверни <ребенка>, а то **унреет*** (М. Глушко. Мадонна с пайковым хлебом); *Отложи на завтра... Не то все слезы **израсходуешь*** (Б. Можжев. Мужики и бабы). Либо они используются в потенциальном значении: *Только объясните ему, а то он **не поймет*** (Н. Федорова. Семья).

Глаголы НСВ в antecedentesной части несут значение обобщенного факта: *Не говорите Алешке, что я скандалила. А то **будет смеяться*** (Б. Зайцев. Дальний край); *Ключ захвати, а то меня дома **не будет*** (А. Гайдар. Дым в лесу); *Не глядите так на меня. А то я вас опять **боятся не буду*** (И. Тургенев. Ася).

Высказывания с семантикой мотивации «от противного» при выражении предостережения могут быть построены так, что antecedentesная часть отсутствует, а предикативная часть с коннектором *а то* содержит встречный вопрос адресата, который касается неблагоприятных последствий, или же недосказанность: *Оставьте, не читайте! Глядите на все с улыбкой, не смотрите вдаль, живите день за днем, не разбирайте сторон в жизни и людях, **а то**...* (И. Гончаров. Обыкновенная история); *Смотри, чаще руки-то мой, – берегись! – **А то что будет?*** (М. Горький. Супруги Орловы).

Резюме. Семантика предостережения в antecedentesной части высказываний мотивационного типа служит важным фактором, который стимулирует к исполнению действия адресатом императивной ситуации. Побудительное действие представляется как одна из разновидностей иллокутивных актов (приказ, просьба, совет, пожелание, угроза и т. п.). Функционирование глагольных форм в секвентной (интенциональной) части направлено на выражение значения факта. Императивные глагольные формы СВ используются в конкретно-фактическом значении, императивные глагольные формы НСВ выражают значение обобщенного факта, при этом в контексте возможна видовая конкуренция. Если глагол НСВ выражает обычное нейтральное побуждение к действию, то глагол СВ – более настоятельное и категоричное. В antecedentesной части, содержащей предостережение от негативной ситуации, употребляются формы глаголов будущего времени и инфинитива. Глаголы СВ выражают конкретно-фактическое либо наглядно-примерное, глаголы НСВ – общефактическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Л. П. Функционирование двувидовых глаголов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Л., 1973. – 21 с.
2. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29–42.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
4. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
6. Козырев В. И. Актуализационные признаки безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций : межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1988. – С. 90–104.
7. Оркина Л. Н. Выражение семантики обусловленности в неспециализированных структурах мотивационного типа, следствия и целеполагания (опыт композиционного анализа). – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – 94 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Перцов Н. В. К проблеме инварианта грамматического значения (императив в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 88–101.
10. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – С. 185–234.

UDC 811.161.1'366.587

T. N. Yurkina

**FUNCTIONING OF IMPERATIVE VERB FORMS
WHEN EXPRESSING ADMONITION**

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article discusses the statements with the semantics of motivation «on the contrary». It is noted that pragmatic characteristics, which determine the allocation of the semantic varieties of motivational sentences, play a significant role in such statements. Imperative semantics, expressed in the sequent parts by means of verbs in the imperative mood, is a motivating factor for the implementation of actions to prevent some perspective unwanted situations. The detailed analysis focuses on the imperative verbal forms of the perfect and imperfect types. The author comes to the conclusion that in the considered statements the verbs with imperative semantics express the action as a specific or a generalized fact.

Keywords: *admonition, imperative, particular and actual meaning, generalized actual meaning.*

© Yurkina T. N., 2017

Yurkina, Tatyana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

The article was contributed on April 23, 2017

REFERENCES

1. *Birjukova L. P.* Funkcionirovanie dvuvidovyh glagolov v sovremennom russkom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – L., 1973. – 21 s.
2. *Bondarko A. V.* K probleme intencional'nosti v grammatike (na materiale russkogo jazyka) // *Voprosy jazykoznanija*. – 1994. – № 2. – S. 29–42.
3. *Bondarko A. V.* Teorija znachenija v sisteme funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo jazyka. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 736 s.
4. *Bulygina T. V.* Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki). – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 576 s.
5. *Vinogradov V. V.* Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove. – M. : Vysshaja shkola, 1972. – 614 s.
6. *Kozyrev V. I.* Aktualizacionnye priznaki bezglagol'nyh pobuditel'nyh vyskazyvanij v sovremennom russkom jazyke // *Funkcional'nyj analiz grammaticheskikh form i konstrukcij : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – L., 1988. – S. 90–104.
7. *Orkina L. N.* Vyrazhenie semantiki obuslovlennosti v nespecializirovannyh strukturah motivacionnogo tipa, sledstvija i celepolaganija (opyt kompozicionnogo analiza). – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2005. – 94 s.
8. *Paducheva E. V.* Semanticheskie issledovanija (semantika vremeni i vida v russkom jazyke; semantika narativa). – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. – 464 s.
9. *Percov N. V.* K probleme invarianta grammaticheskogo znachenija (imperativ v russkom jazyke) // *Voprosy jazykoznanija*. – 1998. – № 2. – S. 88–101.
10. *Hrakovskij V. S.* Povelitel'nost' // *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. – L. : Nauka, 1990. – S. 185–234.

УДК 37.016:811.161.1'271

Г. А. Анисимов, Л. Б. Пастухова, З. Н. Якушкина

РАЗВИТИЕ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ И ГРАММАТИКОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье раскрыты особенности развития у обучающихся навыков монологической речи посредством выявления текстообразующих возможностей лексических и грамматических категорий. Серьезное внимание уделяется цепной межфразовой связи, которая является ведущим способом сочетания законченных предложений в текстах разных типов, стилей и жанров. Обосновывается важность изучения языка с опорой на литературные произведения лучших писателей современности, заключающие в себе этическую философию, содержащие культурный код русской нации.

Ключевые слова: монологическая речь, текст, способы межфразовой связи, речевые упражнения.

Актуальность исследуемой проблемы. Понятие развития речи обучающихся в двуязычной среде многогранно. Это отработка у них орфоэпических умений и навыков выразительного чтения, обогащение лексического запаса, построение разнотипных синтаксических конструкций, активизация монологической и диалогической речи средствами учебных дисциплин. Каждое из этих направлений требует специфического подхода и обоснования с помощью системы аналитических и коммуникативных упражнений. Как

© Анисимов Г. А., Пастухова Л. Б., Якушкина З. Н., 2017

Анисимов Геннадий Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: gensanisim34@mail.ru

Пастухова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ludmila.pastukhova.57@mail.ru

Якушкина Зинаида Никитична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zinaalevtinina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.04.2017

показывает опыт, передовые учителя русской словесности добиваются успехов в совершенствовании у обучаемых механизмов создания текстов разных типов, стилей и жанров. Именно развитие монологической речи школьников и студентов (билингвов) представляется стержневым мотивом формирования у них речевых способностей. Дело в том, что в условиях перевода чувашских школ на русский язык обучения с 5 класса он стал основным инструментом в освоении ими учебных предметов. Без достаточного осмысления секретов построения связных высказываний ученику неимоверно трудно постигнуть дисциплины гуманитарного и естественно-научного циклов.

В сложившейся в Чувашской Республике языковой ситуации чрезвычайно важным является дальнейшее исследование закономерностей формирования коммуникативно-речевых умений учащихся в процессе овладения ими лексическими и грамматическими категориями.

Материал и методика исследований. В качестве материала исследований использованы фрагменты текстов произведений художественной литературы современных авторов и афористические высказывания известных людей. В статье использован комплекс теоретических и эмпирических методов: анализ научной литературы, наблюдение, лингвистический эксперимент, тестирование.

Результаты исследований и их обсуждение. Мы исходили из того, что сверхзадачей занятий по русскому языку является развитие у учащихся навыков связной речи и формирование у них духовно-нравственных качеств [1, с. 4]. Это означает, что на всех этапах изучения любой лексической или грамматической темы преподавателю необходимо предугадать, какие возможности заложены в данных темах для совершенствования речевых умений и компетенций обучающихся. Более того, крайне важно проследить этапы формирования навыков связной речи обучаемых на основе использования разнообразных текстов.

Следует отметить, что в современном русском языкознании достигнуты значительные успехи в обосновании концептуальных положений о содержании и структуре речевых произведений, способах соединения компонентов сложных синтаксических целых и фрагментов целостных высказываний, роли ключевых слов в создании тематического единства текста [5], [6], [7], [11], [12], [14], [16], [17].

Удача в этом деле во многом зависит от качества текстов, выдержанных в идейно-нравственном плане и стилистико-риторическом аспекте. Будущие учителя русского языка и литературы, воспитанные на классических образцах прозы и поэзии, должны обладать способностью правильно оценивать тексты с точки зрения их эстетических параметров.

Знакомясь с разнотипными речевыми произведениями, студенты приучаются подвергать те или иные фрагменты текста предварительному лингвистическому анализу: из каких предложений (простых и сложных) складывается данный текст, какими способами и средствами объединены эти предложения, в каком ключе представлены компоненты сверхфразовых единств, правильно ли выделены абзацы и т. д. Такая профессиональная черта вырабатывается постепенно, по мере синтаксического и лексического разбора разных по структуре и содержанию текстов.

Читаем начало повести «Третья правда» Л. И. Бородина и обращаем внимание на то, как автор добивается смыслового единства в представленном отрывке:

Селиванов шел улицей, вдоль заборов деревни Рябиновки, и притворялся усталым и хромым.

Когда нужно было перешагнуть через лужу, он останавливался, ворчал, кричал, а занеся ногу, непременно попадал в нее и потом долго охал и стонал, хотя никто того не видел и не слышал.

Селиванов любил притворяться. Он занимался этим всю жизнь. Самодельная резиновая трость почернела и потрескалась от его притворства. Он и сам бы не мог вспомнить, когда оно стало его привычкой, потому что вовсе не считал себя притворщиком. А если бы все же признался в этом грехе и попытался вспомнить, то пришлось бы перелопатить в памяти самые свои юношеские годы, когда, промазав на охоте в присутствии отца, он стягивал с себя рубаху и искал несуществующего муравья, который будто бы и «цапнул его за волосы под мышкой» во время выстрела [4, с. 145].

Основную текстообразующую функцию здесь выполняют глагол *притворяться* и его производные. Фразы выстроены таким образом, что другие слова (*ворчал, кричал, охал, стонал, грех*) усиливают смысловую емкость данного стержневого слова.

Этот текст выгодно отличается и в синтаксическом плане, ибо в нем используются разнообразные по своему строению и значению предложения. В первый абзац выделено простое предложение, членимое, двусоставное, распространенное, полное, осложненное обособленным обстоятельством и однородными составными именными сказуемыми; во второй абзац – сложноподчиненное предложение усложненного типа с придаточными времени и уступки. А третий абзац состоит из сложного синтаксического целого, включающего в себя три простых предложения и два сложноподчиненных предложения усложненного типа. Естественно, педагог не упустит случая порассуждать с учащимися о грехе главного героя, поскольку описанная черта характера никоим образом не красит его.

В следующем тексте, отрывке из повести «Живой» Б. А. Можая, – особой портретной характеристике персонажей произведения – используются ключевые слова *лошадь (заморенная в работе), старый мерин, битюг*, которые создают целостность текста и его выразительность, а кроме того, являются дистантным средством межфразовой связи первого и четвертого предложений (контекстуальные синонимы *мерин, битюг, лошадь*) и контактным – четвертого и пятого предложений (деривационный повтор *по-лошадиному*):

Живой перед Андрюшей был – что старый мерин перед битюгом. Андрюша был весь белый, с широкой блестящей лысиной, с розовым крупным лицом. А Фомич – аспидно-желтый до черноты, со впалыми щеками, костлявый, черноусый, черноволосый и оттого казавшийся еще более худым. Он и в самом деле смахивал на заморенную в работе лошадь. И мослы у него выпирали в плечах и на спине как-то буграми, по-лошадиному. Одни только карие глаза были бойкие, молодые и впрямь живые [13, с. 32].

При разработке творческих речевых упражнений, направленных на формирование и совершенствование у учащихся умения создавать связные высказывания, целесообразно использовать миниатюрные тексты разной функциональной направленности, написанные выдающимися художниками слова. Трудно переоценить в этом плане литературно-философские эссе Ю. В. Бондарева [3, с. 5–515], отличающиеся яркой смысловой емкостью и изяществом оформления.

Среди них выделяются эссе, которые можно ввести в речевой обиход учащихся без каких-либо изменений. Главное, чтобы они отвечали теме занятия и помогали им понять суть лексических и грамматических явлений. Так, при изучении темы «Сложноподчиненное предложение с придаточным времени» вполне уместно обратиться к отрывку из его эссе «Свобода» [3, с. 100–101]: *Когда человек судорожно держится за жизнь, он на-*

ходится в мучительном телесном рабстве. Как только исчезает алчное насыщение жизнью, наступает свобода от страха смерти. И тогда человек свободен безгранично.

Этот текст поучителен как в житейском плане, так и в том отношении, что автор употребляет разнообразные средства связи придаточной части с главной (*когда, как только*), а в качестве завершающей фразы – простое предложение, соотносящееся с предыдущими компонентами текста посредством соединительного союза и указательного местоименного наречия *тогда*.

Другие тексты можно вводить в систему творческих заданий и упражнений частично, сообразно с целями занятия и его речевой направленностью. Например, мгновение «Беззащитность» [3, с. 247] привлекает к себе внимание тем, что незначительный, на первый взгляд, эпизод жизни (в комнату залетела птичка) позволяет автору прийти к важному морально-этическому обобщению: слабые существа нуждаются в защите. Этот текст интересен и тем, как в нем реализуются способы межфразовой связи.

Предлагаемый нами подход к развитию монологической речи обучаемых весьма эффективен, так как мы учитываем объективно существующие в языке закономерности употребления способов и средств соединения самостоятельно оформленных предложений в тексте. Поскольку самым распространенным и устойчивым способом межфразовой связи выступает цепной, то в составленных нами речевых упражнениях основное внимание уделяется именно данному способу сочетания фраз. Этот способ легко продемонстрировать на таком эссе, как «Лес и проза» Ю. В. Бондарева:

Если в летнем благословенном лесу человек способен испытывать очарование сверкающей зелени, теплых запахов травы, солнечных светотеней, то он не замечает корявых веток под ногами, гнилых пней, безобразного сушняка в чаще.

Все это не портит общего ощущения любви к существу, и от радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья, навеянного золотым днем истинной красоты бытия.

Так бывает и в мудрой прозе, которую следовало бы назвать добрым судьей, приведенным к присяге самой жизни [3, с. 101].

Как видно, здесь компоненты связаны воедино цепной местоименной связью: во втором предложении употребляются определительное (*все*), указательное (*это*) и притяжательное местоимения (*его*), а в третьем – указательное местоименное наречие *так*.

Использование текстовых упражнений для привития студентам навыков анализа фрагментов художественных произведений и создания оригинальных целостных высказываний открывает большие возможности в системе преподавания учебных дисциплин с учетом их межпредметных, интегрированных связей и отношений. Причем особую значимость представляют тексты, имеющие культурологическую направленность и воспитательную ценность. Например:

1. *Когда умирает старый человек, в наших краях поминки проходят оживленно. Люди пьют вино и рассказывают друг другу веселые истории. Обычай не разрешает только напиваться до непристойности и петь песни. Хотя по ошибке кто-нибудь иногда и затянет застольную, но его останавливают, и он смущенно замолкает.*

Когда умирает старый человек, мне кажется, вполне уместны и веселые поминки, и пышный обряд. Человек завершил свой человеческий путь, и, если он умер в старости, дожив, как у нас говорят, до своего срока, значит, живым можно праздновать победу человека над судьбой (Ф. Искандер. Колчерукий [9, с. 34]).

2. *Они стояли на бруствере окопа и пели... Маленький рядовой Соловьев подпирал собой качающуюся глыбу старшины Рябова. Они пели...*

*Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...*

Снайпер Гельмут Куц разглядывал последних двух русских в прицел. И не стрелял. Эти двое снова пели, как совсем недавно пели остатки их подразделения. К нему подполз лейтенант Хоффман.

– Почему ты не стреляешь, Гельмут?

– Они без оружия. Я не убиваю безоружных и сумасшедших.

– Что они горланят? Какой-нибудь большевистский гимн?

– Нет. Совсем нет.

– Ты думаешь, кроме этих, никого не осталось?

– Уверен.

Хоффман хотел было уползти, дать команду к зачистке, но что-то его остановило.

– Знаешь, Гельмут... – он замер.

– Что, Генрих?

– В Европе я такого не видел...

– Я тоже...

– Эти варвары... они такие стойкие.

– Я не понимаю, о чем они поют, Генрих, но мне кажется, у варваров не может быть таких песен. Да и умирают, словно римские легионеры или гладиаторы.

– Да они и слов таких не знают!

– Может, и не знают, но только умирать с честью умеют (С. Козлов. То не вечер [10, с. 124]).

Изучение языка как моральной системы, как этической философии, как средоточия культурных святынь народа с опорой на творения лучших художников слова весьма полезно, поскольку «одна из бед современной молодежи – неспособность сосредоточиться на ключевых проблемах бытия, отсутствие привычки уединяться и размышлять о смысле жизни, о собственном предназначении в этом суетном мире, об ответственности перед Всевышним за свои поступки, о ниспослании на нас Христовой благодати, о спасении души, оскверненной грехами и беззакониями» [2, с. 23].

Важнейшим этапом в формировании у будущих учителей русской словесности качеств искусной речи является вовлечение их в самостоятельную творческую деятельность по подбору разнообразных текстов и создание целостных высказываний с соблюдением норм литературного языка и практической стилистики. Плодотворными в этом отношении являются миниатюрные тексты и афоризмы [8]. Желание высказаться можно направить по концептуальным темам:

Дружба.

1. *Искренность отношений, правда в общении – вот дружба (А. Суворов).*

2. *Друг мне тот, кому могу все говорить (В. Белинский).*

3. *Если заводишь новых друзей, не забывай о старых (Э. Роттердамский).*

Знания.

1. *Мир, наверное, не такой, каким мы его познаем: будут другие орудия познания и будет другой мир... (Л. Толстой).*

2. *Чем меньше знает человек, тем больше презрения к обыкновенному, к окружающему его (А. Герцен).*

3. *Настоящее познание дается только сердцем. Мы знаем только то, что любим* (Л. Толстой).

4. *Увеличение знаний, не имеющее никаких пределов, обусловливаемое извне случайными открытиями, счастливыми опытами, иногда не столько радует, сколько теснит ум* (А. Герцен).

5. *Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью* (Л. Толстой).

6. *Знание без нравственной опоры – ничего не значит* (Л. Толстой).

Книга.

1. *Книга – великая вещь, пока человек умеет ею пользоваться* (А. Блок).

2. *Много есть на свете хороших книг, но эти книги хороши только для тех людей, которые умеют их читать* (Д. Писарев).

3. *Во всяком деле лучше немного, но хорошего, чем много, но плохого. То же и в книгах* (Л. Толстой).

4. *Книги для меня, как хлеб насущный, необходимы* (Т. Шевченко).

5. *Когда не станет сил в душе моей, –*

Тогда я в книгу устремляю взгляд,

Нетленные страницы шелестят.

Я исцелен, я счастлив, я живу,

Я пью тебя, отрада из отрад (Г. Тукай).

Студентам можно также предложить написать мини-эссе по мотивам высказываний великих людей, например Омара Хайяма – философа, по словам Э. Винфильда, «превзошедшего всех поэтов, поэта, вместившего в свои четверостишия всю философию» [15, с. 2]:

Мир громоздит такие горы зол!

Их вечный гнет над сердцем так тяжел!

Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,

Сияющих алмазов ты б нашел! [15, с. 11]

Процесс овладения навыками спонтанной монологической речи является дидактическим средством овладения культурой профессионального речевого общения будущих учителей [18, с. 81].

Предлагаемая нами система развития связной речи обучающихся способствует совершенствованию у них умения строить разнотипные тексты с учетом коммуникативного намерения и достижений современной лингвистики и методики преподавания филологических дисциплин на функционально-компетентностной основе.

Резюме. Итак, развитие монологической речи обучающихся обеспечивается, если учитываются текстообразующие возможности лексических и грамматических категорий, используются творческие упражнения, направленные на формирование у них навыков и умений конструирования целостных высказываний.

Дальнейшая разработка проблемы диалога с текстом в процессе обучения русскому языку представляется весьма перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Г. А.* Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 317 с.

2. *Анисимов Г. А.* Русский язык в национальном педвузе и школе. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – 212 с.

3. *Бондарев Ю. В.* Мгновения; Бермудский треугольник : роман. – М. : ИТРК, 2002. – 768 с.

4. Бородин Л. И. Третья правда // Русская проза второй половины XX века : в 2 т. Т. 2. – М. : Дрофа, 2007. – С. 145–270.
5. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
7. Земская Ю. Н. и др. Теория текста : учебное пособие / под ред. А. А. Чувакина. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 224 с.
8. Золотая энциклопедия лучших афоризмов / сост. И. В. Булакова. – Ростов н/Д. : Владис, 2010. – 640 с.
9. Искандер Ф. А. Колчерукий // Русская проза второй половины XX века : в 2 т. Т. 2. – М. : Дрофа, 2007. – С. 5–34.
10. Козлов С. С. То не вечер // Наш современник. – 2016. – № 12. – С. 120–125.
11. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста : учебное пособие. – М. : Высшая школа, 2006. – 207 с.
12. Посева Л. М. Как строится текст. – М. : Просвещение, 1980. – 94 с.
13. Можжев Б. А. Живой : повесть // Русская проза второй половины XX века : в 2 т. Т. 1. – М. : Дрофа, 2007. – С. 26–147.
14. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. – М. : Рус. яз., 1988. – 304 с.
15. Омар Хайям и персидские поэты X–XVI веков / под ред. В. П. Бутромеева и др. – М. : РООССА, 2009. – 416 с.
16. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник. – М. : УРСС, 2002. – 367 с.
17. Солганик Г. Я. Стилистика текста : учебное пособие. – 7-е изд., испр. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 256 с.
18. Якушкина З. Н. Лингвометодические основы обучения будущих учителей чувашской словесности межфразовым связям в практическом курсе русского языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. – Чебоксары, 2005. – 113 с.

UDC 37.016:811.161.1'271

G. A. Anisimov, L. B. Pastukhova, Z. N. Yakushkina

DEVELOPMENT OF MONOLOGIC SPEECH IN THE PROCESS OF MASTERING RUSSIAN VOCABULARY AND GRAMMAR

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article reveals the features of development of students' skills in monologic speech through identification of text-forming potential of lexical and grammatical categories; pays serious attention to chain interphase communication, which is the leading way of combination of complete sentences in texts of different types, styles and genres; explains the importance of language learning based on the literary works of the best writers of our time, encompassing ethical philosophy, containing the cultural code of the Russian nation.

Keywords: *monologic speech, text, methods of interphase communication, speech exercises.*

© Anisimov G. A., Pastukhova L. B., Yakushkina Z. N., 2017

Anisimov, Gennady Aleksandrovich – Doctor of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Russian, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: gensanisim34@mail.ru

Pastukhova, Lyudmila Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: ludmila.pastukhova.57@mail.ru

Yakushkina, Zinaida Nikitichna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Russian, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: zinaalevtinina@mail.ru

The article was contributed on April 17, 2017

REFERENCES

1. *Anisimov G. A.* Izbrannye raboty po lingvodidaktike i jazykoznaniju. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2010. – 317 s.
2. *Anisimov G. A.* Russkij jazyk v nacional'nom pedvuze i shkole. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2017. – 212 s.
3. *Bondarev Ju. V.* Mgnovenija. Bermudskij treugol'nik. – M. : ITRK, 2002. – 768 s.
4. *Borodin L. I.* Tret'ja pravda // Russkaja proza vtoroj poloviny HH veka : v 2 t. T. 2. – M. : Drofa, 2007. – S. 145–270.
5. *Valgina N. S.* Teorija teksta : uchebnoe posobie. – M. : Logos, 2003. – 280 s.
6. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija. – M. : Nauka, 1981. – 139 s.
7. *Zemskaja Ju. N. i dr.* Teorija teksta : uchebnoe posobie / pod red. A. A. Chuvakina. – 3-e izd., ster. – M. : Flinta ; Nauka, 2012. – 224 s.
8. *Zolotaja jenciklopedija luchshih aforizmov* / sost. I. V. Bulgakova. – Rostov n/D. : Vladis, 2010. – 640 s.
9. *Iskander F. A.* Kolcherukij // Russkaja proza vtoroj poloviny HH veka : v 2 t. T. 2. – M. : Drofa, 2007. – S. 5–34.
10. *Kozlov S. S.* To ne vecher // Nash sovremennik. – 2016. – № 12. – S. 120–125.
11. *Levickij Ju. A.* Lingvistika teksta : uchebnoe posobie. – M. : Vysshaja shkola, 2006. – 207 s.
12. *Loseva L. M.* Kak stroitsja tekst. – M. : Prosveshhenie, 1980. – 94 s.
13. *Mozhaev B. A.* Zhivoj : povest' // Russkaja proza vtoroj poloviny HH veka : v 2 t. T. 1. – M. : Drofa, 2007. – S. 26–147.
14. *Novikov L. A.* Hudozhestvennyj tekst i ego analiz. – M. : Rus. jaz., 1988. – 304 s.
15. *Omar Hajjam i persidskie pojety X–XVI vekov* / pod red. V. P. Butromeeva i dr. – M. : ROOSSA, 2009. – 416 s.
16. *Papina A. F.* Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii : uchebnik. – M. : URSS, 2002. – 367 s.
17. *Solganik G. Ja.* Stilistika teksta : uchebnoe posobie. – 7-e izd., ispr. – M. : Flinta ; Nauka, 2006. – 256 s.
18. *Jakushkina Z. N.* Lingvometodicheskie osnovy obuchenija budushhih uchitelej chuvashskoj slovesnosti mezhfrazovym svjazjam v prakticheskom kurse russkogo jazyka : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02. – Cheboksary, 2005. – 113 s.

АНАЛИЗ ОШИБОК УЧАЩИХСЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ПРИ НАПИСАНИИ РАЗВЕРНУТЫХ ОТВЕТОВ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Работа посвящена анализу ошибок учащихся в употреблении служебных слов русского языка. В статье отмечается, что знание служебных слов очень важно для формирования навыков построения связного текста. В ходе анализа более 2000 развернутых ответов Единого государственного экзамена по русскому языку выпускников школ Чувашской Республики были выявлены типичные ошибки в употреблении конструкций со служебными словами. На основании изученного фактического материала представлена классификация ошибок в употреблении предлогов, союзов и частиц русского языка.

Ключевые слова: служебные слова русского языка, речевые и грамматические ошибки, анализ и классификация ошибок.

Актуальность исследуемой проблемы. Служебные слова играют весьма важную роль в построении связного текста. Умение употреблять в речи предлоги, союзы и частицы связано прежде всего со способностью правильно оформлять синтаксические структуры и придавать речи точность и выразительность. Ошибки в их употреблении свидетельствуют о нарушениях грамматических и речевых норм. Цель данного исследования – представить классификацию ошибок в употреблении служебных слов русского языка.

Материал и методика исследований. Для исследования взяты сочинения-рассуждения учащихся выпускных классов Чувашской Республики в количестве более 2000, написанные в ходе ЕГЭ по русскому языку с 2003 по 2016 г. Проведен также теоретический анализ педагогической, психологической и методической литературы в аспекте изучаемой проблемы.

Результаты исследований и их обсуждение. Анализ ошибок в речи учащихся продолжает оставаться одним из ключевых способов контроля успеваемости школьников и организации эффективных методов преподавания русского языка в школе. Этот вопрос волновал не одно поколение педагогов, методистов и учителей. По своей сути ошибка как понятие, относящееся к любой области человеческой деятельности, отражает искаженное и неточное восприятие окружающего мира. Поэтому изучение природы и закономерностей проявления ошибок весьма важно для выявления эффективных путей их устранения [8], [9], [10], [11].

© Бычков В. И., 2017

Бычков Вениамин Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: benjam@bk.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2017

Исследуя речевые ошибки, психолог Т. Г. Егоров писал: «Надо знать механизм ошибки, тогда будет понятна и роль субъективного намерения в процессе предотвращения или углубления ошибки» [7, с. 137].

В психолингвистике речевую ошибку определяют как сбой в процессе продуцирования речи. А. А. Леонтьев считал, что «речевая ошибка есть своего рода сигнал „сва“ в речевом механизме, разошедшегося под влиянием тех или иных обстоятельств» [9].

В ходе проверки развернутых ответов Единого государственного экзамена по русскому языку выпускников школ Чувашской Республики с 2003 по 2016 г. было установлено, что учащиеся 11 классов допускают значительное количество речевых и грамматических ошибок, которые заметно снижают качество письменных работ и свидетельствуют об их трудностях в употреблении различных лексических и морфологосинтаксических конструкций русского языка. В числе названных ошибок заметную группу составляют ошибки, связанные с неправильным употреблением в речи служебных слов – предлогов, союзов и частиц. Анализ и классификация данных ошибок должны помочь определить стратегию работы учителя по их исправлению и предупреждению.

Изучение письменной речи учащихся позволило выявить и систематизировать ошибки, допускаемые учащимися при употреблении конструкций со служебными словами. Опираясь на имеющуюся классификацию речевых ошибок (Г. А. Анисимова [1], [2], В. И. Капинос, М. Р. Львова, М. Б. Успенского, Ю. В. Фоменко, С. Н. Цейтлин), а также на наши исследования в данной области [3], [4], [5], [6], мы попытались представить классификацию ошибок учащихся в использовании служебных слов русского языка.

Грамматические ошибки.

1. Неправильная форма служебного слова.

а) искажение структуры служебного слова: *Красота бывает не физическая, но и духовная (не только... но и); Быть взрослым – значит нужно отвечать не только за себя, а за других тоже (не только... но и); Благодаря того что улучшилась погода, наше путешествие продлилось еще на два дня (благодаря тому что); Вследствие тому что не были приняты противопожарные меры, сгорел склад удобрений (вследствие того что); Перед тем выдавать вексель, мы обращаемся к юридическим лицам (перед тем как);*

б) неверный выбор варианта служебного слова: *Во нем автор воплотил личность, стремящуюся к подвигу (в); Во воспоминаниях Бунина видна тоска по Родине (в); Под лодом находилась пресная вода (подо).*

2. Отсутствие необходимого служебного слова.

а) предлога: *Герой вернулся (в) свое село; Я (со) своими родителями пошла в те места, где была война; Хочу привести (в) пример мультфильм «Простоквашино»; Баба Дарья не хочет расставаться (с) деревней; Можно привести (в) пример ситуацию в Украине; Люди возвращались в родные душе (для души) места; Лихачев поднимает вопрос (о) любви к родному краю; Эта победа (о) многом говорит; Все эти знания придут (с) опытом; Было решено объединить техникум (с) техникумом; По сравнению (с) этим годом бюджет уменьшили на треть; Человек не очень красивой внешности, но (с) богатой душой является положительным примером; Это делает ее столь привлекательной поколения поколение (из поколения в поколение); Он хочет повидаться с сыном (в) последний раз; Некоторые считают, что человек взрослеет (в) 18 лет; Самостоятельно человеку не свойственно обращаться (к) друзьям; Есть люди, оставшиеся детьми (во) взрослом возрасте; Малыш (в) первый раз сделал такой поступок; Взрослость зависит не от возраста, а (от) стремления прожить жизнь без нянек; Есть люди, которые*

и (в) более старшем возрасте остаются детьми; Человек обращается за помощью друзей (к друзьям), товарищей; Доказательство (для доказательства, в доказательство) своего суждения могу привести два примера из текста;

б) союза: Взрослеют не от возраста, (а) от стремления прожить самостоятельно; Автор пишет, (что) необходимо поддерживать друг друга по-всякому; (Если) Готовиться к предстоящей жизни, так можно многого добиться; (Когда) Герой подходит к родному дому, то он видит знакомую березу; Надо всегда стараться быть честным, (а то, иначе) друзья не будут тебя уважать; (Когда) Читаешь книги, то многое узнаешь о мире; По вечерам шел (то) ливень, (то) дождь, (то) снег;

в) частицы: Но бывают случаи, когда (и, даже) в более зрелом возрасте человек остается ребенком; Ваня не был уверен: придет (ли) друг ему на помощь? Однако всякому (ли) слову можно верить?

3. Излишнее употребление служебного слова.

а) предлога (как правило, в беспредложной конструкции): Автор поднимает проблему о неброской красоте (проблему неброской красоты) родной природы; Кому-то все равно на то (то), где он жил; В тексте по Пескову (в тексте Пескова) поднимается актуальная проблема любви к родной земле; Хочу обратиться к произведениям из художественной литературы (к произведениям художественной литературы); Автор поднимает проблему последствий после войны (последствий войны); В произведении описывается о Вите (описывается Витя); Это доказывает о своеобразии понятия красоты (доказывает своеобразие понятия красоты); Некоторые так и остаются в детстве (остаются детьми); Хотел бы охарактеризовать с положительной с точки зрения (бы охарактеризовать с положительной точки зрения); Нагибин ставит проблему о том, что важнее красота душевная (проблему душевной красоты); Букет подарил Витя, он мог не бросать цветы, не топтать на них (не топтать их);

б) союза:

– употребление двух союзов, один из которых лишний: Человек взрослеет в 18 лет, но или когда становится совершеннолетним (лишний союз – но); Метелица сказал, что чтобы пастушок постерег его коня (лишний союз – что);

– использование одного и того же союза в комбинации одноименных структур закрытого типа: Наступила весна, но еще было холодно, но птицы еще не прилетели; Дети собрались пойти в лес, но пошел дождь, но они особенно не расстроились; На улице прохладно, зато дома тепло, зато можно поиграть в футбол; В День Победы весь класс вышел на парад, а мы поздравляли ветеранов, а они шли с орденами и медалями;

в) частицы: Это был сложный выбор, но я не решил не обращать внимания на чужое мнение; Даже после очередного разочарования в жизни герой не хотел не отказаться от своего плана; Мог ли он подумать ли о том, что произойдет? Саша пришел бы попросить бы нас о помощи; Когда б имел бы он семью, ему ничего бы не было страшно.

4. Неправильное употребление служебного слова.

а) неверное сочетание предлога с падежной формой именной части речи: По приезду (по приезде) в город Наташа отправилась искать свою подругу; По окончанию школы (по окончании школы) Славка решил поступать в педагогический университет; Материнское сердце готово преодолеть любые преграды во благо своих детей (во благо своим детям); Для девочке (для девочки) было приятно получать такой подарок; Это

решение было во благо другого (во благо другому); Принимать решения нужно во благо окружающих (во благо окружающим), а не только для себя;

б) неверный выбор предлога: Пушкин признавался о ее малейшей красоте (в ее красоте); В магазине я купил цветы и из-за (изо) всех сил побежал домой; Взрослым становятся не по жизненному опыту, возрасту, а по поступкам (из-за); Взрослые люди хотят помочь при (по) возможности; Человек оказывается под (перед) нравственным решением; Определяя нравственный выбор человека к нищему (делая нравственный выбор в пользу нищего), автор утверждает <...>; Когда боишься от (за) другого, забываешь о своем страхе; Герой приехал в город с (из) деревни; Ее сын в 1941 году ушел в (на) войну; По продолжению (в продолжении) текста мы видим; На эту проблему (над этой проблемой) рассуждает Нагибин; Однажды в (на) Восьмое марта Витя дарит цветы Лене; Подобный пример можно найти из (в) жизни; За вторым аргументом обратимся в историю (к истории) и вспомним Великую Отечественную войну;

в) неверное употребление двойных союзов при однородных членах: Многие подростки хотят получить не только хорошее образование, но и мечтают о карьере; Для достижения своих целей они готовы как пожертвовать созданием семьи, так и личными интересами; Скоро мы победим не только все болезни, но и найдем для этого все лекарства; Я не только прочитал роман, но и критическую статью о нем;

г) объединение посредством союзов разнотипных синтаксических единиц:

– члена простого предложения и придаточной части: Виктор не участвовал в мероприятии из-за болезни и потому что он не знал; Нам нравятся учителя добрые, вежливые и когда хорошо объясняют; Мне разрешают долго гулять летом, на каникулах и если я сделаю все уроки;

– обособленного определения и придаточного определительного: Леонид Потемкин, копивший книги и который никому их не давал, даже не прочитал ни одной из них; Нынешние подростки, родившиеся в начале девяностых годов двадцатого века и которые мечтают получить все и сразу, они совсем другие; Мальчик, сидящий на скамье и который ест мороженое, ждет своего отца; Лошадь, с самого начала отставшая и которая начала догонять других, вдруг упала;

– обособленного обстоятельства и придаточного обстоятельного: Истинная любовь, пройдя через потери и когда душа полностью готова, приходит к нам как благословение; Твардовский очень часто, молча выслушав всех и когда все говорюны умолкали, произносил свое веское слово; Вернувшись домой и когда мы увидели Сережу сидящим дома, очень удивились; Написав сочинение в черновик и когда его проверила учительница, я начал переписывать;

– обособленного определения и обособленного обстоятельства: Солдаты, раненные, измученные и изнемогая от голода, прошли километров десять; Отряд Саши Творогова, признанный лучшим и возлагая большие надежды на него, забросили в тыл к врагу; Прочитавшие роман и посмотрев его экранизацию, мы много нового узнали о нелегкой жизни детей во время войны; Выучившие стихотворение наизусть и сделав упражнение по алгебре, Сережа с Витей спокойно пошли на прогулку;

– вводного компонента и членов предложения: По мнению автора и для меня, герой озаряет мир добром, возвышает человека; По наблюдению синоптиков и в исследованиях ученых отмечают, что происходит потепление климата на земле;

д) включение союза в состав обособленных членов предложения: Человек, если много читающий, много знает; Учителя, когда интересно рассказывающие, дети их

внимательно слушают; Когда окончив школу, мы будем учиться дальше; Если прыгнув с парашютом, ты уже ничего не боишься;

е) **неоправданное объединение сочинительного и подчинительного союзов:** Если четко ставить себе цели, и можно многого добиться; Если всегда быть недовольным друзьями, но можно их потерять навсегда; Когда я сделаю уроки, и пойду гулять с друзьями; Когда придет снова весна, и мы с ребятами вновь отправимся в поход.

Речевые ошибки.

1. Ошибки, связанные с нарушением логических связей.

а) **употребление соединительных союзов для объединения в однородный ряд слов, составляющих родовидовые отношения:** На стене висели пейзажи, натюрморты и картины; В окопах оказались и солдаты, и артиллеристы, и танкисты; Дети и школьники радостно встретили Новый год; В нашем саду выращивают яблоки, груши, сливы и фрукты;

б) **использование соединительных союзов для объединения в однородный ряд слов, далеких по семантике (нарушение единства основания деления):** На картине Верещагина нарисованы пустыня, черепа и страдание; Война несет смерть, страдания людям и ордена; Я люблю маму, папу, бабушку и бананы; Картофель мы употребляем в пищу и в сельском хозяйстве;

в) **объединение посредством союза однозначных слов в качестве однородных членов предложения:** Учительница волновалась и испытывала волнение за своего ученика; Потемкин скрупулезно и тщательно высчитывал стоимость своей библиотеки; В пятом классе дети получили крепкие и прочные знания; От дыма глаза Вани начали слезиться и наполняться слезами;

г) **употребление противительных союзов при отсутствии противопоставления:** Наступил вечер, но мы собирались ко сну; Рассказ произвел на Верещагина сильное впечатление, а он начал рисовать войну; Мать у меня чувашка, а отец работает в колхозе; Дедушка у нас на пенсии, но он умеет играть на гармошке.

2. Ошибки, приводящие к искажению смысла высказывания.

а) **неверный выбор предлога для построения словосочетания:** Героя сильно тянуло в манеж (на манеж); Он не боялся высоты и часто летал в самолете (на самолете);

б) **неверный выбор союза для соединения частей сложного предложения:** Плакать от собственной боли нетрудно, и (а) трудней плакать от боли чужой; Ноги наши заоченели, потому что (хотя) переход длился не больше нескольких минут; Витя заболел ангиной, благодаря тому что (из-за того что) съел подряд три порции мороженого.

3. **Нагромождение служебных слов, приводящее к неблагозвучию и вызывающее трудности в понимании фразы:** В тех капиталистических странах, где обучение платное, многие дети не ходят в школу из-за того, что у их родителей нет денег для того, чтобы оплатить их обучение; Я согласен с автором с приведением в пример «символа женской красоты» Татьяны Лариной; Все всё такие же были красивые и молодые.

Стилистические ошибки

1. **Несоответствие стилистической окраски служебного слова общему стилю высказывания:**

— предлога: Человек становится взрослым в силу (из-за) определенного возраста; В целях помочь (для помощи) тонущему другу Ваня поплыл на самую середину реки и спас его;

– союза: *Вследствие того, что (из-за того, что) Потемкин не прочитал ни одной книги из своей библиотеки, они не принесли ему пользы; Я взяла зонт, ибо (потому что) предчувствовала плохую погоду; Коли (если) хочешь быть здоровым, надо закаляться;*

– частицы: *Твардовский уж умел обдумать каждую фразу; Первая печатная книга на Руси появилась аж в 1564 году.*

2. Неоправданный выбор служебного слова из ряда синонимичных:

– предлога: *Благодаря (из-за) боязни мальчик стал сидеть на берегу и не плавал; В течение (в ходе) заплыва участникам соревнования пришлось преодолевать ускорение течения воды; В целях (для) правильного определения жизненных целей человек должен руководствоваться духовными ценностями;*

– союза: *Сегодня, после того как (когда) стало известно, что после четырех дней бомбардировки Ирака США и Великобритания завершили операцию «Лиса в пустыне» <...>; Когда (в то время как) мы подошли к станции, то не знали еще, когда должен был прийти поезд; (А) Она же просила его сразу же позвонить;*

– частицы: *И (даже) взрослым и опытным людям иногда так непросто сделать правильный выбор; Все его имущество составляли всего (лишь) вещмешок и сапоги.*

Причинами указанных грамматических, речевых и стилистических ошибок являются, на наш взгляд, следующие:

1) незнание учащимися семантических, стилистических, структурных и функциональных особенностей служебных слов, норм построения разнотипных синтаксических конструкций с предлогами, союзами и частицами;

2) интерферирующее влияние родного языка учащихся – в чувашском языке нет предлогов (их функцию выполняют послелог и система аффиксов), встречается ограниченное количество союзов, а частицы каждого языка весьма специфичны в выражении модально-смысловых оттенков высказывания;

3) сложность самого механизма порождения речевого высказывания не только на неродном, но и на родном языке. Как показывают исследования психолингвистов, при речепроизводстве в сознании говорящего совершается одновременно несколько операций, связанных с переводом «симультанного» в «сукцессивное» [3]. При этом важную роль играют долговременная и оперативная виды памяти, создающие возможность для «удержания» и упреждения компонентов текста. Чтобы правильно построить фразу, учащемуся необходимо быстро и точно подобрать необходимое служебное слово;

4) влияние устной разговорной речи на письменную, вследствие чего часто возникают ошибки стилистического характера, а также случаи контаминации подчинительного и сочинительного союзов в одном предложении;

5) незнание учащимися законов логики и неумение соотносить их с законами грамматики изучаемого языка при употреблении служебных слов в продуцируемой речи.

Резюме. Таким образом, исследование сочинений-рассуждений Единого государственного экзамена по русскому языку показало, что в речи выпускников школ встречаются ошибки, связанные с употреблением предлогов, союзов и частиц. Изучение психолого-педагогической и методической литературы по данной проблеме позволило нам составить собственную классификацию ошибок в употреблении служебных слов русского языка в речи. Мы выделили три группы ошибок: грамматические (неправильная форма, отсутствие необходимого служебного слова, излишнее и неправильное употребление служебного слова), речевые (связанные с нарушением логических связей, приводящие к искажению смысла высказывания, нагромождение служебных слов, приводящее к неблагозвучию и вызывающее

трудности в понимании фразы) и стилистические (несоответствие стилистической окраски служебного слова общему стилю высказывания, неоправданный выбор служебного слова из ряда синонимичных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Г. А. Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 316 с.
2. Анисимов Г. А. Русский язык в чувашской школе: проблемы, поиски, опыт. – Чебоксары : Чуваш-книгоиздат, 1990. – 175 с.
3. Бычков В. И. Лингводидактические основы изучения союзов русского языка в чувашской школе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 ; 13.00.02. – Чебоксары, 2000. – 188 с.
4. Бычков В. И. Об особенностях обучения предлогам русского языка в иноязычной аудитории // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 11. – С. 31–35.
5. Бычков В. И. Типичные ошибки учащихся-чувашей в употреблении предложных конструкций русского языка // В мире научных открытий. – 2015. – № 9(2). – С. 434–440.
6. Бычков В. И. Трудности учащихся чувашских школ при изучении частиц русского языка [Электронный ресурс] // Концепт. – 2015. – Т. 24. – С. 21–25. – Режим доступа : <http://e-koncept.ru/2015/95271.htm>.
7. Егоров Т. Г. Психология овладения навыком чтения. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1953. – 263 с.
8. Жинкин Н. И. Механизмы речи. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
9. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М. : Кранд, 2014. – 316 с.
10. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.
11. Федоренко Л. П. Закономерности усвоения родной речи : пособие для учителя. – М. : Просвещение, 1984. – 159 с.

UDC 373.5.016:811.161.1'367.63

V. I. Bychkov

ANALYSIS OF STUDENTS' MISTAKES IN THE USE OF FUNCTIONAL WORDS WHEN WRITING DETAILED ANSWERS AT THE UNIFIED STATE EXAMINATION IN RUSSIAN

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The work is devoted to the analysis of students' mistakes in the use of functional words of the Russian language. The article stresses that the knowledge of functional words is very important for developing skills of constructing coherent texts. In the analysis of more than 2,000 detailed answers at the unified state exam in Russian of the school-leavers of the Chuvash Republic, the authors identified typical mistakes in the use of structures with functional words. Basing on the study of the analyzed works, the authors presented the classification of mistakes in the use of prepositions, conjunctions and particles of the Russian language.

Keywords: *functional words of the Russian language, speech and grammar mistakes, analysis and classification of mistakes.*

© Bychkov V. I., 2017

Bychkov, Veniamin Ivanovich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: benjam@bk.ru

The article was contributed on April 23, 2017

REFERENCES

1. *Anisimov G. A.* Izbrannye raboty po lingvodidaktike i jazykoznaniju. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2010. – 316 s.
2. *Anisimov G. A.* Russkij jazyk v chuvashskoj shkole: problemy, poiski, opyt. – Cheboksary : Chuvashknigoizdat, 1990. – 175 s.
3. *Bychkov V. I.* Lingvodidakticheskie osnovy izuchenija sojuzov russkogo jazyka v chuvashskoj shkole : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01; 13.00.02. – Cheboksary, 2000. – 188 s.
4. *Bychkov V. I.* Ob osobennostjah obuchenija predlogam russkogo jazyka v inojazychnoj auditorii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2016. – № 11. – S. 31–35.
5. *Bychkov V. I.* Tipichnye oshibki uchashhihsja-chuvashej v upotreblenii predlozhnyh konstrukcij russkogo jazyka // V mire nauchnyh otkrytij. – 2015. – № 9(2). – S. 434–440.
6. *Bychkov V. I.* Trudnosti uchashhihsja chuvashskih shkol pri izuchenii chastic russkogo jazyka [Elektronnyj resurs] // Koncept. – 2015. – T. 24. – S. 21–25. – Rezhim dostupa : <http://e-koncept.ru/2015/95271.htm>.
7. *Egorov T. G.* Psihologija ovladenija navykom chtenija. – M. : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1953. – 263 s.
8. *Zhinkin N. I.* Mehanizmy rechi. – M. : Izd-vo APN RSFSR, 1958. – 370 s.
9. *Leont'ev A. A.* Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. – M. : Krasand, 2014. – 316 s.
10. *Rubinshtejn S. L.* Problemy obshhej psihologii. – 2-e izd. – M. : Pedagogika, 1976. – 416 s.
11. *Fedorenko L. P.* Zakonomernosti usvoenija rodnoj rechi : posobie dlja uchitelja. – M. : Prosveshhenie, 1984. – 159 s.

К ПРОБЛЕМЕ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВУЗЕ

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье прослеживается генезис понятия «интеллигенция» и выделяются качества интеллигента в современной России, где главное – способствовать нравственной состоятельности общества. Особое внимание уделено научно-технической интеллигенции, призванной сочетать в себе как техническую, так и гуманитарную составляющие. Отмечается, что в условиях сущностного противоречия между потребностями страны в конкурентоспособном производстве и отсутствием системы в подготовке научно-технической интеллигенции важна инновационная деятельность самой системы образования. Роль технических вузов расширяется до необходимости становления будущего специалиста как человека культуры.

Ключевые слова: *высшее техническое образование, научно-техническая интеллигенция, культура.*

Актуальность исследуемой проблемы. Интеллигентность в русской жизни всегда была мерилом духовности и нравственной состоятельности общества. В настоящее время жизнь неумолимо возвращает нас к необходимости возродить интеллигентность в качестве одной из главных личностных характеристик, включающей в себя стремление к знаниям и просветительство, подвижничество, служение людям и гуманизм, бескорыстное отношение к труду и профессионализм, высокие морально-нравственные качества и обостренное чувство справедливости, развитое чувство долга и социальной ответственности, но в первую очередь – наличие высокой культуры. Именно это отличительное свойство было характерно для дореволюционной российской интеллигенции, интеллигенции XX столетия, однако в XXI в. в самом общем случае оно кажется явно недостаточным, а порой и вовсе отсутствующим. В этой связи вопрос об интеллигентности и интеллигенции в современной России в его полном объеме актуален как никогда. Если же вспомнить историю формирования российской интеллигенции, то можно лишний раз убедиться в том,

© Евдокимова О. К., Горбунов В. И., Васильева Л. Н., 2017

Евдокимова Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

Горбунов Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры автоматизации и управления в технических системах Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: vigor21@mail.ru

Васильева Лидия Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры телекоммуникационных систем и технологий Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: oln2404@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

как велика ее роль в политической, социальной и культурной жизни нашей страны. Достаточно сказать, что начиная со сборника «Вехи» (1909) особая роль интеллигенции в жизни русского общества никогда не подвергалась сомнению.

Цель исследования – проследить генезис понятия «интеллигенция», для того чтобы предложить меры по устранению противоречия между потребностями страны в конкурентоспособном производстве и отсутствием системы в подготовке научно-технической интеллигенции. Данной разновидности интеллигенции в статье уделено особое внимание, поскольку именно научно-техническая интеллигенция призвана сочетать в себе как техническую, так и гуманитарную составляющие. Процесс подготовки научно-технической интеллигенции в вузе мы рассматриваем в культурологическом аспекте, подразумевая необходимость инновационной деятельности самой системы образования. Сеем утверждать, что проблемы подготовки российской интеллигенции, особенно в ее разновидностях, еще долго будут актуальными в современном интеллигентоведении и науке в целом, так как вопросы формирования нравственно-этических и эстетических ценностей, развития эмоционально-волевой сферы, а самое главное, сочетания профессиональной подготовки с культурологической являются базовыми в понимании интеллигентности.

Материал и методика исследований. В основе исследования лежат следующие методологические принципы: культурологический (доминирующее внимание менталитету и традициям нации, образованности, духовности, культуре мышления и поведения), аксиологический (во главе угла – приоритет общечеловеческих ценностей, в первую очередь – совести, гражданской позиции, свободы, творчества), естественнонаучный (учет достижений комплекса наук о человеке).

С помощью ряда эмпирических методов научного исследования (в том числе наблюдения) получен исходный материал для статьи. Теоретические методы (анализ программных и нормативных документов, научной отечественной и зарубежной литературы по теме статьи, а также обобщение и синтез) использованы для упорядочения исходного материала, обоснования актуальности исследуемой проблемы, выделения качеств интеллигента и определения роли научно-технической интеллигенции в современной России, а также выявления противоречия по теме исследования и выработки мер для устранения этого противоречия.

Результаты исследований и их обсуждение. Понятие «интеллигентность» в России достаточно емкое, имеет давнюю историю и свою сферу употребления. На разных этапах исторического развития российского общества уровень его интеллигентности был неодинаков, тем не менее в нашей стране интеллигентность всегда оставалась социально востребованной, что само по себе свидетельствовало о высоком уровне духовного развития общества.

В настоящее время, в истории новой России мы, судя по всему, переживаем то время, когда потребность в интеллигентности очевидна для всех. В нашей большой многонациональной стране у каждого, по-видимому, есть свое представление об интеллигентности, однако, сколь бы разными эти представления ни были, смысл данного понятия с течением времени вряд ли сильно изменился.

Исследователи, занимающиеся интеллигентоведением, нередко стремятся конкретизировать общепринятое понимание и дают свое определение интеллигенции и интеллигентности. С одной стороны, это свидетельствует о том, что научное осмысление поднятых проблем находится в стадии разработки и потому обращение к ним подчеркнуто актуально, а с другой – по-видимому, о высокой степени значимости вопроса об интеллигенции для российского общества. В научных работах по педагогике, социологии, исто-

рии, литературе, отчасти менеджменту и т. п. авторы пытаются дать как можно более полное представление о том, что такое интеллигентность и, соответственно, кого можно называть интеллигентным человеком. Так, например, считается, что интеллигентность – это интегральная характеристика высокогуманных и прогрессивных гражданских, нравственных и интеллектуальных качеств личности в единстве с высокой общей культурой [1]. Многие исследователи к признакам интеллигентности традиционно относят высокую культуру, духовность, образованность, кругозор, воспитанность, толерантность, гражданственность, способность к критически-рефлексивному восприятию окружающего мира [5], [10]. Обратим внимание на то, что во всех определениях интеллигентности, несмотря на некоторые различия, обязательным и неизменным условием является наличие высокой культуры.

К набору признаков, соответствующих интеллигентности, можно подойти с разных точек зрения, однако приоритетным неизменно остается обращение к общечеловеческим и культурным ценностям, а также к социально одобряемым качествам личности. Так, обязательными компонентами личностного развития, как правило, называют образованность (профессиональную, мировоззренческую, эстетическую), нравственную состоятельность, социальную активность, общую культуру, творческие способности.

Многие из названных компонентов взаимосвязаны и взаимозависимы. Например, способность к восприятию красоты является одним из инструментов творчества, творческий потенциал в профессиональной сфере коррелирует с общим художественно-эстетическим опытом и т. д. Подобные взаимосвязи возникают не случайно. Интеллигентность – не застывшая характеристика, она находится в постоянном развитии, что в итоге приводит не только к концентрированности содержания, но и к выявлению устойчивых, постоянных признаков, без которых понимание интеллигентности теряет свой смысл.

Естественно, представление об интеллигентности неотделимо от понятия «интеллигенция», которое обозначает группу людей, профессионально занимающихся умственным или творческим трудом. Однако в России слово «интеллигенция» приобрело более глубокий смысл. С самого начала оно означало и безусловное нравственное чувство, и высокие духовные стремления, опирающиеся прежде всего на традиции русской классической литературы и культуры в целом.

В конце XIX в. понятие «интеллигенция» в России становится необычайно востребованным, едва ли не ключевым в осознании процессов, протекавших на рубеже столетий, – идеологических, социальных, культурных. Неслучайно именно в это время в литературе и публицистике наряду с извечными вопросами русской жизни обозначился еще один – интеллигенция и ее роль в дальнейшем развитии России. Начиная с этого времени слово «интеллигенция» получает устойчивое значение, поскольку смысл этого понятия к концу XIX в. уже в основном определился, как определились и его отличительные признаки. Показательным было и то, что интеллигенция не зависела от власти, а значит, была свободна в выражении своих взглядов, ее отличал неформальный и устойчивый интерес к происходящему в стране, постоянная озабоченность ее настоящим и будущим. Иными словами, извечные вопросы «кто виноват?» и «что делать?» для русской интеллигенции никогда не были риторическими и пустыми. Помимо этого важным фактором в характеристике именно русской интеллигенции во все времена оставалось обостренное чувство справедливости, так называемая особая русская душа, которая открыта чужим страданиям и боли.

Роль интеллигенции в прошлом России хорошо известна и изучена в разных аспектах, тогда как отношение к современной интеллигенции и понимание ее значения в жизни общества неоднозначные. В научной литературе бытуют разные точки зрения по дан-

ному вопросу. Например, одна из них: интеллигенция в России – явление специфическое, «ничего похожего на нашу интеллигенцию на Западе нет» [4], интеллигенция – это специфическая культурная общность, сформировавшаяся исключительно в российском социуме [5]. Однако есть и другое мнение, весьма распространенное в настоящее время: интеллигенция в России по аналогии с Западом перерождается в интеллектуальную элиту. «На смену понимания интеллигенции как “службы совести”, – пишет исследователь, – приходит даже не понимание интеллектуалов – “производителей идей”, а некий денотат, отдаленно относящийся даже к социальным смыслам понятия...» [2].

Надо сказать, что в современном интеллигентоведении сохраняется традиционное противопоставление интеллектуалов западного образца и русской интеллигенции, для которой духовно-нравственная составляющая всегда была определяющей. По-прежнему некоторые исследователи именно на этом делают акцент, считая, что «в западном традиционном употреблении “интеллектуал” – понятие в основном профессиональное, что же касается русского интеллигента, то это скорее духовное, нравственное определение» [6]. Есть и «примиряющие» взгляды, согласно которым такие понятия, как интеллигенция, интеллектуалы и элита, находятся не в отношениях взаимоисключения, а, скорее, дополнения [3].

Как видим, даже краткий экскурс в историю вопроса лишний раз убеждает в том, что проблема интеллигенции не утрачивает своей остроты, поскольку сейчас, как никогда в истории новой России, стала очевидной потребность в этой категории граждан, одна из постоянных функций которой – быть гарантом нравственной состоятельности общества. Именно в этом своем качестве интеллигенция более всего востребована в современном мире, когда необразованность и некомпетентность, невоспитанность и бескультурье, подобно заразной болезни, распространяются с необыкновенной быстротой. На очереди вопрос о формировании нового поколения интеллигенции, современно мыслящей, креативной, высокообразованной, культурной, с развитым чувством социальной и нравственной справедливости. И здесь в широком спектре разновидностей русской интеллигенции (городская и сельская, столичная и провинциальная, артистическая, творческая, учительская, научно-техническая) особого внимания, на наш взгляд, заслуживает научно-техническая. Принципиальное отличие научно-технической интеллигенции от других разновидностей данного понятия состоит прежде всего в том, что, будучи негуманитарной по роду своей деятельности, она призвана сочетать как гуманитарную, так и техническую направленность. Обратим внимание и на то, что в современном российском обществе научно-техническая интеллигенция все увереннее занимает лидирующие позиции, а это значит, что ее социальная роль неуклонно возрастает.

Большинство исследователей проблем научно-технической интеллигенции сходятся в том, что состав данной категории неоднороден. Это специалисты с высшим техническим образованием, занятые в производстве и в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники [10], это инженерно-технические, научные и научно-педагогические работники. В результате роль научно-технической интеллигенции значительно расширяется, на ее плечах лежит ответственность за инновационное развитие на основе интеграции инженерного образования, науки и производства.

Как правило, в быстро меняющемся современном мире эта роль выходит далеко за рамки профессиональной компетенции, поскольку именно научно-техническая интеллигенция является катализатором научно-технического прогресса и общественного развития, преодолевая технократизм и одновременно отстаивая гуманистические ценности. Отвечая ожиданиям общества, научно-техническая интеллигенция фактически призвана

представлять собой социальную силу, обеспечивающую развитие науки и техники и отличающуюся высокой степенью духовности. Однако нельзя не согласиться с тем, что в среде современной научно-технической интеллигенции обозначились явные негативные тенденции: сужение социальной роли до уровня профессионально-функциональных обязанностей, превращение в интеллектуалов по найму, социальный конформизм, технократизм, ослабление внимания к нравственным ценностям, к таким традиционным понятиям, как совесть, долг, милосердие. Материальное благополучие стало мерилом всех ценностей, подтолкнуло лучшие технические кадры к работе, как правило, не на государственных предприятиях и не в своем отечестве.

В результате возникает серьезная проблема: с одной стороны, очевидные потребности страны в инновационной экономике и конкурентоспособном производстве, а следовательно, в той самой новой научно-технической интеллигенции, владеющей «алгеброй» и не чуждой «гармонии»; с другой – явное снижение этих показателей и отсутствие системы в подготовке научно-технической интеллигенции на уровне как образовательных учреждений, так и общественных институтов. В этой связи особое значение приобретает инновационная деятельность самой системы образования, которая в настоящее время переживает не самые простые времена (так называемая оптимизация всего образовательного процесса, объединение кафедр и всевозможные укрупнения, создание федеральных и опорных вузов и т. п.). Однако, несмотря на проводимую реорганизацию, один из фундаментальных принципов образования – деление на гуманитарное, техническое и естественное – пока остается неизменным. Другое дело, что уровень образования вообще, его востребованность современным обществом серьезно изменились и, как показывает практика, не всегда в лучшую сторону. Так, в последнее десятилетие в нашей стране явно обозначился интерес к техническим специальностям, что, в частности, свидетельствует о позитивных сдвигах в социально-экономической сфере и промышленном производстве. Опуская историю этого, по сути, самостоятельного вопроса, отметим, что потребность в техническом образовании в современных условиях действительно значительно возросла, однако проблемы остались и сделались еще более явными. Одна из главных проблем по-прежнему заключается в том, что в технических вузах гуманитарная и общекультурная подготовка, воспитание нравственных качеств будущих технических специалистов осуществляются по остаточному принципу. Фактически на смену классическому вузовскому образованию пришли рационализм и прагматизм.

Как известно, нравственные ценности формируются благодаря прежде всего гуманитарным знаниям. Мы считаем, что в образовательном контексте нравственные ценности синонимичны духовности, понимаемой с научной точки зрения как проявление высших устремлений человека к познанию и служению другим людям. Представление о духовности неразрывно связано с таким принципиально важным нравственным понятием, как совесть. Она проявляется, когда реализуемый поступок затрагивает потребности в истине или добре, пишет один из исследователей, отмечая, что долг социален, а совесть содержит больше общечеловеческого [11]. Ю. М. Лотман подчеркивал, что именно совесть побуждает человека к бескорыстному поведению, диктует, как поступить, когда есть выбор [9]. Академик Д. С. Лихачев придал этой мысли наиболее общий характер, утверждая, что совесть действует в пределах культуры человека, общества, традиций народа... [8].

Серьезная и принципиальная проблема технического образования – противоречие между логикой и чувством. В одной из предыдущих своих статей мы уже обращались к этой проблеме, отмечая, что логика использует взаимоисключающие оценки по принципу

«правильно – неправильно», «да – нет», а критерии эмоционально-чувственной сферы – другие: «по совести – бессовестно», «красиво – некрасиво», «доброе – злое», причем ее оценка не требует осознаваемого анализа и представляет собой гармонию отраженного и отражаемого [7].

Данное противоречие действительно имеет место и влечет за собой существенные последствия, которые становятся очевидными уже в процессе обучения. Так, технократически ориентированная система образования, отдающая явное предпочтение логике и игнорирующая эмоциональную сферу, может готовить специалистов высокообразованных и профессиональных, но это будут скорее интеллектуалы, а не интеллигенты в традиционном российском понимании термина. Между тем высшее техническое образование способно и призвано преодолеть противоречие между логикой и чувством в процессе обучения. Имея все необходимые условия для формирования не только профессионала, но и интеллигента в широком смысле этого слова, технические вузы вполне могут стать центрами по подготовке научно-технической интеллигенции. Основная миссия данной разновидности интеллигенции должна состоять не только в выдвижении профессиональных идей, но и в их реализации с гуманистических позиций. По сути, в современных условиях научно-техническая интеллигенция, обладающая социально-ориентированной системой нравственных ценностей, в своем прогнозе вектора развития научно-технического прогресса и его последствий должна стать гарантом стабилизации всех сфер общественной жизни.

Резюме. Существует противоречие между востребованностью конкурентоспособного отечественного производства и отсутствием системы в подготовке научно-технической интеллигенции. Объективно общество нуждается в технических специалистах, обладающих, помимо узкопрофессиональных компетенций, социально ориентированными гуманитарными и общекультурными ценностями.

Именно гуманитарное образование формирует нравственные представления человека, связанные с его духовностью (в научном понимании этого слова) и совестью. Однако в технических вузах, как правило, общекультурная подготовка и воспитание нравственных качеств будущих специалистов остаются в лучшем случае на периферии. Между тем данная проблема более чем актуальна, она может и должна быть решена на уровне образовательных и общественно значимых программ подготовки не только узкого специалиста-интеллектуала, но и интеллигента, в широком смысле – человека Культуры, действующего с гуманистических позиций как в социотехнических системах, так и во всех сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. И. Конкурентология. Учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. – Казань : Центр инновационных технологий, 2005. – 468 с.
2. Бакиштова Е. В. Интеллектуал vs интеллигент: проблема самоопределения современной интеллигенции // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 3(8). – С. 15–18.
3. Горчицкая Е. Л. Интеллигенция, интеллектуалы и элита в социальном пространстве: соотношение и сравнительный анализ понятий // Омский научный вестник. – 2009. – № 3(78). – С. 66–70.
4. Гудков Л. Д. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. – 1992. – № 3–4. – С. 203–206.
5. Гусарова М. Н. Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: преемственность исторического опыта и новые тенденции. 1991–2010 годы : автореф. дис. ... докт. истор. наук : 07.00.02. – М., 2010. – 53 с.

6. Дорогова Л. Н., Пыханов Ю. В., Мареева Е. В., Мареев С. Н., Рябчун Н. П. Интеллигенция и культура России. 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://intelligentia.ru/inteligenciya-i-kultura-rosi.html>.
7. Евдокимова О. К., Горбунов В. И. Возможности дисциплины «Литература» при подготовке бакалавров технических направлений // Никоновские чтения : сборник научных статей по материалам Международного культурологического форума : в 2-х т. Т. 2 : Актуальные вопросы педагогики, психологии, литературоведения и лингвистики / под ред. М. С. Уколовой, А. В. Никитиной, А. Ю. Николаевой. – Чебоксары, 2016. – С. 62–68.
8. Лихачев Д. С. Русская культура / сост. Л. Р. Мариупольская. – М. : Искусство, 2000. – 440 с.
9. Лотман Ю. М. Чему же учатся люди? (Из выступления на открытии русской гимназии при Тартуском университете, 1990 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/lotman/lotman01.htm>.
10. Макаренко Е. И. Социальная база технической интеллигенции в условиях кризиса // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 26–30.
11. Симонов П. В. Созидющий мозг: нейробиологические основы творчества. – М. : Наука, 1993. – 112 с.

UDC 378.662.016:008

O. K. Evdokimova, V. I. Gorbunov, L. N. Vasilyeva

ON THE PROBLEM OF TRAINING SCIENTIFIC-TECHNICAL INTELLIGENTSIA AT THE UNIVERSITY

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the genesis of the concept «intelligentsia» and highlights the qualities of the intellectual in modern Russia, where the main concern is to promote the moral soundness of the society. Special attention is paid to scientific-technical intelligentsia that is to unite both technical and social components. The authors remark that in the terms of the existing contradiction between the needs of the country's competitive production and lack of system of training of scientific-technical intelligentsia, innovation of the education system itself is of great importance. The role of technical universities is expanded to the necessary of formation of the future specialist as a person of culture.

Keywords: *higher technical education, scientific and technical intelligentsia, culture.*

© Evdokimova O. K., Gorbunov V. I., Vasilyeva L. N., 2017

Evdokimova, Olga Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

Gorbunov, Vladimir Ivanovich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Automatic and Control in Technical Systems, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: vigor21@mail.ru

Vasilyeva, Lidia Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Telecommunication Systems and Technologies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: oln2404@mail.ru

The article was contributed on April 10, 2017

REFERENCES

1. *Andreev V. I.* Konkurentologija. Uchebnyj kurs dlja tvorčeskogo samorazvitija konkurentosposobnosti. – Kazan' : Centr innovacionnyh tehnologij, 2005. – 468 s.
2. *Bakshutova E. V.* Intellektual vs intelligent: problema samoopredelenija sovremennoj intelligencii // *Povolzhskij pedagogičeskij vestnik*. – 2015. – № 3(8). – S. 15–18.
3. *Gorchickaja E. L.* Intelligencija, intellektualy i jelita v social'nom prostranstve: sootnošenie i sravnitel'nyj analiz ponjatij // *Omskij nauchnyj vestnik*. – 2009. – № 3(78). – S. 66–70.
4. *Gudkov L. D.* Intelligenty i intellektualy // *Znamja*. – 1992. – № 3–4. – S. 203–206.
5. *Gusarova M. N.* Formirovanie nauchno-tehnicheskoy intelligencii v Rossijskoj Federacii: preemstvennost' istoričeskogo opyta i novye tendencii. 1991–2010 gody : avtoref. dis. ... dokt. istor. nauk : 07.00.02. – M., 2010. – 53 s.
6. *Dorogova L. N., Pyhanov Ju. V., Mareeva E. V., Mareev S. N., Rjabchun N. P.* Intelligencija i kul'tura Ros-sii. 1999 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://intelligentia.ru/intelligencija-i-kultura-rosi.html>.
7. *Evdokimova O. K., Gorbunov V. I.* Vozmožnosti discipliny «Literatura» pri podgotovke bakalavrov tehničeskikh napravlenij // *Nikonovskie čtenija* : sbornik nauchnyh statej po materialam Meždunarodnogo kul'turologičeskogo foruma : v 2-h t. T. 2 : Aktual'nye voprosy pedagogiki, psihologii, literaturovedenija i lingvistiki / pod red. M. S. Ukolovoj, A. V. Nikitinoj, A. Ju. Nikolaevoj. – Čeboksary, 2016. – S. 62–68.
8. *Lihachev D. S.* Russkaja kul'tura / sost. L. R. Mariupol'skaja. – M. : Iskusstvo, 2000. – 440 s.
9. *Lotman Ju. M.* Čemu zhe učatsja ljudi? (Iz vystuplenija na otkrytii russkoj gimnazii pri Tartuskom uni-versitete, 1990 g.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/lotman/lotman01.htm>.
10. *Makarenko E. I.* Social'naja baza tehničeskoy intelligencii v uslovijah krizisa // *Sociologičeskie issledo-vanija*. – 2010. – № 10. – S. 26–30.
11. *Simonov P. V.* Sozidajushhij mozg: nejobiologičeskie osnovy tvorčestva. – M. : Nauka, 1993. – 112 s.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В современных условиях демократизации правового государства и развития гражданского общества в России, в новых геополитических реалиях и вызовах времени резко возрастает необходимость гражданского образования школьников, формирования у них гражданской компетентности. В статье раскрывается сущность понятий «гражданское образование», «гражданская компетентность» применительно к старшеклассникам, определено содержание гражданской компетентности, рассмотрена система ее формирования, дана характеристика компонентов: цели, задач, факторов, содержания, форм, методов, средств, результата формирования гражданской компетентности старшеклассников.

Ключевые слова: *гражданское образование, гражданская компетентность старшеклассника, система формирования гражданской компетентности старшеклассников, общеобразовательное учреждение.*

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время, в сложившихся в стране социально-экономических и политических реалиях формирование гражданской компетентности у школьников является одним из ведущих направлений развития системы образования. Нашему обществу нужны сознательные граждане, уважающие закон и государство, умеющие пользоваться личными свободами, готовые к сотрудничеству и социальному взаимодействию, обладающие гражданскими качествами, чувством ответственности за судьбу страны, компетентно участвующие в демократических процессах. Социальная потребность в подготовке школьников к активному участию в общественно-политической жизни страны, к эффективной социально полезной деятельности в условиях демократического правового государства обуславливает необходимость осуществления в общеобразовательных учреждениях гражданского образования школьников, формирования у них гражданской компетентности.

Старший школьный возраст – благоприятное время для гражданского становления личности, формирования у нее гражданской компетентности. Цель данной работы – определить сущность, содержание гражданской компетентности старшеклассников, рассмотреть систему ее формирования.

© Емельянова М. В., Боровая М. А., 2017

Емельянова Марина Валерьевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: emelmarina@mail.ru

Боровая Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: mborovaya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2017

Материал и методика исследований. В работе использовался комплекс методов исследования: теоретический анализ и обобщение научно-педагогической литературы, федерального государственного образовательного стандарта, изучение педагогической практики в общеобразовательных учреждениях.

Результаты исследований и их обсуждение. В последние годы вопросы гражданского образования учащихся в общеобразовательных учреждениях, с учетом современных реалий, рассматривались в работах Д. Б. Буянского [2], Е. А. Кайхуровой [5], Е. В. Митиной [6], П. П. Симоненко [1], Л. А. Холоповой [9], А. В. Хуторского [10] и др.

Д. Б. Буянский отмечает, что «гражданское образование готовит человека к успешной деятельности в условиях демократического правового государства, гражданского общества и рыночной экономики». Он указывает, что гражданское образование выступает как одно из «условий построения демократического правового государства и фактор повышения социальной стабильности общества, его устойчивого развития» [2].

По мнению П. П. Симоненко, «гражданское образование не может отождествляться с реализацией отдельной учебной дисциплины, а должно представлять системную, целенаправленную деятельность образовательного учреждения в его взаимодействии с социальным окружением» [1].

В исследовании мы придерживаемся точки зрения Е. В. Митиной в раскрытии сущности понятия «гражданское образование». Она пишет, что это процесс «овладения учащимися всей совокупностью знаний, представлений, ценностей, необходимых гражданину России, включая знание политических и правовых основ жизни российского общества и государства, нравственные установки и навыки позитивного участия в общественной жизни» [6]. Мы считаем, что целью гражданского образования является формирование гражданской компетентности личности.

Вопросы формирования гражданской компетентности у учащихся в общеобразовательных учреждениях поднимались в работах Д. Б. Буянского [2], В. А. Гладика [3], Е. В. Митиной [6], А. П. Мягковой [7], Л. А. Холоповой [9] и др.

А. П. Мягкова указывает, что гражданская компетентность старшеклассника – это «интегративное образование субъекта, проявляющееся в его готовности и способности к осознанному и активному выполнению социально значимой деятельности гражданской направленности, а также обеспечивающее его полноценное вхождение в современное гражданское общество и участие в будущей общественной жизни российского государства» [7].

По мнению Д. Б. Буянского, гражданская компетентность учащегося средней школы – это «совокупность готовности и способностей, позволяющих личности активно, ответственно и эффективно реализовывать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в демократическом обществе» [2].

В. А. Гладик считает, что гражданская компетентность – «это ключевая образовательная компетентность обучающегося старших классов, отражающая, с одной стороны, его опыт реальной деятельности по участию в школьном самоуправлении, общественной жизни образовательного учреждения по решению социально актуальных и личностно значимых проблем школьной жизни, ближайшего социума; с другой стороны, готовность в будущем участвовать в общественно-политической жизни страны, выполняя гражданские роли (избирателя, законопослушного гражданина, участника общественных организаций и т. д.); самостоятельно выбирать решения в сфере государственно-общественных отношений, нести ответственность за принятые решения и их последствия» [3].

Е. В. Митина определяет гражданскую компетентность старшеклассников как «интегративную характеристику личности, представляющую собой синтез мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и личностного компонентов». Она считает, что данная компетентность отражает «субъективный опыт, готовность и способность старшеклассников осознанно и эффективно осуществлять социально значимую гражданскую деятельность». По ее мнению, компетентность «отражает личную и функциональную готовность старшеклассника к продуктивному и творческому решению задач гражданского образования» [6].

Л. А. Холопова под гражданской компетентностью личности школьника понимает «совокупность способностей, позволяющих ей активно, ответственно и эффективно реализовывать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в обществе, применять свои знания и умения на практике» [9].

Мы считаем, что гражданская компетентность старшеклассника – это интегративное качество личности, проявляющееся в способности к позитивному осознанному участию в общественно-политической жизни общеобразовательного учреждения, местного сообщества, страны, к эффективной социально полезной деятельности в условиях демократического правового государства с учетом уже имеющегося реального опыта.

Анализ научных работ показывает, что нет единых взглядов на содержание гражданской компетентности личности школьника, исследователи применяют различные подходы к определению компонентов данной компетентности.

По мнению В. А. Гладика, в содержание гражданской компетентности обучающихся старших классов входят следующие блоки: «потребностно-мотивационный, когнитивный, практико-деятельностный, эмоционально-оценочный, ценностно-ориентировочный» [3].

А. П. Мягкова считает, что в содержание гражданской компетентности старшеклассника входят четыре «компетенции: политическая, правовая, патриотическая, межкультурная» [7].

Е. В. Митина определяет гражданскую компетентность старшеклассника как «систему взаимосвязанных и взаимозависимых компетенций: предметные, правовые, социальные, исследовательские, морально-нравственные, культурно-исторические, коммуникативные» [6].

Опираясь на исследования Е. В. Митиной [6], А. П. Мягковой [7] и опыт работы общеобразовательных учреждений России, мы определили в содержании гражданской компетентности старшеклассника следующие ведущие компетенции: общественно-политические, правовые, социальные, патриотические.

Общественно-политические компетенции включают способности и готовности к овладению знаниями в области общественно-политической деятельности, к участию в общешкольном самоуправлении, общественных организациях и движениях, к поведению, ориентированному на общественно-политические ценности, к самостоятельному и инициативному участию в социально полезной деятельности.

Правовые компетенции включают способности и готовности к овладению правовыми знаниями, к ответственному отношению к выполнению прав и обязанностей законопослушного гражданина, к осознанному правомерному поведению, к самостоятельной социально полезной деятельности правовой направленности.

Социальные компетенции включают способности и готовности к овладению знаниями в области социальной этики поведения в обществе, к гражданскому взаимодействию с другими людьми (принимать решения, нести ответственность за свой выбор, при-

слушиваться к мнению других и помогать им, организовывать совместное партнерство, сочетать в поведении общественные, государственные и личные интересы), к самостоятельной активной социально полезной деятельности в рамках общеобразовательного учреждения, местного сообщества [4].

Патриотические компетенции включают способности и готовности к овладению патриотическими знаниями, к ценностному отношению к историческому прошлому Родины и национальным традициям, к родному народу (быть патриотом, служить интересам Родины, вставать на ее защиту, выполнять гражданский долг служения в Вооруженных силах РФ), к поведению, ориентированному на патриотические ценности, к самостоятельному участию в социально полезной деятельности патриотической направленности.

Итак, гражданская компетентность старшеклассника включает систему взаимосвязанных и взаимодополняющих ведущих компетенций: общественно-политических, правовых, социальных, патриотических.

Формирование гражданской компетентности старшеклассников организуется на всех уровнях педагогического процесса общеобразовательного учреждения: а) в познавательной деятельности (в рамках освоения дисциплин основной образовательной программы); б) во внеучебной деятельности гражданской направленности; в) во внешкольной социально полезной деятельности (через участие в жизни местного сообщества, страны).

Опираясь на исследования Ю. П. Сокольникова [8], мы рассматриваем формирование гражданской компетентности старшеклассников как частичную педагогическую систему. Частичные системы функционируют в рамках целостных педагогических систем и направлены на формирование отдельных качеств, характеристик личности. К целостным педагогическим системам относятся относительно самостоятельные системы, такие как образовательные учреждения, первичные детские коллективы, семья и т. п. К частичным педагогическим системам относят системы формирования экологической, социальной, экономической, межкультурной компетентности учащихся и т. д. Частичные педагогические системы имеют одинаковую структуру: цель, задачи, факторы, содержание, средства, методы, формы, результат [8].

Итак, система формирования гражданской компетентности старшеклассников включает следующие компоненты: цель, задачи, факторы, содержание, средства, методы, формы, результат. Дадим характеристику перечисленным компонентам.

Основная цель системы – формирование гражданской компетентности старшеклассников. Данная цель обеспечивается на основе решения следующих задач:

- 1) вооружение старшеклассников знаниями в области общественно-политической деятельности, социальной этики поведения в обществе, правовыми и патриотическими знаниями;
- 2) развитие эмоционально-ценностного отношения к историческому прошлому Родины и национальным традициям, к родному народу;
- 3) формирование чувства патриотизма, положительной мотивации к выполнению гражданского долга служения в Вооруженных силах РФ, защите, отстаиванию интересов России;
- 4) приобретение опыта участия в общешкольном самоуправлении, общественных организациях и движениях, принятие решения о несении ответственности за свой выбор;
- 5) выработка умений ответственного отношения к выполнению прав и обязанностей законопослушного гражданина, гражданского взаимодействия с другими людьми (прислушиваться к мнению других, сочетать в поведении общественные, государственные и личные интересы);

6) формирование поведения, ориентированного на общественно-политические, патриотические, правовые, нравственные ценности, а также способности к выполнению социальной роли гражданина, патриота;

7) обеспечение самостоятельности и инициативности в социально полезной деятельности в рамках общеобразовательного учреждения, местного сообщества.

В роли общих факторов формирования гражданской компетентности старшеклассников выступают:

1) деятельность педагогов (преподавание, педагогическое руководство деятельностью гражданской направленности, гражданское просвещение учащихся, их родителей);

2) деятельность старшеклассников (участие в школьном самоуправлении, общественной жизни общеобразовательного учреждения и ближайшего социума; написание творческих работ гражданской направленности, разработка и внедрение социальных проектов; обсуждение источников социальной информации, актуальной для гражданина России; критический анализ современных социальных явлений, фактов и событий; освоение ролей гражданина, патриота в ходе обучающих игр и тренингов, заданий, моделирующих ситуации из реальной современной жизни и отражающих аспекты частной и публичной жизни члена общества; вовлечение учащихся в дискуссии, акции, военные сборы, митинги, поздравления ветеранов, конкурсы плакатов, классные часы и другие воспитательные мероприятия, затрагивающие современные социальные проблемы). Включение учащихся в данные виды деятельности гражданской направленности обеспечивает формирование всех компетенций, входящих в состав их гражданской компетентности;

3) деятельность классного коллектива как движущей силы системы формирования гражданской компетентности и формы функционирования целостных педагогических систем.

Содержание формирования гражданской компетентности старшеклассников включает формирование их общественно-политических, правовых, социальных, патриотических компетенций, а работа педагогов общеобразовательного учреждения осуществляется по следующим направлениям:

1) актуализация гражданских аспектов содержания дисциплин основной образовательной программы;

2) совершенствование органов школьного самоуправления и обеспечение участия старшеклассников в их работе;

3) вовлечение старшеклассников в общественно полезную внеучебную и внешкольную деятельность гражданской направленности в рамках местного сообщества и страны;

4) обеспечение взаимодействия учителей-предметников, классных руководителей, педагогов дополнительного образования, социальных партнеров, родителей и членов их семей по вопросам координации деятельности по формированию гражданской компетентности старшеклассников в общеобразовательном учреждении;

5) повышение теоретического и методического уровня педагогов общеобразовательного учреждения по проблеме формирования гражданской компетентности старшеклассников;

6) мониторинг сформированности гражданской компетентности старшеклассников.

В качестве способов формирования гражданской компетентности старшеклассников выступают общие формы, средства, методы педагогического процесса, используемые применительно к цели, задачам, содержанию данной системы.

Результат ее формирования определяет конкретное состояние сформированности гражданской компетентности старшеклассников в общеобразовательном учреждении. Он

проявляется в положительной динамике роста уровней сформированности всех компетенций, входящих в состав гражданской компетентности учащихся. Педагоги должны учитывать, что результативность формирования гражданской компетентности старшеклассников во многом зависит не только от непосредственной постановки целей и задач гражданского образования, но и от организации оптимального функционирования педагогического процесса как в классе, так и в общеобразовательном учреждении в целом.

Резюме. В статье формирование гражданской компетентности старшеклассников рассматривается как система, включающая следующие компоненты: цель, задачи, факторы, содержание, средства, методы, формы, результат.

В исследовании раскрыты сущность и содержание гражданской компетентности старшеклассников, представлен новый подход к раскрытию данного понятия с учетом современных реалий науки и педагогической практики. Под гражданской компетентностью старшеклассника понимается интегративное качество личности, проявляющееся в способности к осознанному участию в общественно-политической жизни местного сообщества, страны и к продуктивной социально полезной деятельности в условиях демократического государства с учетом реального опыта старшего подростка. В содержание данной компетентности входят взаимосвязанные и взаимодополняющие ведущие компетенции: общественно-политические, правовые, социальные, патриотические.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотина Т. В., Пригодич Е. Г., Симоненко П. П. Гражданское образование: модель управления демократическим школьным сообществом // Теоретико-методологические основы проектирования современной системы управления образованием : сб. науч. тр. – СПб., 2013. – С. 145–165.
2. Буянский Д. Б. Индивидуализация процесса формирования гражданской компетентности у учащихся средней школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. – Калининград, 2013. – 25 с.
3. Гладик В. А. Развитие гражданской компетентности обучающихся старших классов в условиях государственно-общественного управления школой : автореф. дис. ... кан. пед. наук : 13.00.01. – М., 2010. – 22 с.
4. Емельянова М. В., Лаврова Н. В. Педагогические условия формирования готовности студентов педагогического вуза к социальному воспитанию школьников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева – 2011. – № 4(72), ч. 2. – С. 43–46.
5. Кайхурова Е. А. Гражданское образование младших школьников в процессе изобразительной деятельности : автореф. дис. ... кан. пед. наук : 13.00.01. – М., 2010. – 20 с.
6. Митина Е. В. Формирование гражданской компетентности учащихся в современной школе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 7. – С. 178–184.
7. Мякова А. П. Формирование гражданской компетентности у старшеклассников в воспитательном пространстве современной средней общеобразовательной школы : автореф. дис. ... кан. пед. наук : 13.00.01. – М., 2014. – 26 с.
8. Сокольников Ю. П. Всеобщая педагогическая теория. Системное понимание педагогической действительности. – Чебоксары : Б. и., 2001. – 32 с.
9. Холопова Л. А. Гражданское образование как один из способов образования в школах и вузах // Современное образование: плюсы, минусы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2014. – С. 167–168.
10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

ESSENCE AND CONTENT OF SENIOR SCHOOLCHILDREN' CIVIL COMPETENCE

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. In the context of modern conditions of the democratization of a law-governed state and the development of civil society in Russia, new geopolitical realities and time challenges, there is the need for civil education for schoolchildren and forming their civil competence that dramatically increases. The article reveals the essence of the concept «civil education», «civil competence» in regard to senior schoolchildren; provides the content of civil education, civil competence; considers the system of its formation; gives the characteristics of its components: purpose and objectives, factors, content, forms, methods, means, results of formation of civil competence at senior schoolchildren.

Keywords: *civil education, civil competence of senior schoolchildren, system of formation of civil competence at senior schoolchildren, general educational institution.*

REFERENCES

1. Bolotina T. V., Prigodich E. G., Simonenko P. P. Grazhdanskoe obrazovanie: model' upravleniya demokraticeskimi shkol'nymi soobshchestvami // Teoretiko-metodologicheskie osnovy proektirovaniya sovremennoj sistemy upravleniya obrazovaniem : sb. nauch. tr. – SPb., 2013. – S. 145–165.
2. Bujanskij D. B. Individualizacija processa formirovaniya grazhdanskoj kompetentnosti u uchashhihsja srednej shkoly : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01. – Kaliningrad, 2013. – 25 s.
3. Gladik V. A. Razvitie grazhdanskoj kompetentnosti obuchajushhihsja starshih klassov v uslovijah gosudarstvenno-obshhestvennogo upravleniya shkol'noj : avtoref. dis. ... kan. ped. nauk : 13.00.01. – M., 2010. – 22 s.
4. Emel'janova M. V., Lavrova N. V. Pedagogicheskie uslovija formirovaniya gotovnosti studentov pedagogicheskogo vuza k social'nomu vospitaniju shkol'nikov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva – 2011. – № 4(72), ch. 2. – S. 43–46.
5. Kajhurova E. A. Grazhdanskoe obrazovanie mladshih shkol'nikov v processe izobrazitel'noj dejatel'nosti : avtoref. dis. ... kan. ped. nauk : 13.00.01. – M., 2010. – 20 s.
6. Mitina E. V. Formirovanie grazhdanskoj kompetentnosti uchashhihsja v sovremennoj shkole // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 7. – S. 178–184.
7. Mjagkova A. P. Formirovanie grazhdanskoj kompetentnosti u starsheklassnikov v vospitatel'nom prostranstve sovremennoj srednej obshheobrazovatel'noj shkoly : avtoref. dis. ... kan. ped. nauk : 13.00.01. – M., 2014. – 26 s.
8. Sokol'nikov Ju. P. Vseobshhaja pedagogicheskaja teorija. Sistemnoe ponimanie pedagogicheskogo dejstvitel'nosti. – Cheboksary, 2001. – 32 s.
9. Holopova L. A. Grazhdanskoe obrazovanie kak odin iz sposobov obrazovaniya v shkolah i vuzah // So-vremennoe obrazovanie: pljusy, minusy i perspektivy : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Saratov, 2014. – S. 167–168.
10. Hutorskoj A. V. Kljuchevyje kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy // Narodnoe obrazovanie. – 2003. – № 2. – S. 58–64.

© Emelyanova M. V., Borovaya M. A., 2017

Emelyanova, Marina Valeryevna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogics and Psychology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: emelmarina@mail.ru

Borovaya, Maria Aleksandrovna – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian and General History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: mborovaya@yandex.ru

The article was contributed on April 13, 2017

УДК 811.161.1'271:[37:008]

О. А. Янутш

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются случаи нарушения правил смысловой сочетаемости в речи и связь данного феномена с трансформацией мыслительных и коммуникативных практик в целом. Теоретико-методологической базой исследования выступает культурологическая теория образования, позволяющая рассмотреть заявленную проблему в контексте процессов диалектического взаимодействия семейного (домашнего) воспитания, педагогической реальности и институциональной системы образования.

Ключевые слова: культура речи, культурологическая теория образования, культурология образования, языковая компетенция.

Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, – ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.
Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес.

Актуальность исследуемой проблемы. Грамотность – базовая характеристика образованного человека, включающая в себя не только знание орфографии и пунктуации, но также и определенную культуру мышления. Ее формирование традиционно являлось ключевой задачей системы образования. Вместе с тем тексты современных старшеклассников, студентов и аспирантов все чаще вызывают мысли о наличии своего рода пандемии семантической афазии.

Цель данного исследования заключается в выявлении факторов, фундированных спецификой сложившейся культурно-образовательной среды и негативно влияющих на формирование культуры речи у современных молодых взрослых.

Материал и методика исследований. На протяжении последних пяти лет автор работала членом жюри на нескольких всероссийских, городских конкурсах и олимпиадах по культурологии для школьников и студентов. Собранный материал, а также данные, полученные в ходе рецензирования кандидатских диссертаций, руководства курсовыми и выпускными работами бакалавров и магистрантов, выступили эмпирической базой исследования. Для анализа сложившейся ситуации и причин ее возникновения были использованы методы прикладной культурологии, культурологии образования и философских исследований феномена детства.

© Янутш О. А., 2017

Янутш Ольга Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: yanutsh@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

Результаты исследований и их обсуждение. Современные дискуссии о культуре речи чаще всего строятся вокруг различных аспектов порчи языка: растущего числа орфографических и пунктуационных ошибок, неправильного ударения, проникновения в литературный язык сленга, жаргона, ненормативной лексики (бранных слов, окказионизмов) и иностранных слов. Признавая серьезность и актуальность данных вопросов, мы тем не менее хотели бы остановиться на несколько иной проблеме – участившихся в речи случаях нарушения правил смысловой сочетаемости.

Если раньше подобные ошибки встречались преимущественно в работах школьников, то теперь ими изобилуют тексты студентов выпускных курсов и труды аспирантов:

- «Одним из важнейших вкладов, над которыми я поработала – помощь в проектировании и создании кулис-ширма» (Д. Т., студентка 4 курса).
- «Он [театр] давал возможность пережить смоделированный опыт, который принимали люди через представление в амфитеатре» (Д. К., магистр 2 курса).
- «Символизм Антигероя пронизан настоящей необходимостью реинкарнации современного социокультурного пространства в древнейшей, еще глубоко дохристианской, почвенническо-земледельческой модели» (В. К., соискатель ученой степени кандидата культурологии).

Следует отметить, что данные ошибки не являются случайными: часто подобным образом написаны десятки страниц. Можно было бы трактовать их как проявление творческого, поэтического отношения к языку, как элементы незастывшего, индивидуального языка художника, отличающие строение поэтического высказывания от автоматизма организации повседневной речи [14]. Однако этому мешает отсутствие в этих примерах какой-либо информации, доступной для передачи средствами обычной языковой структуры [5]. Кроме того, аналогичное построение фраз все чаще встречается именно в повседневной жизни: на страницах газет и журналов, рекламных щитах и плакатах, в многочисленных ресурсах сети Интернет, речи тележурналистов и радиоведущих.

В силу того, что между языковой картиной мира и структурой мышления (способами восприятия, интерпретации и упорядочивания окружающей действительности) существует непосредственная связь [2], [11], данный феномен требует не только лингвистического, но и серьезного философско-культурологического анализа: подобные тексты свидетельствуют о неспособности выстраивать сложные смысловые структуры, пренебрежении логикой мышления, нерелексивном, автоматическом характере письма. Мы рассмотрим причины возникновения и распространения этого явления с позиций культурологической теории образования.

Культурология образования – направление исследований, появившееся на рубеже XX–XXI вв. на стыке педагогики, культурологии, философии и социологии образования, – исходит из необходимости изучения образования как одной из подсистем культуры, находящейся в «многосторонней связи с социокультурным целым» [7, с. 39]. При этом в самой системе образования можно выделить три слоя:

- культурно-образовательная традиция: совокупность представлений об онтологических, гносеологических и аксиологических аспектах существования человека, исторически сложившаяся в конкретной культуре (субкультуре) и в наиболее концентрированном виде транслируемая в рамках семейно-домашнего воспитания;
- педагогическая реальность: педагогическое измерение объективно существующей социокультурной реальности, практики и формы организации повседневной жизни общества, определяющие содержание и характер социокультурной трансмиссии;

- институциональная система образования: совокупность государственных образовательных учреждений, осуществляющих целенаправленную деятельность в соответствии с существующими приоритетами культурной политики России.

Инвариантной целью образования, не зависящей от нюансов конкретного культурно-исторического контекста, является обеспечение культурного воспроизводства, трансляции культуры одним поколением другому. Оно «может быть как точным повторением (обычай, традиция, канон), так и развивающим (импровизация, модернизация, трансформация)» [12, с. 175]. Однако содержательное наполнение и характер взаимодействия описанных выше слоев будут непосредственно зависеть от существующего типа культурной трансформации – спонтанной или стимулированной.

В первом случае изменения осуществляются на эволюционной основе, за счет внутренне присущей данной культуре логики развития. При этом между различными слоями системы образования существует гармоничная взаимосвязь, обеспечивающая целостность передачи культурно значимых смыслов каждому новому поколению. Во втором случае изменения являются результатом «воздействия соседних культурных традиций <...> на основе селекции и адаптации к местной среде и традициям» [6, с. 217]. В подобных обстоятельствах для достижения той же цели необходимо более сложное, диалектическое взаимодействие новой педагогической реальности, существующей культурно-образовательной традиции и институциональной системы образования. Большинство динамических процессов в современной культуре относятся именно ко второму случаю. В силу этого использование теоретико-методологического аппарата культурологии образования позволяет выявить несколько наиболее важных, на наш взгляд, моментов, относящихся к актуальным проблемам формирования речевой культуры подростков и молодых взрослых.

Прежде всего необходимо отметить принципиальные изменения культурно-исторической модели «бытия взрослым», системы требований, предъявляемых к представителям различных возрастных когорт, и критериев оценки их ценности [10].

В 1982 г. в своей работе «Исчезновение детства» Н. Постман выдвинул гипотезу, согласно которой основным маркером различения ребенка и взрослого являлась грамотность. Она «способствовала развитию аналитически-рефлексивных способов понимания мира, вытесняя непосредственные» [9], и требовала определенного уровня начальной подготовки. Однако с появлением телевидения (электронных медиа в целом) необходимость в ней отпадает: для получения информации, необходимой для жизни, уже не требуется владеть развитыми навыками чтения и интерпретации (понимания) прочитанного. Н. Постман полагал, что это должно привести к исчезновению самого конструкта «детство». Сейчас, спустя 35 лет после выхода в свет его работы, многие ученые говорят о противоположной тенденции – исчезновении «взрослости» [10], [15].

Многочисленные исследования так называемого «поколения Y» («поколения Миллениума», «поколения ЯЯЯ») фиксируют объективную неспособность многих представителей этой возрастной когорты успешно справляться с требованиями социума. Опрос, проведенный недавно среди молодых людей в возрасте 16–29 лет в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, показал, что «до 20 % респондентов испытывают определенные трудности включения в социум» [1].

«Бытие взрослым» предполагает наличие определенного типа мышления. Грамотность, о которой писал Н. Постман, была одной из его фундаментальных, системообразующих черт. Ее разрушение порождает неспособность индивида адекватно интерпретировать окружающую действительность и выстраивать соответствующую стратегию собственного поведения (в том числе и речевого). Кроме того, как отмечает А. Я. Флиер, «за последние полвека радикальным

образом возросла в своей социальной значимости целеустановка на культурную саморепрезентацию и манифестацию человека, в какой-то мере начавшую превосходить и его стремление к непосредственной социально-профессиональной самореализации» [13, с. 38].

Сочетание данных факторов приводит к смене доминант в отношении к речи: ценится то, что звучит красиво, что получит больше лайков. Этос и пафос речи полностью нивелируют значимость логоса. Так, на официальном сайте фильма «28 панфиловцев», снятого при государственной поддержке и широко рекламировавшегося на федеральных телеканалах, написано: «Дышло исторической „правды“ отвернулось от своих героев» [8].

В результате черты, которые раньше были свойственны лишь языку и мышлению детей и подростков, теперь составляют значительную часть языковой среды в целом. То же самое происходит и в сфере домашнего (семейного) воспитания: став старше (но не повзрослев), представители поколения, рожденного в конце 80-х гг. прошлого века, часто оказываются неспособны предоставить собственным детям культурно значимые модели взрослого речевого поведения.

Таким образом, именно институциональная система образования остается последним форпостом в борьбе за культуру речи и мышления. Однако для сохранения и актуализации культурного опыта предыдущих поколений необходимо переосмысление целей, задач и методов формирования языковой компетенции современных школьников и студентов.

Школы и вузы часто упрекают в оторванности от жизни, в несоответствии диктуемых ими моделей поведения актуальной социокультурной практике. Обращаясь к концепции «Вызова и ответа» А. Тойнби как теоретико-методологической базе выстраивания новых стратегий образования, некоторые часто забывают о феномене творческого усилия. Однако без него ответ будет не ответом, а лишь простым приспособлением к существующим обстоятельствам. Первым элементом этого усилия должен стать серьезный анализ всего спектра вызовов современной культуры: как тех, которые способствуют прогрессу, так и тех, которые представляют для него определенные угрозы.

Развитие информационных технологий оказало сильное влияние на коммуникативную практику современной молодежи: на смену письмам пришли смс, общение в чатах и мессенджерах (Viber, WhatsApp и пр.). Короткие сообщения, имитирующие непосредственное устное общение, режим «живого диалога», допускают быструю смену тем, отрывочность и смысловую неполноту фраз, возможность мгновенного возврата к сказанному и его пояснения в случае непонимания «собеседником». Эти технологии полностью удовлетворяют потребности представителей «поколения рассеянного внимания» – «людей, которые не могут долго сосредоточиться, легко отвлекаются» [4].

При превращении сферы образования в рынок образовательных услуг новые педагогические технологии стремятся не преодолеть эти очевидные разрушительные тенденции, а подстроиться под них, адаптируя содержание заданий и форму их выполнения к новым паттернам потребления информации, что делает учебу легче и интереснее, однако в перспективе долгосрочного развития культуры подобный подход может иметь серьезные негативные последствия.

Описывая причины гибели крито-микенского мира, В. М. Масон, в частности, указывает на следующее обстоятельство: «Такое масштабное историческое явление в процессе культурогенеза и социогенеза не могло быть только делом рук „нехороших“ варваров. Система дворцового экономического и культурного лидерства была, по сути, лишь тонкой вуалью, простиравшейся над массовым населением страны... Как только рухнули культурные и политические лидеры, а новое руководство, принесшее более архаические порядки, в отличие от ахейцев, не было заинтересовано в развитии прежних централизованных бюро-

кратических традиций, дворцовая цивилизация распадается. История делает ощутимый шаг назад, с тем чтобы начать новое восхождение, уже в гомеровские времена» [6, с. 227].

Образование призвано обеспечивать системную передачу накопленного опыта и ценностных установок. Это касается не только знаний и навыков, но и определенных типов деятельности, от которых зависит устойчивое и последовательное развитие культуры и самого человека. Критикуя набирающую популярность практику использования интерактивных технологий в музейной педагогике, А. Г. Бойко отмечает: «Сегодня говорят: „Не надо созерцать, нужно взаимодействовать“. На самом деле очень важная функция современного музея – поддержание культуры созерцания» [3]. По аналогии с этим одной из важнейших функций современного образования является поддержание культуры мышления, формирование способности к интеллектуальному труду.

Резюме. Трансформация моделей «бытия взрослым» и распространение новых практик коммуникации – естественные процессы исторического развития культуры. Однако в современном мире, в ситуации, когда вся культурно-образовательная реальность ориентирована не столько на формирование самоценного культурного капитала личности, сколько на обеспечение индивида инструментами достижения успеха (прежде всего социального и экономического), сочетание указанных выше факторов приводит к смещению критериев ценности речи из области семантики в прагматику.

Эта тенденция разрушительно влияет на культуру мышления и в долгосрочной перспективе делает культуру в целом более уязвимой перед лицом глобальных исторических изменений. С точки зрения культурологической теории образования формирование у учащихся рефлексивного отношения к письму и навыков работы со сложными семантическими структурами речи – стратегическая задача современной системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородкина О. И., Самойлова В. А., Каллунки В. Проблемы социального исключения / включения молодежи (на материале социологического исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI, № 1(66). – С. 100–110.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
3. Как привлечь молодое поколение к изучению культурного достояния? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – Режим доступа: http://www.aif.ru/culture/art/muzej_eto_ne_iskusstvovedom.
4. Косточка Р. Скорость или глубина? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edutainme.ru/post/skorost-ili-glubina/>.
5. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – 1964. – Вып. 160, т. 1. – 195 с.
6. Массон В. М. Пульсирующая динамика ритмов культурогенеза и культурное наследие // Культурогенез и культурное наследие. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С. 213–255.
7. Мосолова Л. М. О задачах новой школы в контексте культурологии // Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 5. – С. 38–42.
8. Официальный сайт фильма «28 панфиловцев». – Режим доступа: <http://28panfilovcev.com/about.php>.
9. Поливанова К. Н. Практики развития: взросление в современном мире [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml>.
10. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013. – 767 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 654 с.
12. Флиер А. Я. Культурология образования: цели, задачи, возможности // Культурология 20–11: авторский сборник эссе и статей. – М.: Согласие, 2011. – С. 173–189.
13. Флиер А. Я. Современная культурология: проблемы, возможности, задачи // Культурология 20–11: авторский сборник эссе и статей. – М.: Согласие, 2011. – С. 26–98.
14. Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.; Л.: Круг, 1925. – 189 с.
15. Quill L. The Disappearance of Adulthood. – URL: https://works.bepress.com/lawrence_quill/3/.

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN CULTURE OF SPEECH IN THE LIGHT OF CULTURAL THEORY OF EDUCATION

A. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the cases of violation of the rules of semantic compatibility in speech and reveals the connection of this phenomenon with the transformation of cogitative and communicative practices. The theoretical and methodological base of the research is the cultural theory of education, which allows considering the stated problem in the context of the processes of dialectical interaction between family (home) education, pedagogical reality and the institutional system of education.

Keywords: *culture of speech, cultural studies of education, culturology of education, linguistic competence.*

REFERENCES

1. Borodkina O. I., Samojlova V. A., Kallunki V. Problemy social'nogo iskljuchenija / vkljuchenija molodezhi (na materiale sociologicheskogo issledovanija v Sankt-Peterburge i Leningradskoj oblasti) // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2013. – T. XVI, № 1(66). – S. 100–110.
2. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – 2-e izd. – M. : Progress, 2000. – 396 s.
3. Kak privilech' molodoe pokolenie k izucheniju kul'turnogo dostojanija? [Elektronnyj resurs] // Argumenty i fakty. – Rezhim dostupa : http://www.aif.ru/culture/art/muzey_eto_ne_ispytanie_razgovor_s_iskusstvovedom.
4. Kostochka R. Skorost' ili glubina? [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.edutainme.ru/post/skorost-ili-glubina/>.
5. Lotman Ju. M. Lekcii po struktural'noj pojetike // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam. – 1964. – Vyp. 160, t. 1. – 195 s.
6. Masson V. M. Pul'sirujushhaja dinamika ritmov kul'turogeneza i kul'turnoe nasledie // Kul'turogenez i kul'turnoe nasledie. – M. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014. – S. 213–255.
7. Mosolova L. M. O zadachah novoj shkoly v kontekste kul'turologii // Vestnik Gercenovskogo universiteta. – 2011. – № 5. – S. 38–42.
8. Oficial'nyj sajt fil'ma «28 panfilovcev». – Rezhim dostupa : <http://28panfilovcev.com/about.php>.
9. Polivanova K. N. Praktiki razvitija: vzroslenie v sovremennom mire [Elektronnyj resurs] // Materialy nauchno-jekspertnogo seminaru «Novoe detstvo». – Rezhim dostupa : <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml>.
10. Sapogova E. E. Jekzistencial'naja psihologija vzroslosti. – M. : Smysl, 2013. – 767 s.
11. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – M. : Progress ; Univers, 1993. – 654 s.
12. Flier A. Ja. Kul'turologija obrazovanija: celi, zadachi, vozmozhnosti // Kul'turologija 20–11: avtorskij sbornik jesse i statej. – M. : Soglasie, 2011. – S. 173–189.
13. Flier A. Ja. Sovremennaja kul'turologija: problemy, vozmozhnosti, zadachi // Kul'turologija 20–11 : avtorskij sbornik jesse i statej. – M. : Soglasie, 2011. – S. 26–98.
14. Shklovskij V. B. O teorii prozy. – M. ; L. : Krug, 1925. – 189 s.
15. Quill L. The Disappearance of Adulthood. – URL : https://works.bepress.com/lawrence_quill/3/.

© Yanutsh O. A., 2017

Yanutsh, Olga Aleksandrovna – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, A. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: yanutsh@gmail.com

The article was contributed on April 10, 2017

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение статей по актуальным проблемам биологических, филологических, педагогических наук, содержащих новые научные результаты, ранее не опубликованных и не представленных к публикации в других изданиях. Публикуются статьи по следующим отраслям науки: 03 – биологические науки; 10 – филологические науки; 13 – педагогические науки.

Не публикуются крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

- а) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
- б) инициалы и фамилии авторов на русском и английском языках (строчными буквами курсивом) – количество соавторов в статье может быть не более 4;
- в) название работы на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
- г) полное название учреждения, города и страны (курсивом), где выполнена работа, на русском и английском языках;
- д) четкую аннотацию на русском и английском языках (не менее 500 знаков) отдельными абзацами;
- е) ключевые слова на русском и английском языках (не более 7);
- ё) основной текст, включающий следующие подразделы:
 - актуальность исследуемой проблемы;
 - материал и методика исследований;
 - результаты исследований и их обсуждение;
 - резюме.
- ж) список цитируемой литературы.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы; домашний адрес с почтовым индексом (для отправки экземпляра журнала), контактный телефон, e-mail; шифр специальности, по которой выполнена работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников). Авторы должны собственноручно поставить подпись, которая означает их согласие на передачу прав на издание и распространение содержащейся в статье информации редакции Вестника. Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора с правилами Вестника.

К статье должны быть приложены следующие документы:

а) сопроводительное письмо на фирменном бланке организации, в которой выполнена работа, где указывается, что публикация статьи в Вестнике не нарушает ничьих авторских прав, что статья ранее нигде не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания, что при подготовке статьи соблюдены требования публикационной этики, что автор дает свое согласие на обработку (получение, использование, накопление, обновление, передачу, хранение, обезличивание, блокирование, уничтожение) персональных данных редакции Вестника;

б) экспертное заключение от организации, представляющей статью к публикации, о возможности опубликования материалов исследования в открытой печати, подтверждающее, что статья не содержит никакой секретной информации;

в) рецензия специалиста в области (по теме) исследования – доктора наук, профессора;

г) от аспирантов и магистров – отзыв научного руководителя и справка с места учебы, подтверждающая обучение в аспирантуре (магистратуре), с указанием сроков обучения, подписанная руководителем организации.

В редакцию Вестника статьи направляются в печатном (распечатанном на бумаге) и электронном вариантах. Электронный вариант должен точно соответствовать печатному.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Формат бумаги – А4. Поля: слева – 3 см, справа, сверху и снизу – 2 см.

2. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 16 страниц.

3. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовки, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.

4. Количество иллюстраций не должно превышать 4, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, быть обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисовочные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Кегль текста в схемах – 9 пт.

5. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер – 11, крупный индекс – 7, мелкий – 5. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

6. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

7. Цитируемая в статье литература (не менее 10 источников) приводится в виде алфавитного списка по ГОСТ 7.0.5-2008. Ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	3
Слово об учителе и друге.....	5
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Алексеева М. Г., Фролова В. А.</i>	Оценочная лексика в рекламных текстах каталогов учебно-методической литературы (на материале современного немецкого языка)..... 6
<i>Безруков А. Н.</i>	Русская постмодернистская литература в корпусной матрице фреймов и концептов 14
<i>Бычкова О. А., Константинова И. А., Петрова Е. В.</i>	Интертекстуальные связи в пьесе братьев Пресняковых «Изображая жертву»..... 24
<i>Герасимова Н. И.</i>	Мифологические универсалии традиционных чувашских верований..... 30
<i>Данилова Е. А., Петрова Н. Ю.</i>	Специфика грамматических средств выражения желательности в русском языке 37
<i>Данилова О. И.</i>	Мир детства в рассказе С. В. Максимова «Питерщик»..... 43
<i>Евдокимова О. К., Ляпаева Л. В., Федяй С. В.</i>	Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. (А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. С. Артемьев)..... 50
<i>Иванова И. К.</i>	Нарративный дискурс в творчестве Г. Грасса и Ю. Буйды..... 59
<i>Кириллова О. Ю., Ефремова А. В., Павлова Н. В.</i>	Стилистические средства создания комического в коротких рассказах немецкоязычных писателей 66
<i>Кириллова О. Ю., Кириллова В. Ю., Алексеев Б. Н.</i>	Стилистические особенности синтаксиса и композиции в притчах австрийских писателей 74
<i>Кузнецова А. И.</i>	«Война и мир» Л. Н. Толстого в художественной рецепции У. Голдинга: концепция «романа-горы»..... 81

<i>Кузнецова И. В.</i>	О проекте учебного словаря русских и чувашских устойчивых сравнений	90
<i>Мамцева В. В.</i>	Запаховая репрезентация мужчины в романтическом дискурсе	99
<i>Никитина А. В.</i>	Мифологические образы пространства в творчестве Г. Айги	107
<i>Поликарпова С. Ю.</i>	Значение и функции пословицы в стилиевой структуре произведения Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос»	116
<i>Сарбаиш Л. Н.</i>	Инонациональное этнографическое направление русской литературы XIX века: репрезентация полиэтнической Волги	122
<i>Старыгина Н. Н.</i>	Система локальных свертхтекстов русской литературы	129
<i>Трофимова С. В., Якимова Е. Р.</i>	Проблема характера и конфликт в драме Н. Угарина «Перед Пасхой»	137
<i>Филиппова Т. Н.</i>	Природа как источник вдохновения в лирике Юрия Семендера	143
<i>Юркина Т. Н.</i>	Функционирование императивных глагольных форм при выражении предостережения	150
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ		
<i>Анисимов Г. А., Пастухова Л. Б., Якушкина З. Н.</i>	Развитие монологической речи обучающихся в процессе овладения лексикой и грамматикой русского языка	157
<i>Бычков В. И.</i>	Анализ ошибок учащихся в употреблении служебных слов при написании развернутых ответов ЕГЭ по русскому языку	165
<i>Евдокимова О. К., Горбунов В. И., Васильева Л. Н.</i>	К проблеме подготовки научно-технической интеллигенции в вузе	173
<i>Емельянова М. В., Боровая М. А.</i>	Сущность и содержание гражданской компетентности старшеклассников	181
<i>Янутш О. А.</i>	Актуальные проблемы современной речевой культуры в свете культурологической теории образования	188
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		194

CONTENT

From the Editor-in-chief.....	3
A word about teacher and friend.....	5
PHILOLOGY	
<i>Alekseeva M. G., Frolova V. A.</i>	Evaluation words in advertising texts of courseware catalogues (by the example of modern German)..... 6
<i>Bezrukov A. N.</i>	Russian postmodern literature in the corpus-based matrix of frames and concepts 14
<i>Bychkova O. A., Konstantinova I. A., Petrova E. V.</i>	Intertextual connections in the play «Pretending a Victim» by Presnyakov brothers..... 24
<i>Gerasimova N. I.</i>	Mythological universals of traditional Chuvash beliefs..... 30
<i>Danilova E. A., Petrova N. Yu.</i>	Specificity of grammatical means of expressing desirability in Russian language..... 37
<i>Danilova O. I.</i>	World of childhood in the story of S. V. Maksimov «Peterschik» 43
<i>Evdokimova O. K., Lyapaeva L. V., Fedyay S. V.</i>	Concept «garden» in Russian and Chuvash literature of the 19 th –20 th centuries (A. P. Chekhov, I. A. Bunin, A. S. Artemyev)..... 50
<i>Ivanova I. K.</i>	Narrative discourse in the works of G. Grass and Yu. Buyda..... 59
<i>Kirillova O. Yu., Efremova A. V., Pavlova N. V.</i>	Stylistic means of creating the comic effect in short stories of German writers..... 66
<i>Kirillova O. Yu., Kirillova V. Yu., Alekseev B. N.</i>	Stylistic peculiarities of syntax and composition in paroemias of Austrian writers..... 74
<i>Kuznetsova A. I.</i>	«War and Peace» by L. Tolstoy in W. Golding's art reception: the conception of «novel-mountain»..... 81

<i>Kuznetsova I. V.</i>	On the project of learner's dictionary of Russian and Chuvash fixed similes.....	90
<i>Mamtseva V. V.</i>	Olfactory representation of the man in romantic discourse.....	99
<i>Nikitina A. V.</i>	Mythological images of space in the works of G. Ayghi.....	107
<i>Polikarpova S. Yu.</i>	Significance and function of proverbs in stylistic structure in «Ulyp. Chuvash Epic» by Khveder Syuin.....	116
<i>Sarbash L. N.</i>	Non-indigenous ethnographic line of Russian literature of the 19 th century: representation of the multiethnic Volga.....	122
<i>Staryghina N. N.</i>	System of local supertexts of Russian literature.....	129
<i>Trofimova S. V., Yakimova E. R.</i>	Character and conflict in drama «Before Easter» by N. Ugarin...	137
<i>Filippova T. N.</i>	Nature as a source of inspiration in the lyrics of Yuri Semender..	143
<i>Yurkina T. N.</i>	Functioning of imperative verb forms when expressing admonition.....	150
PEDAGOGICS		
<i>Anisimov G. A., Pastukhova L. B., Yakushkina Z. N.</i>	Developoment of monologic speech in the process of mastering Russian vocabulary and grammar.....	157
<i>Bychkov V. I.</i>	Analysis of students' mistakes in the use of functional words when writing detailed answers at the unified state examination in Russian.....	165
<i>Evdokimova O. K., Gorbunov V. I., Vasilyeva L. N.</i>	On the problem of training scientific-technical intelligentsia at the Universty.....	173
<i>Emelyanova M. V., Borovaya M. A.</i>	Essence and content of senior schoolchildren' civil competence..	181
<i>Yanutsh O. A.</i>	Actual problems of modern culture of speech in the light of cultural theory of education.....	188
INFORMATION FOR THE AUTHORS		194

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2017. № 3 (95). Ч. 2

Редакторы Е. Н. Засецкова
 Л. С. Миронова
 И. А. Сметанина

Компьютерная верстка, макет А. В. Балашниковой

Подписано в печать 27.10.2017. Выход в свет 22.11.2017.
Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 25,00.
Тираж 500 экз. Заказ № 490. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38